

БГ $\frac{016/8}{C-506}$

10333/II.

О С Л О В Ъ

О

ПОЯКУ ИГОРЕВЪ.

ВЫПУСКЪ II.

Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ.

А. Смирнова.

Отдѣльный Оттискъ изъ „Филологическихъ Записокъ.“

В О Р О Н Е Ж Ъ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1879.

891.710.03

81.265

2

2006
2012

Инв 342 б

ШС(а=р)3-3,31

ШС(а=у_к)3-3,31

БГ ШС(а=у_к)3-3
с-506

Дозволено Цензурой. Москва, 15 Ноября 1878 г.

БГ 016:8Р_у
с-506

О С Л О В Ъ

О ПОЛКУ ИГОРЕВЪ.

II

Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ.

1. Вѣкъ рукописи и характеръ письма.

Мусинъ-Пушкинъ, при изданіи Слова, о рукописи замѣтилъ только, что она по своему почерку весьма древняя (1-е изд. стр. VП); но къ какому она относилась вѣку, какъ и на чемъ написана, объ этомъ онъ тогда не сказалъ ни слова. Видно, что ни онъ, ни его сотрудники не придавали тогда значенія этимъ вопросамъ и потому ихъ вовсе не коснулись. Это зависѣло не только оттого, что издатели не были подготовлены къ своему дѣлу филологически, но и оттого, что тогдашняя критика обратила вниманіе только на языкъ и слогъ, который нашла отличнымъ отъ библейскаго и лѣтописнаго и потому не имѣющимъ на себѣ печати древности. ¹⁾ Обращена она тогда вниманіе на внѣшность рукописи, на письмо, почеркъ и бумагу; издатели, навѣрное, высказались бы по этому поводу и опредѣлили бы вѣкъ рукописи. Ихъ сужденія пусть

¹⁾ Критика произнесла такой приговоръ о Словѣ, по всей вѣроятности, на основаніи бѣлаго взгляда на рукопись, или на основаніи нѣкоторыхъ отрывковъ изъ него. Первое изданіе, кромѣ самаго текста, напечатаннаго въ цѣлости, другихъ данныхъ для сужденія о древности и подлинности не представило, а между тѣмъ второй приговоръ тойже критики послѣ изданія былъ совершенно противоположенъ первому: «это твореніе въ пѣвческой прозѣ древнее, даже подлинное» сказалъ Шлецеръ, прочитавши Слово въ печати въ изданіи (Нест. т. 1 стр. 384).

были бы не вѣрны; но они навѣрное привели бы какія нибудь данныя; можетъ быть они подробнѣе описали бы самый сборникъ, сдѣлали бы изъ него большія выдержки, сняли копіи съ почерка, описали характеръ письма, отыскали приписки, разглядѣли бумагу; но ни чего подобнаго ими не сдѣлано.

Вопросъ о вѣкѣ рукописи возникъ только послѣ гибели ея; онъ возбужденъ былъ тогдашнимъ профессоромъ Тимковскимъ, который, занимаясь филологическимъ разборомъ Слова, просилъ Калайдовича²⁾ предложить Мусину-Пушкину нѣсколько вопросовъ касательно рукописи и способа изданія ея. Калайдовичъ въ своемъ письмѣ къ Мусину-Пушкину, кажется, такъ формулировалъ ихъ: На чемъ, когда и какъ писана рукопись, вѣрно ли напечатана, не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописаніе? (Лѣт. р. л., кн. 6, стр. 90 и Сынъ От. т. 8, см. стр. 15 и слѣд.)

На эти вопросы М. Пушкинъ въ концѣ 1813 г. отвѣтилъ, что писана она на лощеной бумагѣ довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или началу XV в. (С. От. т. 8, см. стр. 17)

Въ этомъ письмѣ М. Пушкина нужно обратить вниманіе на слѣдующія слова: „чистое письмо, почеркъ письма и бумагу.“ Чистое письмо означаетъ здѣсь письмо четкое, въ которомъ буквы ясно различаются; объ этомъ письмѣ М. Пушкинъ въ другомъ мѣстѣ выразился такъ: написана (рукопись) яснымъ характеромъ (Зап. и Тр. 1824 г. кн. II, стр. 37); и если по выраженію Мусина-Пушкина „читать руко-

²⁾ Самъ Калайдовичъ, конечно, не видалъ рукописи, иначе онъ не сталъ бы спрашивать о ней у типографщика Селивановскаго. Сомнительно, чтобы и Тимковской былъ самовидцемъ рукописи. Если бы онъ видѣлъ ее, то не обратился бы съ запросами къ Мусину-Пушкину. Потому увѣреніе Сахарова, что Калайдовичъ и Тимковскій были очевидцами рукописи (Сказ. Р. Н. т. I, стр. 50), не имѣетъ никакихъ основаній.

пись было трудно“, то не потому, что буквы были не разборчивы, походили одна на другую, а потому, что „не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ находилось множество неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было раздѣлить ее на періоды и потомъ добираться до смысла, что крайне затрудняло.“ (Зап. и Тр., кн. II, стр. 37, 1824 г.). Вотъ настоящая причина трудности чтенія. Она видна также и изъ слѣдующаго мѣста въ письмѣ М. Пушкина: „хотя уже все было разобрано, но я, не бывъ переложеніемъ своимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь, чтобы не сдѣлать ошибки, подобной кн. Щербатову“ Ошибка же кн. Щербатова состоитъ не въ принятіи однихъ буквъ за другія (буквы у него прочитаны вѣрно), но въ не вѣрномъ раздѣленіи сплошнаго текста на слова: Заячь и Миловцы вм. заячьими ловцы.

Почеркъ письма, на основаніи котораго М. Пушкинъ отнесъ рукопись къ извѣстному вѣку, конечно, относится къ характеру письма—уставному, полууставному и скорописному. Но М. Пушкинъ не сказалъ, какое именно было письмо изъ этихъ трехъ. Если въ предисловіи къ изданію онъ назвалъ письмо весьма древнимъ, то разумѣлъ, конечно, не скоропись, явившуюся у насъ съ XV в., а уставъ или полууставъ, скорописи, которая въ началѣ XIX ст. у насъ была отличаема отъ мелкаго уставнаго или полууставнаго письма всѣми, имѣвшими дѣло съ старыми рукописями (Зап. и Тр. 1826 г., к. 1, ч. III), М. Пушкинъ не придалъ бы наименованія „весьма древнее;“ онъ скорѣе бы назвалъ такое письмо просто древнимъ, а пожалуй и позднѣйшимъ.

Бумагу рукописи М. Пушкинъ назвалъ лощеною и по ней, какъ и по почерку письма, далъ показаніе о вѣкѣ рукописи. Нельзя думать, чтобы М. Пушкинъ сослался на бумагу безъ всякихъ основаній. Ему извѣстно было, что спрашиваютъ его о вѣкѣ рукописи не изъ простаго любо-

нытства диллстанты въ древностяхъ, его спрашивали люди серьезно относившіеся къ своему дѣлу, люди занимавшіеся дѣломъ научно. М. Пушкинъ, навѣрно, счелъ бы для себя непристойнымъ предлагать такимъ лицамъ мнѣніе, ни на чемъ не основанное. Если онъ самъ, дѣйствительно, былъ не опытенъ въ палеографіи, то можно быть увѣреннымъ, что онъ заимствовалъ такое мнѣніе у людей болѣе его компетентныхъ. По отношенію къ разсматриваемому нами вопросу М. Пушкинъ, конечно, высказалъ мнѣніе лица, специально занимавшагося палеографіей, опредѣленіемъ вѣка рукописей по ихъ матеріалу. Такимъ лицомъ былъ въ его время Ермолаевъ, учитель Востокова по палеографіи.³⁾ О палеографическихъ его способностяхъ и познаніяхъ дошло до насъ вѣсколько свидѣтельствъ его современниковъ, людей заслуживающихъ полного довѣрія, это Востокова, митроп. Евгенія (Уч. Зап. 2. Отд. А. Н., кн. 2, в. 2, стр. 75 и Переп. Вост. стр. 22 и 23) и графа Н. П. Румянцева (Переп. Евг. съ Рум. стр. 56).⁴⁾ Кромѣ того, въ Имп. Публ. Би-

³⁾ Ермолаевъ съ 1808 г. опредѣленъ былъ помощникомъ хранителя рукописей И. л. П. Библ., а съ 1815 г. сдѣланъ хранителемъ ея и былъ имъ до смерти, т. е. 1832 г. (Пер. Вост. стр. 404-405). У Быкова находится связка черновыхъ бумагъ его, изъ коихъ кое что напечатано въ Сбор. ст., чит. въ 2 От. А. Н. 1868 г. т. 5 в. 1. стр. 238 и слѣд.

⁴⁾ Барсовъ, рѣшая вопросъ о вѣкѣ рукописи Слова и усиливаясь опровергнуть мнѣніе объ этомъ Мусина-Пушкина, какъ человѣка не опытнаго въ палеографіи, наравивъ съ послѣднимъ ставить и Ермолаева. Показаніе его, что рукопись была XV в., онъ считаетъ не имѣющимъ значенія на томъ основаніи, что Ермолаевъ не былъ издателемъ рукописи и не изучалъ ея специально и что отзывъ его могъ основываться на поверхностномъ знакомствѣ съ вею (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. Сент. стр. 18). Такой взглядъ на Ермолаева, недовѣріе къ его авторитету въ опредѣленіи рукописей стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ тѣмъ, что сказано у Барсова страницю выше (стр. 17 тамъ же): графъ Румянцева, не полагаясь рѣшительно на свое мнѣніе, всѣ представленныя имъ (Малиновскими) бумаги, показалъ Ермолаеву, который выдѣлъ подлинную рукопись Слова. Онъ не усумнился покупку Малиновскаго (поддѣльный списокъ Слова) назвать подложною. Если Ермолаева нельзя было ввести въ заблужденіе поддѣльною рукописью, если онъ сразу могъ отличить поддѣльное отъ истиннаго и ни на минуту не усум-

бліотекѣ доселѣ хранятся его отмѣтки о вѣкѣ написанія нѣкоторыхъ рукописей и еще въ 1857 г. живы были воспоминанія, какъ онъ училъ другихъ наглядно отличать, въ какое время рукопись писана (Изв. А. Н. по 2 Отд. 1857 г., стр. 264.). Къ наглядному обученію опредѣлять вѣкѣ рукописей, кромѣ почерка, конечно, относилась и бумага рукописи. Этотъ приемъ замѣчается и у ученика его Востокова (Уч. З. 2 Отд. А. Н. кн. 2, в. 2, стр. 7. Опис. Р. муз. стр. 725.). Нѣтъ основанія сомнѣваться, что этотъ же приемъ извѣстенъ былъ и учителю. Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ случай говорить съ нимъ о рукописи, такъ какъ Ермолаевъ, по свидѣтельству Востокова, разсматривалъ ее и назвалъ письмо ея полууставомъ XV в. (Глагол. Умозр. и оп. осн. Слов. ч. 4, стр. 24—25). Мусинъ-Пушкинъ, считая ее писанною въ концѣ XIV или началѣ XV в., вѣроятно, имѣлъ двоякаго рода данныя,—по однимъ она должно была относиться къ XIV, по другимъ къ XV. Можетъ статься, что къ первымъ, по показанію Ермолаева, относилась бумага, имѣвшая знаки XIV ст., а ко вторымъ—письмо, положительно опредѣленное Ермолаевымъ. Кромѣ М. Пушкина и Ермолаева изъ самовидцевъ рукописи еще два компетентныхъ лица дали показаніе о вѣкѣ ея, это Малиновскій и Карамзинъ. Малиновскій относилъ ее къ XIV ст. (Дуб. Сл. о П. И. стр. VIII), а Карамзинъ считалъ ее писанною въ исходѣ XV ст. (С. От. т. 8, стр. 17).

Не смотря на свидѣтельства очевидцевъ рукописи, людей хорошо знакомыхъ съ старыми рукописями и почерками, Калайдовичъ, самъ не выдавшій рукописи, началъ съ 1818 г. утверждать, что почеркъ рукописи, по свѣдѣнію въ подложности, то это рѣшительно говорить въ пользу его, въ пользу глубокаго пониманія имъ своего дѣла; такъ смотрѣли на него современники, и мы пока еще не имѣемъ данныхъ, почему бы могли сомнѣваться въ его знаніи и глубокомъ пониманіи палеографіи.

дѣтельству очевидцевъ, не восходилъ далѣе XVI в. (Оп. р. в. стр. 28). Утверждая это, онъ ссылагся тоже на свидѣтельства очевидцевъ; между тѣмъ намъ извѣстно изъ собственныхъ же словъ Калайдовича, что такое свидѣтельство онъ слышалъ отъ одного лица. Въ запискахъ Тимковского онъ записалъ своею рукою: „Типографщикъ С. А. Селивановскій говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ рукописи пѣснь Игореу. Она написана бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Дмитрія Ростовскаго (С. От. т. 8, стр. 17). Кромѣ этого ссылокъ на другихъ очевидцевъ Калайдовичъ не дѣлалъ ни въ одномъ изъ своихъ сочиненій, въ которыхъ онъ касался Слова.

Такое утвержденіе, не основанное на вѣскихъ данныхъ, долго не находило себѣ приверженцевъ; большинство занимавшихся древнею литературою болѣе довѣряло показаніямъ первыхъ издателей, и только такъ называемые скептики приняли мнѣніе Калайдовича, пополняли его новыми предположеніями и лишь для того, чтобы поколебать вѣру въ древность и подлинность Слова. Но съ 1866 г. къ мнѣнію Калайдовича о письмѣ и вѣкѣ рукописи склонились и представители русской филологіи и литературы. Въ 1870 г. даже Буслаевъ принималъ мнѣніе, что погибшая рукопись была XVI в. (Христ. древнерусск. лит. стр. 91). Причиною такого поворота во взглядѣ на вѣкъ рукописи у людей, научно занимающихся старой литературой и языкомъ, было то, что Тихонравовъ, при своемъ изданіи Слова, по 1 изданію и Екатерининскому списку, заподозрилъ перваго издателя М. Пушкина въ умѣньи читать старыя рукописи, свидѣтельство его о вѣкѣ рукописи счелъ не надежнымъ и на основаніи двухъ копій представилъ палеографическія данныя, по которымъ погибшая рукопись, будтобы, должна быть отнесена къ концу XVI в. (Слово о П. Иг. Тих. стр. IX). На все это онъ представилъ доказательстча, къ разбору которыхъ мы и переходимъ.

1. Что М. Пушкинъ былъ не опытенъ въ палеогра-

фѣи, и могъ ошибаться при чтеніи, какъ и кн. Щербатовъ (Сл. Тих. стр. IV), это не новость: уже и современники находили у него ошибки, обличавшія въ немъ неумѣнье читать рукописи.⁵⁾ Но все-таки это не могло помѣшать тому, чтобы рукопись была издана въ печати вѣрно и чтобы показаніе о вѣѣ ея было ближе къ истинѣ, чѣмъ показаніе Калайдовича. Вѣрность изданія рукописи засвидѣтельствована лицомъ, заслуживающимъ полного довѣрія, лицомъ основательно знакомымъ съ старой письменностію. — она засвидѣтельствована Карамзинымъ (С. От. т. 8, стр. 20). Ермолаевъ, лучший тогдашній знатокъ палеографіи тоже ничего не возразилъ противъ печатнаго изданія. Значить, оно было удовлетворительно, правописаніе его было выдержано, — оно было такое же въ печати, какое и въ рукописи, по которому онъ между прочимъ опредѣлялъ вѣкъ ея. Нельзя сказать, чтобы за точность печатнаго изданія мы обязаны были именно М. Пушкину,⁶⁾ но нельзя вмѣстѣ съ этимъ и отнимать у печатнаго изданія того, что въ немъ дѣйствительно есть. Оно представляетъ болѣе вѣрную копію, чѣмъ Екатерининскій списокъ, снятый тотчасъ по открытіи рукописи, второпяхъ, безъ вниманія къ правописанію и раздѣленію словъ, вопреки мнѣнію Тихонравова, признающаго этотъ списокъ болѣе вѣрной копіей (стр. V).

II. Палеографическія данныя, представленныя Тихонравовымъ, слѣдующія: 1) въ погибшей рукописи з походилъ на ъ, такъ что издатели не могли различить ихъ

⁵⁾ Калайдовичъ подмѣтилъ неправильное прочтеніе М. Пушкинымъ въ Духовной Мономахъ — не домысли въ. не дошелъ. а Востоковъ и ѣа въ. авва и др. (Переп. Вост. стр. 130).

⁶⁾ Сотрудники М. Пушкина, Малиновскій и Бятышъ Каменскій, кажется, мало давали простору догадкамъ его въ чтеніи текста. Это видно изъ того, что Малиновскій и Каменскій корректировали наборъ, каждый особо, третій разъ просматривалъ его М. Пушкинъ, но онъ уже не имѣлъ права дѣлать поправки (От. Зап. т. 8, стр. 15 и слѣд.) Ему, значить, предоставлено было право с отрѣзъ за переводомъ, а за текстомъ слѣдили Малиновскій и Каменскій.

и ставили въ печатномъ изданіи одинъ на мѣсто другаго. Сходство въ начертаніи этихъ знаковъ, говоритъ Тихонравовъ, замѣчается только въ скорописи XVI и XVII в. 2) *л* въ рукописи походило на *з* и *б*, — такое явленіе замѣчается въ скорописи конца XVII в. 3) *ы* походило формою на *л* въ скорописи XVI в. 4) Двойственное *о*, встрѣтившееся въ Екатерининскомъ спискѣ, въ Словѣ оочи-ма, попадаетъ только въ рукописяхъ XVI в. На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ Тихонравовъ не могъ раздѣлять мнѣнія очевидцевъ рукописи о вѣкѣ ея. Онъ склонился къ мнѣнію Калайдовича и отнесъ рукопись къ концу XVI в. Но разсматривая эти данныя, мы все-таки должны согласиться, что мнѣніе М. Пушкина ближе къ истинѣ, чѣмъ Калайдовича и Тихонравова, и это вотъ почему:

1. Нѣкоторое сходство въ начертаніи *з* съ *б* и *л* съ *з* встрѣчается не только въ скорописи XVI в., но и въ скорописи XV (см. Иванова Пал. сн. табл. 29-я). Но мы не имѣемъ основаній считать, что рукопись была скорописная, и это замѣчаніе дѣлаемъ только къ слову, какъ ослабляющее силу доводовъ Тихонравова. Тихонравовъ обращаетъ вниманіе на то, что М. Пушкинъ будто бы колебался въ чтеніи особенно при разборѣ *з* и *б* при плавныхъ, въ одномъ случаѣ онъ прочиталъ чрълень, въ другомъ чрълень и вообще постоянно *з* принималъ за *б*, а *б* за *з* (стр. V), при выводѣ окончаній изъ - подъ титлъ произвольно ставилъ *ъ* или *б* и въ окончаніяхъ болѣе частое *ь* вм. *з* въ печатномъ изданіи, чѣмъ въ Екат. спискѣ, явилось лишь вслѣдствіе неумѣнія отличить *з* отъ *б* (стр. VI). На все это считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее:

а) Смѣшеніе *з* съ *б* при плавныхъ явленіе обыкновенное въ письменности XIV или XV ст., оно является даже и въ болѣе древней письменности; зачатки этого смѣшенія находятся уже въ Остромировомъ Евангеліи, значить, оно было и въ XI ст. Если это смѣшеніе началось такъ рано, то почему ему не быть въ рукописи Слова; оно, дѣйствительно, тамъ и было,

что подтверждаютъ выдержки, сдѣланныя Карамзинымъ изъ другихъ статей рукописи, напр. тамъ встрѣчается: прѣсть, дръзость (Ист. т. III, пр. 272); разница же въ употребленіи *з* и *о* при плавныхъ въ двухъ спискахъ произошла вовсе не отъ неопредѣленности начертаній ихъ въ оригиналѣ, а отъ переписчика, хотя бы онъ былъ одинъ и тотъ же. Глухіе для него не были явленіемъ живымъ; онъ могъ вѣрно скопировать ихъ тогда, когда, переписывая, слѣдилъ за каждой буквой, провѣрялъ ее, сличалъ слова по перепискѣ съ подлинникомъ. За такое отношеніе къ дѣлу мы можемъ поручиться относительно печатнаго изданія; но не то было съ Екатерининскимъ спискомъ. Онъ былъ переписанъ скорѣе подъ диктовку, при которой диктующій только въ нѣкоторыхъ случаяхъ диктовалъ по буквамъ, въ большинствѣ же случаевъ онъ говорилъ слова съ глухими при плавныхъ примѣнительно къ живому выговору. Вслѣдствіе этого глухіе при плавныхъ въ Екатерининскомъ спискѣ чаще замѣняюся чистыми гласными—*о* и *е*.

б) При выведеніи окончаній съ глухимъ изъ - подъ титлъ М. Пушкинъ не поступалъ произвольно, ставя въ печатномъ изданіи тотъ или другой; онъ въ этомъ случаѣ примѣнялся къ современнымъ ему правиламъ правописанія, ставилъ *ъ* въ словахъ: умомъ, одинъ (Пек. 10), повѣдаютъ, шеломотъ (12) желѣзныхъ, сонъ (14) у римъ (15), звѣремъ (17) босымъ, соколомъ (18) своихъ, летить (19). Единственное слово—трудомъ, можетъ статься, было скорѣе типографическою ошибкою, не досмотрѣнною корректорами, чѣмъ произвольной постановкой *ъ* вм. употребленнаго вездѣ въ подобныхъ случаяхъ *ь*.

в) Частое употребленіе, особенно въ окончаніяхъ, *ь* вм. *ъ* не есть смѣшеніе сходнаго начертанія этихъ буквъ первыми издателями при чтеніи рукописи, а могло принадлежать именно самой рукописи. Это смѣшеніе замѣчается 1) въ третьихъ лицахъ глагольныхъ окончаній на *тъ*; 2) въ именит. надежѣ существ. муж. рода на *ъ*,—Дидѣрь

и Днѣпръ, Всеславъ, дивъ; 3) въ творит. пад. един. числа на омъ; 4) въ дат. множ. на омъ, амъ, имъ былинамъ, имъ и 5., въ родит. мн. на овъ: соколовъ. 1 и 3 случаи, явленія—обыкновенныя, естественный результатъ смѣшенія старыхъ окончаній древнѣйшей рукописи съ новѣйшими, живыми для переписчика погибшей рукописи. 2, 4 и 5 представляютъ особенность необъяснимую указаннымъ путемъ; но онѣ не единственныя только въ рукописи Слова,—онѣ встрѣчаются и въ другихъ памятникахъ, восходя къ XII в. Въ другихъ статьяхъ книги, въ которой найдено Слово, встрѣчаемъ: Акырѣ и Акырѣ, сыномъ твоимъ, сыновъ; въ житіи Бориса и Глѣба Нестора (Бод. 1859 г.) XIV в. встрѣчаемъ: Владимиръ (стр. 3), въ 1 Новг. лѣт. XIV в. Днѣпръ (Мат. для Слов. и Гр. т. II, сл. Пып.); въ Пандектахъ Антіоха конца XII ст.: Павль, Петръ, отъ бракъ, вѣкомъ (Срезн. Древ. пам. стр. 173—175); замѣна ѣ посредствомъ ь замѣчается и въ предлогахъ взратиться (Срезн. Пам. стр. 269 Псалт. въ лиц. 1379 г.). Въ житіи Бор. и Гл. XII в. (Бод. л. 8, стр. 2) крѣпѣкъ. Такое же употребленіе ь вм. ѣ часто встрѣчается въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи: разгордѣвсь (389 стр., II изд.) скажемъ, Смолнескъ (390), къ нимъ, обьяша (391) паробѣче въземши (398), Володимеръ (432). Вѣроятно, здѣсь сказалась особенность какого нибудь говора, потому что и въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ съ твердыми окончаніями, встрѣчается мягкое, напр. по Днепрю (Ип. стр. 449); но ужъ ни какъ не то, что при чтеніи рукописей трудно различаются ѣ и ь: указанные рукописи писаны яснымъ уставомъ, или полууставомъ и у издателей не могло быть колебанія—ѣ или ь нужно читать въ данныхъ случаяхъ.

2. Тихонравовъ полагаетъ, что въ рукописи и ы походило на ѣ и обратно; это онъ выводитъ изъ нѣсколькихъ случаевъ, въ которыхъ окончаніе дат. падежа стоитъ на мѣстѣ родит. и обратнo. Ужъ одно то, что подобная

замѣна встрѣчается только въ данныхъ случаяхъ, а въ другихъ ея нѣтъ, должно бы остановить Тихонравова отъ смѣлыхъ предположеній о существовавшемъ сходствѣ, но онъ отсюда дѣлаетъ наведеніе и къ почерку письма, — онъ говоритъ, что подобное смѣшеніе существовало въ скорописномъ полууставѣ XVI в. и позднѣе.

Несмѣшеніе ѣ и ы въ другихъ случаяхъ, а только въ данныхъ, объясняется очень просто. Смѣшеніе падежей дательнаго съ родительнымъ въ именахъ сущ. женск. род. замѣчается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ. Оно, вѣроятно, начинается съ Остромирова Ев., въ которомъ часто окончаніе род. п. на ѣ: недѣлѣ. Здѣсь такое окончаніе очень естественно, какъ результатъ смѣшенія ѣ съ іа, происшедшимъ изъ слав. ж. Но къ такому окончанію такъ привыкъ въ послѣдствіи слухъ, что оно распространилось и на твердое склоненіе, въ которомъ произошло смѣшеніе падежей въ XIII и XIV в. напр.: отъ владыцѣ (Колос. Очер ист. стр. 109). Въ Силв. сб. въ Жит. Бор. и Гл. святаго Николѣ (Пред. Бод. стр. 15) при болѣе частомъ — Николы. Въ Ип. сп. лѣт. встрѣчается также родит. съ окончаніемъ дательнаго: изъ Москве (стр. 407). Колосовъ въ древнихъ памятникахъ подобную замѣну считаетъ особенностью Новгородскаго нарѣчія — полгивне (Оч. стр. 94), а въ новомъ языкѣ эта замѣна составляетъ, говоритъ онъ, особенность сѣверно великорусскаго говора (Мат. стр. 41). Не была ли она и въ древности распространениѣ, чѣмъ только въ Новгородской области; потому что явилась по аналогіи съ мягкимъ склоненіемъ, замѣнявшимъ іа посредствомъ ѣ (=е).

Тоже нужно сказать и объ обратномъ явленіи — замѣнѣ окончаній дательнаго падежа окончаніями родительнаго, оно не слѣдствіе смѣшенія издателями ѣ съ ы: тяжело головы, а особенность памятника, передававшего живую особенность языка того времени. Что это была особенность говора, видно изъ того, что встрѣчается и въ дру-

гихъ того времени памятникахъ, такъ напр. въ Илат сп. лѣт. къ Донцю рѣкы (стр. 431). Въ Ж. Бор. и Гл. Сильв. сп. XIV в. предл. пад., обыкновенно сходный съ дат въ ж. р., именно — „прелести идольскы,“ при болѣе частой формѣ: идольствѣ (Бод. стр. 15, Ж. Б. и Гл. Нест.). Но особенно эта замѣна часто употребляется въ современныхъ народныхъ пѣсняхъ сѣвера Россіи. Изъ сборника Гильфердинга Колосовъ представляетъ много примѣровъ (Мат стр. 45); да и самъ Тихонравовъ приводитъ подобный примѣръ. отпѣвали умъ разумъ по буйной головы (1 изд. стр. 51, предлож. пад. сход. съ дат.) Значить, Тихонравовъ въ число доводовъ неумѣнья М. Пукшина читать рукописи помѣстилъ такой фактъ, который скорѣе указываетъ на точность изданія рукописи, на ясное различіе буквъ ѣ и ы. Не будь въ данныхъ мѣстахъ ясно, отчетливо написано ы и ѣ, издатели навѣрное примѣнили бы къ литературнымъ формамъ надежды, не напечатали бы: тяжко ти головы, на моя ладѣ вои, ищучи князю славѣ, а напечатали бы — головѣ, лады, славы

3. Смѣшеніе ѣ и ы съ ѣ Тихонравовымъ указано въ словахъ. пѣснѣ (по Екат.) пѣснь (печат.), средѣ (Екат) средь (печ.), мужаимѣся и горѣ (въ обоихъ) вм. мужаимѣся и горѣ. Изъ этихъ словъ о первомъ нужно замѣтить, что при перепискѣ Екат списка здѣсь могла произойти описка, какихъ нѣсколько въ немъ, наприм.: утече вм. тече, грозный — выликій (14 стр.) и за не землю (стр. 15). Екатер. списокъ, опять повторимъ, менѣе вѣрная копія, чѣмъ печатное изданіе. Второе слово „средѣ“, можетъ статья, выведено изъ-подъ титла, и какъ это происходило въ разное время, явилось различіе въ чтеніи, все равно какъ въ словахъ. бишася день, бишася другій (Екат.), въ печ. — бишася другій. Третье слово: мужаимѣся — такимъ сдѣлалось подъ рукою переписчика погибшей рукописи, который, стараясь о вѣрной копировкѣ, сбился все-таки на живое нарѣчіе, въ которомъ не было двойственного числа,

онъ прочелъ въ старой рукописи „мужаивѣся“, обратилъ вниманіе на ѣ, но при этомъ, не понимая значенія такой формы, представилъ живую „мужаймся“, отъ чего произошло смѣшеніе формъ. Подобную передѣлку можно видѣть и въ другихъ рукописяхъ, писанныхъ яснымъ полууставомъ, напр. въ Ип. списокѣ. поѣдѣта (стр. 404). Последнее слово „горѣ“ вм. горѣ тоже можно приписать мудрствованію переписчика, который это слово поставилъ въ зависимость, въ подчиненіе, къ слову—мало ли ти башеть. Кромѣ того между ѣ, ѣ и ѣ въ древнихъ памятникахъ были замѣны: напр. сповѣдъ вм. сповѣдѣ (Бод. Жит. Бор. и Гл. Нестора. Пред. стр. 15.).

4. Встрѣтившемуся въ Ек. сп. двойственному о Тихонравовъ придаетъ болѣе значенія, чѣмъ всѣмъ предшествующимъ даннымъ. Онъ говоритъ, что въ Екатерининскомъ списокѣ двойственное о точно скопировано съ подлинника (VII), и при этомъ замѣчаетъ, что, по свидѣтельству Востокова, подобное о является только въ памятникахъ XVI в. Но во-первыхъ подобное о находится только въ Екат. списокѣ, которому нельзя безусловно довѣрять и который, какъ выше указано было, имѣетъ описки. Можетъ быть, что и это относилось къ числу описокъ въ родѣ „за не землю.“ Во-вторыхъ, этой особенноти рукописи не удержано въ печатномъ изданіи, точность котораго засвидѣтельствована Карамзинымъ. Въ-третьихъ, двойственное о, очное оо, по свидѣтельству тогоже Востокова, употреблялось и въ XV в. (Пер. Вост. стр. 21., и Уч. Зап. Ак. Н. вып. II, кн. II, стр. 73—74). Въ Антиоховыхъ пандектахъ встрѣчается слово „ооскоминѣж.“ (Мат. для слов. и гр. т. V, стр. 178), а эти пандекты по списку относятся къ концу XII ст. (Срезнев. гам. р. яз. и письма, стр. 21 и 173).

Для большей убѣдительности въ палеографическихъ данныхъ Тихонравовъ ссылается еще на свидѣтельства очевидцевъ—Карамзина и Селивановскаго, изъ которыхъ первый утверждалъ, что рукопись должна относиться къ исходу

XV ст., а второй, что она писана бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго. На основаніи послѣдняго показанія Калайдовичъ относилъ ее къ XVI ст., тоже самое сдѣлалъ и Тихонравовъ (стр. IX).

Но во-первыхъ Карамзинъ не относилъ рукопись къ XVI, онъ отнесъ ее все таки къ XV, хоть и къ исходу его. Притомъ же онъ только говорилъ это, но своего мнѣнія не заявилъ въ печати, высказалъ его только Калайдовичу, уже задавшемуся мыслию, что она была XVI ст.; быть можетъ, онъ сдѣлалъ въ разговорѣ съ нимъ уступку его настойчивости, но все-таки онъ не согласился съ Калайдовичемъ относительно характера письма. Навѣрное, Калайдовичъ представлялъ ему показаніе Селивановскаго о сходствѣ почерка рукописи съ почеркомъ Димитрія Ростовскаго. Вырази Карамзинъ и съ этимъ согласіе, Калайдовичъ не преминулъ бы сказать въ своихъ сочиненіяхъ. Такому показанію онъ придалъ бы болѣе значенія, чѣмъ показанію Селивановскаго. Но этого нѣтъ ни въ одномъ изъ сочиненій Калайдовича.

Гораздо болѣе имѣетъ для насъ цѣны показаніе о вѣкѣ рукописи Малиновскаго, относившаго ее къ XIV ст. чѣмъ Карамзина. Малиновской болѣе Карамзина занимался рукописью, болѣе его изучилъ ея почеркъ и при причисленіи ея къ XIV ст., можетъ быть, имѣлъ какіи нибудь другія основанія, для насъ пока не извѣстныя. Послѣ гибели рукописи онъ, навѣрное, изучалъ рукописи, похожія по письму на погибшую, и на основаніи этихъ сличеній составилъ мнѣніе, сдѣлавшееся для него убѣжденіемъ, вызывавшимъ въ немъ горькія жалобы на критиковъ, относившихъ ее безъ всякихъ основаній къ позднѣйшему вѣку, чѣмъ онъ показалъ (Дуб. Сл. о П. Иг. пр. къ VIII).⁷⁾

⁷⁾ Къ такимъ соображеніямъ касательно сужденій Малиновскаго о вѣкѣ рукописи пришли мы до напечатанія статьи Барсова

Показаніе Селивановскаго имѣетъ еще менѣе значенія, чѣмъ показаніе Карамзина. Неужели лицо, выдавшее старыя почерки случайно, знало и понимало въ нихъ болѣе, чѣмъ лица или специально занимавшіяся ими, какимъ былъ Ермолаевъ, или много выдавшія ихъ, читавшія и издававшія, какъ напр. М. Пушкинъ, Б. Каменскій и Малиновскій. Калайдовичъ, на основаніи показанія Селивановскаго, выразившагося, что письмо рукописи Бѣлорусское, не такъ древнее, сдѣлалъ одинъ только выводъ, именно, что она должна относиться къ XVI в.; онъ могъ бы сдѣлать и другой, что она писана не полууставомъ, а скорописью, Такой выводъ былъ бы очень естественнымъ, но Калайдовичъ этого не сдѣлалъ. Видно, онъ имѣлъ на это важныя причины. Угадать ихъ не трудно: въ то время, когда онъ занятъ былъ вопросомъ о рукописи, еще живы были самовидцы рукописи, издатели ея и Ермолаевъ. Онъ зналъ, что такое мнѣніе встрѣтило бы въ нихъ сильныхъ противниковъ и можетъ быть окончательно подорвало бы

о Словѣ, при нихъ же остаемся и послѣ появленія ея. Съ опубликованіемъ записокъ Малиновскаго, мы думали, разрѣшится вопросъ, почему онъ въ разговорахъ съ Дубенскимъ относилъ рукопись къ XIV в., но этого не дождались. Напротивъ изъ записокъ мы узнали, что Малиновскій относилъ ее и къ XVI в. (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. сент. стр. 19). Не смотря на это, мы все таки придаемъ болѣе значенія показанію Дубенскаго, сдѣланному со словъ самого Малиновскаго, потому что это показаніе было позднѣйшее, чѣмъ письмо къ Н. Румянцеву. Къ сожалѣнію, Барсовъ не указываетъ, когда письмо было писано; но во всякомъ случаѣ оно писано никакъ не позже 1826 г., года смерти графа Н. Румянцева (Сб. ст. 2 Отд. А. Н. т. 5., в. 2, стр. 448). Можно предполагать, что письмо относилось ко времени усиленныхъ поисковъ другаго списка и Бардинскихъ подѣлокъ (1812—1815 г.), или ко времени разысканій Калайдовича (1812—1818 г.) или ко времени занятій Словомъ Пожарскаго (до 1819 г.), когда Н. Румянцевъ въ этомъ ему содѣйствовалъ и далъ даже Краледворскую рукопись (Переп. Евг. съ Н. Рум. стр. 19—20). Малиновскій, очень можетъ быть, на нѣкоторое время сдался на доводы Калайдовича, но послѣ, много занимаясь рукописями въ Archivъ Моск. иностр. коллегіи, онъ отказался отъ временнаго увлеченія, въ которое введенъ былъ Калайдовичемъ. Свое послѣднее мнѣніе онъ передалъ Дубенскому лѣтъ десять спустя послѣ смерти Н. Румянцева.

вѣру въ то положеніе, которое онъ доказывалъ; послѣднее же касалось такого пункта, который при тогдашнемъ состояніи палеографіи допускалъ все-таки разные мнѣнія. Палеографическія данныя, представленныя Тихонравовымъ, еще болѣе чѣмъ показаніе Селивановскаго наводятъ на два предположенія: 1) рукопись позднѣе XV в., 2) почеркъ ея не полууставный, а скорописный. Между тѣмъ послѣдняго вывода Тихонравовъ не дѣлаетъ; но онъ самъ собою вытекаетъ изъ палеографическихъ данныхъ, какъ естественное, необходимое его слѣдствіе, равнымъ образомъ онъ же составляетъ основаніе и для палеографическихъ данныхъ: если сказать, что почеркъ былъ яснымъ полууставомъ, въ которомъ не существовало трудности въ различеніи начертанія т и ъ, то уничтожаются и палеографическія данныя, представленныя Тихонравовымъ. Въ такомъ почеркѣ не существуетъ сходства между буквами, всѣ онѣ имѣютъ опредѣленное начертаніе, не допускающіе смѣшенія т съ ъ и т. п. (Тихонр. VII.)

Послѣ всего этого мы приходимъ къ слѣдующему выводу касательно характера письма больше имѣется данныхъ, чтобы держаться показанія самовидцевъ рукописи, чѣмъ раздѣлять мнѣнія лицъ, не видавшихъ рукописи, считать его яснымъ полууставомъ, пожалуй, даже переходящимъ въ скоропись, а не скорописью. ⁸⁾

Приблизительное понятіе о почеркѣ рукописи могутъ дать намъ также подложные списки Слова, явившіеся тотчасъ послѣ гибели рукописи. ⁹⁾ Дошедшій до насъ отъ

⁸⁾ Поддѣльщики, вѣроятно, старались о томъ, чтобъ почеркъ поддѣлокъ напоминалъ нѣсколько погибшую рукопись. Если они и не видали подлинной рукописи, то навѣрное составили о ней понятіе по рассказамъ очевидцевъ и именно первыхъ издателей. Бардинъ, прославившійся такими поддѣлками, былъ собирателемъ рукописей (Оп. рук. Цар. стр. 555—556) и какъ палеофилъ могъ разговаривать о почеркахъ съ первыми издателями, которымъ и сбывалъ иногда свои произведенія, вѣроятно, вмѣстѣ съ другими имъ находимыми въ Москвѣ рукописями (Москитян. 1841 г. № 3, стр. 245).

⁹⁾ Барсовъ считаетъ вопросъ о характерѣ почерка совершенно

того времени подложный списокъ Слова написанъ почеркомъ рукописей и грамотъ XII и XIII ст., исключая заглавія и заглавныхъ литеръ, которыя сдѣланы въ стилѣ

рѣшеннымъ: онъ называетъ его въ двухъ мѣстахъ своей статьи—полууставомъ, переходящимъ въ скоропись (Ж. М. Н. Пр. 1876 г. Сен., стр. 18 и 21). При этомъ онъ ссылается на записки Калайдовича, въ которыхъ, будтобы, значится, что въ этомъ увѣрялъ Калайдовича Малиновскій (стр. 18). Внимательно прочитавши нѣсколько разъ записки Калайдовича, напечатанныя въ Лѣтоп р. л. и др., мы не нашли подобнаго показанія Малиновскаго и не понимаемъ, какъ въ добросовѣстной работѣ г. Барсова произошла такая важная ошибка.

Барсовъ на основаніи выписокъ изъ записокъ Малиновскаго знакомить насъ съ слѣдующими особенностями письма рукописи: 1) въ подлинной рукописи удерживалось почти постоянно двойное начертаніе у—оу; 2) употреблялось начертаніе зѣло—s; 3) употреблялся икъ Ѱ; 4) малый юсь—А вм. ІА; 5) нѣкоторые слова были подъ титлою; 6) нѣкоторые слова были не дописаны, напр. кн. [князь]; 7) предложенія отдѣлялись одно отъ другаго малыми точками (стр. 20—21). Въ этихъ данныхъ и именно первыхъ четырехъ наше мнѣніе о характерѣ письма еще большую пріобрѣтаетъ силу: писью скорѣе было полууставное, чѣмъ скорописное и притомъ скорѣе XV в. чѣмъ XVI. Сюдаже относится, пожалуй, и начертаніе буквы д [Д] въ словѣ «на уедіе» (стр. 20). Что же касается 6 й особенности, то она едва ли была особенностью рукописи, это не что иное, какъ недописка слова, которое для Малиновскаго не имѣло особеннаго значенія. Постановка знаковъ между предложеніями тоже скорѣе принадлежитъ Малиновскому, а не рукописи. Постановка запятой послѣ «говори» (стр. 21) предъ «хуты хотять» едва ли также составляла особенность рукописи. Можетъ быть, запятая раздѣлено слово «говоряхуты» Малиновскимъ въ то время, когда онъ, добравшись до смысла, считалъ прямымъ сказуемымъ при «галици» только хотять, а говоряхуты считалъ за два слова, одно за дѣепричастіе, другое за какое-то особое слово (Объ окончаніи «ты» будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ). Здѣсь же Барсовъ, говоря о неточности изданія рукописи, смѣшиваетъ два совершенно особенныя обстоятельства, именно—ошибки Малиновскаго при занесеніи словъ въ записки и принятый издателями способъ печатанія нѣкоторыхъ буквъ, какъ напр. оу и Ѱ, какъ ѱ, А какъ я (стр. 21). Сдѣланныя на первый разъ ошибки въ запискахъ, какъ, напр. смѣшеніе т, б и ы и опущеніе ихъ послѣ са имъ Малиновскимъ были тщательно исправлены. Если же Малиновскій и въ черновыхъ запискахъ старался писать похоже на рукопись и исправлялъ сдѣланныя ошибки, то это стараніе, конечно, было сильнѣе при печатаніи рукописи. По этому выраженіе Барсова—«они (издатели) смѣшивали буквы т, б и ы и даже нерѣдко совсѣмъ ихъ опускали,» не имѣетъ никакого значенія и не подрываетъ нашей увѣренности въ точность изданія рукописи.

XVI в. (Оп. М. п. и. Р. муз. 1870-72, стр. 66). Другой подложный списокъ (писанный свиткомъ, тогда какъ дошедшій до насъ писанъ въ 4^ю), который принадлежалъ Малиновскому, по свидѣтельству Строева, писанъ въ концѣ XIV. т. е. письмомъ, похожимъ на древнѣйшее, а не на позднѣйшее Бѣло-русское, которое относимо было тогда Калайдовичемъ къ XVI в. По показанію Малиновскаго, письмо этого списка на стоящее уставное (Ж. М. Н. Нр. 1876 г., Сент. стр. 16.).

Въ словахъ: «къ мети», «сиѣ и рати» и «мужа имѣ ся» обнаружилось не незнакомство издателей съ палеографіей, какъ говоритъ Барсовъ (стр. 21), а лишь непониманіе ими этихъ словъ или формъ.

Выводъ Барсова изъ показанія Карамзина, что *с* и *с* въ рукописи читавшими ее принимаемы были противно, о неясности письма и о невозможности отнести ее къ 14 или 15 в. (стр. 18) требуетъ подтвержденія палеографическими данными, которыхъ у Барсова нѣтъ. Между тѣмъ и по существующимъ теперь палеографическимъ снимкамъ можно судить, что *с* и *с* издавна писались иногда похоже другъ на друга, и рукописи не смотря на это, все-таки считаются ясными. Такъ *с* въ Апостолѣ 1307 г. въ мелкомъ уставѣ имѣетъ два закругленія, вверху и внизу (всего же монастырѣ, Срез. прил. къ древн. памяти.), похоже на *с*, какъ оно пишется въ полууставной Библии 1499 г. (Буслаевъ Палеогр. и филологич. матер. строчн. буквы № 7 таб.). Разница только та, что въ начертаніи *с* верхнее закругленіе острѣе нижняго. Притомъ же сходство въ начертаніи *с* и *с* было не во всей рукописи, а только въ немногихъ мѣстахъ (см. Ф. 3. 1875 г. в. 6, примѣч. къ 6 стр.) подобно тому, какъ и указанныя выше начертанія *с* и *с* въ Апост. и Библии—явленіе тоже рѣдкое.

2. Языкъ Слова со стороны звуковъ и формъ, какимъ онъ является по изданію М. Пушкина.

Послѣ разсмотрѣнія палеографическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ сличенія двухъ копій съ погибшей рукописи, вопросъ о вѣкѣ ея остается почти въ томъ же положеніи, въ какомъ онъ былъ до открытія Екатеринин. списка. Эти данныя представлены были съ цѣлю заподозрить компетентность первыхъ издателей во взглядѣ на погибшую рукопись, но они скорѣе ведутъ къ тому, чтобы еще больше довѣряться показаніямъ М. Пушкина и очевидцевъ ея, за исключеніемъ Селивановскаго. Къ тому же самому ведетъ и разсмотрѣніе особенностей языка погибшей рукописи — фонетическихъ и формальныхъ. Эти особенности въ настоящее время до новаго, болѣе счастливаго, чѣмъ Ек. списокъ, открытія могутъ служить болѣе всего надежнымъ, а пожалуй и единственнымъ матеріаломъ, по которому вѣрнѣе можно было бы опредѣлить вѣкъ рукописи. Помѣтокъ такого рода уже было нѣсколько. Дубенскій, при своемъ изданіи Слова, представилъ въ общихъ чертахъ грамматическія отмѣны (Сл. о П. Иг. стр. пред. 47—50), но онъ не отдѣлилъ фонетическихъ особенностей отъ формальныхъ и самыя особенности подводилъ подъ правила Славянской грамматики Добровскаго, составленной хоть и на основаніи древнихъ памятниковъ, но разныхъ вѣковъ и редакцій. Колосовъ (Очерк. ист. зв. и фор. стр. 183 и слѣд.) опредѣленнѣе изложилъ особенности, отдѣливъ фонетическія отъ формальныхъ; но это онъ выполнилъ очень кратко,

такъ сказать—мимоходомъ, не указаль, что въ составныхъ элементахъ преобладаетъ. Выводъ его изъ разсмотрѣнія особенностей вѣренъ, что онѣ не противорѣчатъ отнесенію рукописи къ XV в., но при этомъ онъ не указаль, почему вовсе нельзя отнести рукописи къ XVI ст.

Вслѣдствіе этого мы поставили себѣ задачею подробнѣе изложить особенности грамматическія, чѣмъ это было до сего времени, показать, какія формы преобладающія, что составляетъ исключеніе, можетъ быть, явившееся по винѣ копировщиковъ, какихъ особенностей живаго языка древняго переписчика ея вовсе не встрѣчается, какія позднѣйшія XV в. формы вовсе не обычны. На основаніи всего этого, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстахъ слѣдуетъ измѣнить принятое первыми издателями чтеніе, а, можетъ быть, также и нельзя допустить чтеній, предлагаемыхъ разными толкователями Слова.

З В У К И.

Глухіе въ Словѣ встрѣчаются постоянно при плавныхъ въ коренныхъ слогахъ—ор, ол, ер. Въ началѣ пѣсни пять разъ употреблено ѡр, ѡл: пѣлку, пѣрвыхъ, вѣлкомъ; послѣ же до самого конца ни одного разу въ русской формѣ, а только въ славянской формѣ—рѣ, лѣ, рѣ. плѣкы, наплѣннвса, брѣзны, вѣскрѣмлени, врѣху, блѣванъ, чрѣленныя и чрѣлеными, хлѣми, чрѣпахуть, тлѣковинъ, по-жрѣши. Изъ множества словъ подобнаго рода составляютъ исключеніе весьма не многія, которыя встрѣчаются и съ глухимъ, и съ замѣною его чистымъ гласнымъ, напр. Влѣзѣ, Волгу; Чрѣниговъ, Черниговъ, плѣночи, полунощи, слѣвце, солнце (очень часто). Послѣднее слово, въ рукописи вѣроятно было подѣ титломъ, и чистая гласная вставлена издателями.

Изъ представленныхъ примѣровъ видно, что ѣ и ѥ смѣшиваются и не отвѣчаютъ точно ѣ—о, ѥ—е. Правило ставить глухой при плавномъ распространилось на одно

слово, въ которомъ слогъ ол не коренной, — слѣпа. Этому правилу не подчинены: мркнѣть, утрпѣ, гдѣ глухой пропущенъ вовсе, и помѣркаста; ¹⁾ а также: подперѣ, сморци, папорзи.

Въ другихъ сочетаніяхъ, безъ плавнаго, глухіе вовсе не являются тамъ, гдѣ теперь не слышно гласнаго звука, напр. въ коренныхъ слогахъ. помняшѣть, княземъ, почнемъ, вся, ждѣть, дотчѣся, утру, бдитѣ, рци (и даже ркоша при рече). Исключается слово мгла, которое одинъ разъ безъ глухаго, а два раза съ ѣ: мѣгла; слово тѣма всегда съ глухимъ твердымъ или мягкимъ: а слово Тмутороканскій, которое вѣроятно объединялось въ сознаниі переписчика съ словомъ тѣма, бромѣ ѣ и ѣ въ срединѣ послѣ т, одинъ разъ употреблено безъ глухаго.

Какъ остатокъ гласности глухихъ представляютъ два слова: тѣщими и дѣски, которыя скопированы съ болѣе древней рукописи. Въ словахъ же — кѣмети, орьтѣмами, Шельбиры и Ольберы глухіе удержаны переписчикомъ съ первоначальнымъ старѣйшимъ правописаніемъ, какъ слова для него непонятныя; сюда, вѣроятно, относится и слово Инѣгварь.

Въ суффиксахъ глухіе вовсе опущены тамъ, гдѣ и у насъ они выпускаются: трудныхъ, орломъ, отня, красныя, дѣвки, мутно, рѣтко, Нѣмцы, Половцы, стрѣлки. Въ этихъ случаяхъ нашимъ бѣглымъ о и е и въ Словѣ отвѣчаютъ — о и е: мутенъ, Донецъ. Но и здѣсь иногда нѣтъ гласнаго: пяткѣ.

Предъ суффиксами — кый и ский, съ большею частію глухихъ нѣтъ: Русский, Половецкый, но иногда предъ ними стоитъ и мягкій въ тѣхъ же словахъ Половецкую, Русскую, Тмутороканскій. Оварьскія, Плѣньска, Курьска. Здѣсь ѣ ни разу не встрѣтился.

¹⁾ Предполагать здѣсь смѣшеніе издателями ѣ и ѣ не позволяетъ то, что, исключая первыхъ семи строкъ, правописаніе рукописи было однообразное, глухіе стояли послѣ плавныхъ.

Въ третьихъ лицахъ глаголовъ предъ *ся* и въ причастіяхъ прошедшихъ предъ *ся* и *ии* глухіе вовсе опускаются: наплъннвса, помянувшє, растекашєтєся, сѣяшєтєся. Если же здѣсь чѣмъ либо наминается правило постановки глухаго при плавномъ, то глухой остается: пожръши, подпрѣся.

Въ сложныхъ словахъ: Святъславъ чаще всего съ ѣ, за такой формой слѣдуетъ по распространенности—Святславъ, т. е. безъ ѣ и гласнаго, рѣже Святъславъ и одинъ разъ Святославъ; но сложные съ злато удерживаютъ о: златовръсѣмъ. Въ Жит. Бор. и Гл. XII в. радѣстьнѣмъ, въ XIV радостьнѣмъ; въ Ип. сп. Боголюбѣи (393) и Богълюбѣи (395).

Въ предлогахъ отдѣльныхъ ѣ болѣею частію удерживается, иногда замѣняется чистой гласной о, но только въ—къ и въ: ко святѣй, во днѣ, а иногда вовсе пропускается: с туюю (2 раза), бес щитовъ, в моемъ и можетъ быть с хотію. Въ Екатерининскомъ спискѣ случаевъ пропуска ѣ въ предлогахъ болѣе, вмѣсто него тамъ выше строки стоитъ значекъ (стр. 15).

Въ слитныхъ предлогахъ ѣ или удерживается: вѣ-стали, вѣскладашє, вѣзбиваєтєся, сѣпряжє, изѣострєни, или вовсе выбрасывается, взмути, вступилъ, изрони, испити, скована. Въ рукописи въ этихъ случаяхъ, вѣроятно, индѣ глухой былъ обозначенъ значкомъ, какъ и въ отдѣльныхъ предлогахъ, что видно изъ Екатерининскаго списка: в'змути (стр. 14). Чистаго же гласнаго въ предлогахъ при сліянїи ихъ ни разу не встрѣтилось; потому—не сошлю къ синему морю—едва ли нужно такъ читать, т. е. принимать сошлю за предложное слово. Предложный ѣ при сліянїи иногда удерживается только предъ гласными, напр: изъ—острєни, иногда, сливаясь съ нимъ, образуетъ ѣ: въздоша.

Какъ объяснить глухіе въ словахъ понизить, вонзить (пов. нак.), незнаемъ и одѣвахъте мя?

Въ первыхъ двухъ словахъ ъ считаютъ фонетическою особенностью Малор нарѣчія (Макс. Нов. письм. М. 1863 г. стр. 28), какая обычна и теперь во 2 л. мн. ч. повел. накл. Но не было ли это чѣмъ нибудь въ родѣ слѣдующихъ написаній въ Ип. спискѣ: восхочѣть? не явились ли такія написанія въ періодъ исчезновенія гласности глухихъ, или не находилось ли здѣсь окончаніе подъ титломъ, какъ въ словѣ рассушл^о (Зап. Малинов.), отчего произошло и незнаемъ, и подасть вм. подаста, и злата стремянь вм. стремяна (дв. число)? Что касается слова одѣвахъ-те, то не смотря на мнѣнія Буслаева (Ист. гр.), что здѣсь х не смягченное въ с въ 2 л. м. ч., мы все таки считаемъ опискою вмѣсто одѣвахуть, подобною тѣмъ, какія часты въ Ип. сп. напр: поимѣть вм. поимуть (31 стр.).

Ѣ въ корняхъ словъ ставится правильно въ значительномъ большинствѣ случаевъ, исключенія весьма незначительны: ветрѣхъ, Днепръ при Днѣпръ, уедіе по резанѣ. Въ славянскомъ коренномъ слогѣ рѣ, способномъ къ полногласію, ѣ замѣнилось большею частію посредствомъ е, напр. брегъ, сребро, предъ, исключеніе составляетъ одно слово прѣклонило. Послѣ группы согласныхъ съ плавнымъ въ концѣ ея также вмѣсто ѣ большею частію стоитъ е: время, стремянь; исключеніе составляетъ слово —крѣсити и, можетъ быть, по аналогіи съ нимъ предложное слово —слѣтѣста (при прилетѣти). ѣ вмѣсто е съ корнѣ встрѣчается еще въ словѣ —растѣкашется сюда же относится слово: тѣлѣгы). ²⁾

² Всев. Миллеръ (Взгл. стр. 156) принялъ это Слово въ Пушк. изданіи съ е въ первомъ слогѣ и считаетъ поправкою изъ ѣ Арх. списка. Между тѣмъ читается тамъ на оборотъ: е въ Арх. а ѣ въ Пушк. Онъ полагаетъ, что въ этомъ словѣ, а равно и другихъ, издатели дѣлали поправки, какъ видно изъ Арх. списка и жалѣетъ о неудержаніи въ изданіи архаизмовъ (стр. 157). По нашему, сожалѣніе напрасно: они при изданіи вѣрно прочитали рукопись и удержали характеристическія ея особенности: при первоначальной же перепискѣ рукописи (Арх. сп.) они мало обращали на это вниманія. Самъ же Вс. Миллеръ замѣчаетъ далѣе: редакторы, старавшіеся печатать въ букву, не сочли себя въ правѣ мудрствовать лукаво, поправляя текстъ (стр. 159.).

Болѣе случаевъ смѣшенія ѣ съ е встрѣчается въ имен-
ныхъ суффиксахъ и надежныхъ окончаніяхъ. Въ суффик-
сахъ два слова — Половѣцкую (2 раза при многихъ правиль-
ныхъ формахъ) и зелѣну представляютъ замѣну е — ѣ. Въ
окончаніяхъ надежей: землѣ, Всеволодѣ, Осмомыслѣ, вѣтрѣ)
(зват. пад. при многихъ правильныхъ формахъ съ е), ратаевѣ
(имен. множ.), лебедѣй (р. п. мн. ч.), сребреней (д. п.
ед. ч. ж. р. при правильныхъ формахъ на ѣи), на море
(пр. пад. ед. ч.). Вотъ всѣ случаи смѣшенія ѣ съ е; они
очень не значительны въ сравненіи съ множествомъ пра-
вильнаго употребленія той и другой буквы.

ЗАМѢНЫ ГЛАСНЫХЪ.

Ъ вм. іа = ж въ глагольномъ окончаніи ся встрѣчает-
ся въ четырехъ словахъ. рассушася, скратилася, преклони-
лось, вѣсплакашася, во множествѣ же другихъ словъ все-
гда ся (врѣжеса представляетъ не фонетическую особен-
ность вѣрка рукописи, а графическую, какъ и въ другихъ
словахъ — копіа, сіа, въ которыхъ, навѣрное, въ рукописи
былъ значекъ для выраженія і, какой былъ и въ предло-
гахъ, когда опускался ѣ и въ прилагательныхъ полныхъ,
когда опускалось и); тоже начертаніе встрѣчается и въ
выдержкахъ изъ другихъ статей рукописи: братіа, копіа
(Ист. Карамз. т. III).

Предположеніе Тихонравова, что, въ рукописи было
титло тамъ, гдѣ въ окончаніи съ вм. ся, имѣетъ вѣроятіе,
³⁾ потому что въ Екат. спискѣ кромѣ указанныхъ четы-
рехъ встрѣтилось, еще одно слово съ ѣ: бишася (стр. 13).
Послѣднее показываетъ, что издатели въ подобныхъ случа-
яхъ не всегда изъ подъ титла выводили ѣ, а иногда ста-
вили и я. Чѣмъ же они тутъ руководствовались? Быть

³⁾ Въ житіи Бориса и Глѣба по изданію Бодянского, въ спис-
кѣ XII в. насыщюся. въ сп. XIV насыщюѣ; въ XII чѣсти, въ XIV
чѣти, въ XII общаваются, въ XIV в. общаютьсѣ. въ запискахъ
Малиновскаго слово рассушася написано: рассушасѣ (стр. 19).

можетъ, они примѣнялись къ современному имъ произношенію; но очень вѣроятно также, что основаніе такому выведенію изъ подъ титула они находили и въ самой рукописи: какое нибудь изъ указанныхъ пяти словъ имѣло въ немъ окончаніе ѣ вм. титула, а замѣна ѣ посредствомъ ѣ начиналась уже въ XIII ст (Колос. Очер. ист. зв. и формъ, стр. 98 бышѣ вм. шѣ); въ XV ст эта замѣна была очень распространена (Кол. Оч. стр. 144—145).

Ѣ вм и замѣнилъ на половину: бѣя, вѣются, пољѣно, проліяете и разліяся, христьяни.

О на мѣстѣ слав. е въ началѣ словъ: озеро, одинъ (2 р.) и единъ (1 р.), въ срединѣ: собѣ (1 р. при себѣ 7 р.). Въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи XIV в. собѣ чаще.

О вм а въ словахъ: носадѣ, словутицю, япончицами, Оварскія, завтроку; въ предлогѣ раз а въ о перешло на половину встрѣчающихся словъ. росцущени, ростре, рострѣляевѣ; между тѣмъ въ Лавр. сп. лѣт. почти постоянно является рос (Колос. Оч. 118).

А вм. о въ словахъ. побарая, самую вм. самою, какъ встрѣчается въ кievской лѣт. Ипат. сп. вм. ую (Кол. Оч. стр. 168).

Е чередуется съ и въ словахъ: гремлеши и гримлеши (см. Сл. Восток.), Софеи и Софіи, Владимира (1 р.) и Владимира (3 р.), вѣщей (2 р.) и вѣщій (1 р.) Кошей и Кошчево; сюда относится и лебедѣй (при повѣстѣй).

Е вм. о въ словахъ бебрянъ, Велесъ ⁴⁾ Обратный переходъ е въ о въ словахъ. папорзи и сморци. Е подъ удареніемъ послѣ шипящихъ переходитъ въ о въ одномъ

⁴⁾ Вс. Миллеръ воспользовался правописаніемъ этихъ словъ для подтвержденія своего предположенія о заимствованіи авторомъ Слова языческихъ божествъ, а также и Велеса изъ Болгарскаго источника (Взгл. стр. 77—81). Но правописаніе Велесъ и бебрянъ вм. русскіхъ Волосъ и бобрянъ едва ли могутъ идти въ число доказательствъ заимствованія. Е вмѣсто русскаго о весьма часто въ такихъ памятникахъ или мѣстахъ въ нихъ, въ какихъ нельзя ви-

словѣ чолка, въ другихъ всегда е: значеными. Значить, особенное стремленіе сочетать шипящія съ твердыми, обнаружившееся въ XV в. Кол. Оч. стр. 133), не обнаруживалось въ погибшей рукописи Слова.

И **вм.** ѣ положительно является въ одномъ словѣ — дивницею при дѣвици, дѣва (7 разъ). Во множествѣ другихъ словъ, съ кореннымъ ѣ, ѣ неизмѣняется въ и. Колосовъ (Очер. стр. 184) причисляетъ сюда еще два слова: тисовѣ и помолодити. Но тисовѣ здѣсь скорѣе значить сдѣланный изъ тиса, такъ какъ это слово часто въ древней письменности (Вост. слов.); да и новое слово тесовый явилось не отъ тесу, а какъ искаженіе прежняго поэтического слова тисовый сдѣланный изъ краснаго дерева, красивый (Даль, Сл.); а помолодити съ предъидущимъ ся — помолодиться употребительнѣе, чѣмъ помолодѣться и лучше служить для выраженія быстрого дѣйствія.

И **и** чередуются: Давидовы и Давыде, кричатъ и крычатъ, крилы, крильца (часто) и крылы, рища и рыща; въ словахъ же съ корнями: вык, сып, мык, прыс **и** никогда не является; сюда же относятся слова — ковылю, копыта, пустыми, покрыти.

Ы **вм.** и встрѣтилось въ одномъ словѣ: на кровати (въ Екат. на кровати, по Тихонр. на кроватьѣ). Но прямая ли здѣсь замѣна **и** посредствомъ **ы**, и явленіе ли это фонетическое, положительно утверждать нельзя. Какъ предполагать переходъ **и** въ **ы**, можно также предполагать здѣсь и смѣшеніе склоненій и падежей. Основаніе для послѣдняго предположенія даютъ формы предложнаго падежа въ XIV в.. тымъ при тѣмъ (Кол. Оч. стр. 105) и первѣй прелести идольскыи (Кол. Оч. 110). Потому положительное утвержденіе, что здѣсь сказалась особенность

дѣтъ заимствованія изъ Болгарскихъ источниковъ. Такъ напр. менѣ чѣмъ на 100 стр. Ипатьевской лѣтописи (2-е изд.) встрѣчаемъ: Вельньскою (392 стр.), Ѳедеру (445), Иевъ (475), Меедѣмъ (477) и дырею (481).

малорусская, не имѣть прочнаго основанія; оно возможно было бы только въ томъ случаѣ, если бы хоть одинъ разъ эта особенность проявилась въ коренныхъ словахъ, чего въ Словѣ вовсе нѣтъ.

О и а чередуются въ словахъ: зори (2 раза) и зари, зари (им. мн.), Тмотораканьскый и Тмоторокань.

Е вм. я: буюго, синего (особенность формальная).

Я вм. е: Брячяслава при Вячеслава; сюда же относятся: шеломянемъ и пламянѣ. (Брячеславъ въ Ип. сп. и съ е, и съ ь: Брячъславъ (419); сопоставляя съ нимъ слово стряпъ (429), можно признать фонетич. особенностью употребленіе я вм. ь, обратнымъ явленіемъ замѣны —ся посредствомъ съ.).

Твердый гласный вмѣсто мягкаго въ словѣ: давнѣй, а мягкій гласный звукъ вм. твердаго въ словѣ жирня при жирна, чеши (солнцу).

А вм. я въ словахъ. сіа, копіа, трупіа, веселіа, зараніа представляетъ особенность графическую, а не фонетическую. „А“ вм. я=ж встрѣчается уже въ Св. изб. (Бул. Палеогр. сн.). Вѣроятно, въ рукописи здѣсь стоялъ значекъ для обозначенія і, онъ же стоялъ и надъ словами граахуть и врѣжеса.

Упомянемъ для соображеній написаніе словъ: уношу, салтани, хорюговъ. (Въ Ип. лѣт. замѣна у посредствомъ ю часта: Мюромцѣ 405).

Обычное явленіе въ XIV в. замѣна ѣй посредствомъ ой въ имен. пад. прилагат. въ Словѣ ни разу не встрѣтилось.

Полногласіе въ Словѣ встрѣчается часто, но преобладаютъ все таки формы не полногласныя. Не имѣютъ полногласной формы слова: древо (7 р.), жребіи (2), злато (18 р.), серебро (6), страна (4), средь, стрежаше; въ одной полногласной формѣ: бологомъ, болота (4), верезени, поволокоста, полонену, пороси; полногласіе и не полногласіе въ однихъ и тѣхъ же словахъ: березѣ (1 р.), брезѣ (4);

Володимира (1), врани (3), голова (3), главы (2), городъ (5), градъ (10), забороло (1), забрало (2) молодой (2), младъ (1), соловіи (2), славии (3), хороброе (1), храбръ (15) предъ и преди, гласъ и голосъ, врата и ворота, брань и боронь.

СОГЛАСНЫЕ.

Гортанные сочетаются и съ *ы* и съ *и* часто въ однихъ и тѣхъ же словахъ: аки (1), акы (2), великии (1), великыи (4), кикахуть, кычетъ, похитимъ, расхытите, погибашеть, погыбе. Пересматривая всѣ подобныя слова, мы замѣтили, что *ы* при гортанныхъ чаще, чѣмъ *и*, исключая слово Кіевъ, которое съ *и* встрѣтилось 9 разъ, а съ *ы* четыре. ⁵⁾

Смягченіе гортанныхъ выдерживается правильно, исключая сочетанія съ *и*, но и предъ *и* гортанные тоже иногда смягчаются: ятвязи, пороси, стязи; брезѣ, жестоцемъ, златовръсѣмъ, на тоцѣ, розѣ.

Зубные смягчаются и по-славянски и по-русски одинаково, преобладанія того или другаго смягченія не видать: Дажь и Дажь, ношъ и ночь посвѣчивая, вережени, побѣждають, прихождаху (лождю). Между и жаждею были архаизмами и въ рукописи, вѣроятно, для переписчика живыми формами были: между и жаждою.

Шипящіе ж, ч, ш, щ большею частію сочетаются съ мягкими и твердыми, вмѣсто іотированныхъ: внуче, дружина, щиты, шизымъ, чага, жалъ, душа, душу, докончаша. Но много также случаевъ, что они стоятъ и съ іотированными—іа, ю: Брячяслава, Горячую, рассушися; (въ запискахъ Малин. рассушм^с); изъ нихъ ч всего чаще

⁵⁾ Вс. Миллеръ предполагаетъ, что издатели, желая внести однообразіе, часто замѣняли и рукописное посредствомъ *ы*. Основаніе своему предположенію онъ видитъ въ томъ, что въ Арх. списокъ часто и на мѣстѣ печатнаго *ы* (Взгл. стр. 155). Если это такъ, то почему же издатели не замѣнили *и* и во всѣхъ остальныхъ случаяхъ?

встрѣчается, а ш только одинъ разъ: начаша. Это объясняется тѣмъ, что ш, какъ болѣе дебелая изъ шипящихъ, потребовала раньше другихъ послѣ себя твердаго звука. ⁶⁾

Такое явленіе нужно отнести къ XIV в., такъ какъ въ XV в. сочетаніе шипящихъ съ твердыми сдѣлалось уже правиломъ (Кол. Оч. стр. 135) Между тѣмъ въ рукописи Слова оно только въ зародышѣ, встрѣтилось въ Словѣ: чолка; одинъ разъ щ встрѣтилось съ ы: по лунощы. Последний случай не есть ли скорѣе особенность сѣвернорусской рѣчи, (по Прыжову — малорусской), существующей и въ настоящее время, напр. во Влад. губ. очень часто щ выговаривается твердо: сшитатъ сшолокъ, — шелокъ, сщипцы — щипцы (см. также Даль, Нар. стр. XXXIX).

Щ безразлично сочетается и съ твердыми, и съ мягкими, и съ іотированными, и не іотированными: вльци, вльцѣ, галицы, дѣвицу, сулицы и сулицы.

Губные въ отчественныхъ именахъ предъ ичь и ь большею частію смягчаются, но не всегда. Всеславию, Святъславлича, Ярославля, а также и Мстиславича, Ростислава, Ярославъ (названіе извѣстнаго города въ народной рѣчи и теперь также слышится во Влад. губ.)

ЗАМѢНЫ СОГЛАСНЫХЪ.

Ц и ч смѣшиваются: вѣци и вѣчи, луцы и лучи, птиць и птичь, русицы и русичи, соколича и соколца, чеши, луцежъ; но всегда Черниговъ.

Ж и щ чередуются, какъ русская и славянская формы въ словахъ: аже (2 р.), аще (3 р.).

В вм. б: времени вм. бремени.

Ш вм. с: шизымъ.

З на с мѣняется предъ отзвучными: к, х, т, с, щ и п въ предлогахъ. вз, въз, из, раз и рос: въскладаше,

⁶⁾ Изъ двадцати словъ съ іотированной при шипящихъ, вѣ — роятно, нѣкоторыя въ рукописи были съ малымъ юсомъ: ѡ вм. я,

всплакашась, иссуши, расхытите, ропущени. Тоже самое замѣчается и въ предлогахъ безъ и чрезъ. бес щитовъ, чрезъ поля (и чрезъ поля) чрезъ злато. Последній примѣръ показываетъ, что мѣна происходитъ въ этихъ предлогахъ и предъ звучными; но это едвали явленіе фонетическое.

Переходъ з въ с еще въ словѣ — кнѣса.

М и н чередуются въ словахъ женчугъ и жемчюжну

Ж вм. ш: пардуже.

З вм. с: папорзи.

Перехода г въ в, начавшагося съ XV в. (Кол. Оч. 137) вовсе не встрѣчается.

Л мягкій въ срединѣ словъ то съ ь, то безъ ь, часто въ однихъ и тѣхъ же словахъ: соколца и сокольца, крилю и крильца, велми, Олговы, шестокрильци. Преобладаніе все таки на сторонѣ употребленія, а не пропуса. ⁷⁾

Р произносится твердо въ словѣ вихрь; въ 1 Нов. лѣт. оно и съ т и съ ь. вихрь и вихрь (Мат. для Слов. и гр. т. II слов. Пыпина).

Онушеніе согласнаго в въ словѣ — обѣсиа.

Удвоеніе въ словахъ: итти, оттвори (2 р.).

Упомянемъ для соображеній слова. цвѣлити (смягч. в) и поскепани (к не смягч.)

Стяженіе согласныхъ замѣчается въ словахъ. ляцкій (вм. дс), ростре, рострѣляевѣ, възрѣ, въшумѣ въстона, вътрескоташа (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ здѣсь — могло быть титло или какой либо значекъ).

Изъ измѣненій согласныхъ, обусловленныхъ группами, кромѣ указаннаго ляцкіи, встрѣтилось одно слово рѣт-

⁷⁾ Вс. Миллеръ и здѣсь видитъ вставку ь послѣ л, и опять на томъ же основаніи, что въ Арх. сп. въ соответственныхъ изданію мѣстахъ нѣтъ ь (Взгл. стр. 156). Онъ впрочемъ изъ этого не дѣлаетъ вывода, какъ напр. относительно ѣ и е, ы и и, можетъ быть, потому что внесенное издателями Слова «О л г а» безъ ь.

ко, гдѣ т вм. д вслѣдствіе потери суффикснаго ѣ и ассимиляціи съ слѣдующимъ отзвучнымъ к. Подобная замѣна встрѣчается въ XIV в., только въ другомъ сочетаніи: молотшему (Кол. Оч. стр. 107). Изъ другихъ сочетаній согласныхъ, какъ обусловленныхъ живою рѣчью XV ст, напр. тца вм. тся или тся, такъ равно и обусловленныхъ мудрствованіемъ переписчика, въ родѣ: дц, дцк, дцск, тцк (Кол. Оч. стр. 138), вовсе не встрѣчается. Между тѣмъ въ Задонщинѣ XV в. (Уч. Зап. 2 отд. Ак. Н.) они обычны: „Половетція.“

ФОРМЫ.

Правильность существительнаго склоненія главнымъ образомъ пострадала отъ замѣны (впрочемъ не окончательной) *ы* посредствомъ *и* послѣ гортанныхъ и отъ смѣшенія ѣ съ ь. Другихъ отступленій отъ нормы встрѣчается мало. Именит. пад. представляетъ слова съ слѣдующими окончаніями: въ муж. р. ѣ для тв. и ь и ѣ для мягкаго скл. Боянѣ, Игорьѣ, Кошечѣ. Въ твердомъ склоненіи вм. ѣ часто стоитъ ь, но все-таки ѣ чаще: дивѣ при дивѣ, Днѣпрѣ при Днѣпрѣ, Святоплѣхѣ, Святѣславѣ; въ мягкомъ склоненіи вм. ь стоитъ ѣ въ словахъ. вихрѣ, отецѣ, Донецѣ. Послѣдніе два случая объясняются фонетически, наклонностію *ц* сочетаться съ твердыми.

Въ сред. р. о твер., с мягк: гнѣздо, море, солнце; въ ж. р. а, я и и: слава, душа, буря, пустыни. Ютированной послѣ шипящей вовсе не встрѣчается. Изъ словъ на согласную тему одно только — мати, въ которомъ нѣтъ ни суффикса, ни перехода *и* въ *ь*.

Къ склоненію съ темой на *и* (*ь*): жалость, ночь, отпосилось и слово день.

Въ р. п. въ муж. и ср: Владимира, Игоря, древа, моря, сердца, (всегда а послѣ *ц*) — веселія, въ ж. р. въ твер: ы — Баялы, въ мягк. и — Софеи, земли; рѣкы и Немиги указываютъ на особенное свойство гортанныхъ. Болѣе вы-

дающееся отступленіе составляютъ дѣвице, гдѣ е вм. ѣ—іа—а, а также славѣ, ладѣ, явившіяся вслѣдствіе смѣшенія падежей, къ послѣднимъ словамъ нельзя ли причислить и Немизѣ (кровавѣ брезѣ), хотя форма мѣстнаго падежа здѣсь и умѣстна. Въ 3-мъ скл. всегда род. на и: хоти, чти, власти. Форма „дни“ указываетъ на склоненіе этого слова тоже по 3-е скл; изъ склоненія на согласную тему слово время р. п. имѣеть. времени. Въ муж. родѣ, кромѣ окончанія а часто у: плѣку, Дону.

Дат. пад. представляетъ окончанія для муж. и ср. р. у и ю: Ярославъ, князю, Сурожу (всегда твердая послѣ шипящей), древу, полю, солнцю. Въ мужскомъ р. кромѣ того часты окончанія—ови и еви: Романови, Игореви, Королеви, Дунаеви, Хрѣсови. Къ концу Слова, въ части бѣгства изъ плѣна и заключенія чаще окончаніе у и ю: Игорю, Владимиру. Отступленіе отъ правильнаго употребленія видно въ одномъ словѣ: Всеволодѣ (буй туру), но это также можно считать звательнымъ падежомъ.

Въ женск. р. ѣ для тверд. и и для мягк: дружинѣ. обидѣ, рѣцѣ, Софіи, Богородици, земли (въ мягкомъ ѣ ни разу не встрѣтилось). Отступленіе отъ правильности составляетъ слово—уношу (князю Ростиславу), которому окончаніе муж. рода дано, вѣроятно, перенисчикомъ по аналогіи съ другими двумя рядомъ стоящими, или дѣйствительно уношу здѣсь вин. пад., а князю Ростиславу дат. п. передѣланъ изъ винит. п., какъ думаетъ кн. Вяземскій (Замѣч. стр. 442). По Сули (отъ Сула) и Хинову (при Хинова) мягкое окончаніе вм. гвердаго вслѣдствіе смѣшенія склоненій; головы вм. головѣ вслѣдствіе смѣшенія падежей.

Въ словахъ темы на и дат. пад. всегда на и: пѣсни, крови, Рси, (и, можетъ быть, по хоти).

Винительный падежъ въ мужск. р. одушевленныхъ предметовъ всегда сходенъ съ родит., исключая слово—комонь, сходное съ именит., при неодушевленныхъ предметахъ и въ среднемъ родѣ сходенъ съ именит., равно какъ и

въ женск. р. на ь: пѣснь, стадо, умъ, жребій; брата, отца, кощея. Въ женск. родѣ окончанія у и ю; исключеніе составляетъ одно слово—слава, если читать его вмѣстѣ съ пѣти. Въ консонантномъ склоненіи: время, стремень.

Звательный падежъ постоянно имѣетъ отличныя окончанія отъ именительнаго: для мужескаго—е (иногда ѣ), ю, для женскаго о и е (иногда ѣ); въ среднемъ сходенъ съ именительнымъ: Игорю, внуче, туре, Всеволодѣ, братіе и дружино, о вѣтрѣ вѣтрило, земле и землѣ. Отступленіе составляетъ одно слово: блѣванъ (ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине!??).

Творительный падежъ большею частію имѣетъ окончанія въ мужеск. и средн. р. омъ и емъ: влъкомъ, мечемъ, шеломянемъ, стружіемъ, златомъ. Слово—шеломъ имѣетъ твор. пад. два раза шеломомъ. Женскій родъ имѣетъ всегда правильныя окончанія ою и ею: дѣвою—(въ зап. Малинов.: двою) дѣвицею; а въ именахъ на ь—ію: мыслію, крѣпостію. Слово жажда употреблено по мягкому жаждею.

Въ предложномъ падежѣ нѣтъ различія между твердымъ и мягкимъ склоненіемъ; почти на половину мягкое склоненіе имѣетъ окончанія твердаго: въ Кыевѣ, Новѣгородѣ, Олзѣ, брезѣ, днѣ (дно). Дунай, князи, но Путивлѣ, Тьмутараканѣ, морѣ (и море), полѣ. Въ женскомъ родѣ тоже смѣшеніе: рѣцѣ Каялѣ, мглѣ, уноши, земли, но гридницѣ, (въ стазби, если считать началомъ стазба, не будетъ подходить подъ общее правило, потому что въ этомъ падежѣ не встрѣтилось ни одного слова твердаго склоненія съ окончаніемъ мягкаго). Въ окончаніи на ь всегда окончаніе на и, которое два раза замѣнилось посредствомъ ы: борони, болони, плѣночи, полуночи, полунощи и полунощы, кровати („и схотію на кровать и рекъ“ не лучше ли читать также слитно: „на кровати рекъ“) Въ склоненіи на согласную тему окончаніе неправильное: на небесѣ вм. на небеси. Въ именахъ мужск. р., кромѣ окончанія на ѣ часто встрѣчаются на у: плѣку, слѣду

Сложныя слова склоняются отдѣльно: лукуморя, Новуграду, Новѣгородѣ.

Въ двойственномъ числѣ почти для всѣхъ падежей встрѣчаются окончанія, хотя и не всегда правильныя: имен. стѣна, солнца (вм. солнци), род. плечю, дат. соколома, вин. кононя, уши; зват. господина, сыновья, тв. очима, предъ крилицю; въ злата стремянь вин. пад. вм. стремена (судя также по винит. п. ед. ч. слово—стремя—употреблялось въ формѣ стремянь муж. рода).

Во множественномъ числѣ имен. пад. муж. р. большею частію оканчивается на *и* въ твердомъ, и мягк. склон: къмети, тули, русичи, князи; исключеніе составляютъ: Половцы (фонетич. явл.), шеломы, щиты, цвѣты. При *и* гортанные всегда смягчаются: стязи, луци, пороси, вѣчи, вѣцы, отступленіе составляетъ одно слово—плѣкы, которое скорѣе можно признать винительнымъ падежомъ, принявъ за ошибку—отступиша, поставленное, вѣроятно, вмѣсто оступиша—обступили. Вмѣсто *и*—*и* во множ. числѣ встрѣтилось въ одномъ словѣ—брезѣ. Кромѣ обычныхъ окончаній *и* и *и* въ мужск. родѣ встрѣчаются еще: *е* въ единств. ч. на инѣ—бояре, но вмѣсто него и *и*: Куряни; потомъ—ове и еве: дятлове и ратаевѣ (вм. *е*).

Въ женскомъ родѣ большею частію *и* даже и для мягкаго: трубы, яругы, рѣкы, сулицы; но послѣднее собственно фонетическое явленіе; большею же частію для мягкаго служить окончаніе *и*: лисици, млѣни, галици, сабли; однажды только встрѣтилось окончаніе *я*: туча (это вѣрная копія съ древнѣйшей рукописи, можетъ быть, въ рукописи и было: туча). Для среднего рода обычныя окончанія—*а* и *я*: лѣта, копіа, но есть и *и*—забрали. Въ склоненіи на *ь*—*и*: пути, лебеди.

Родит. падежъ въ муж. р. на овѣ (и овѣ) и ѣ. сыновѣ, плѣковѣ, щитовѣ, тльковинѣ; въ женск. ѣ: курѣ, слезѣ, странѣ; въ склоненіи на *ь*: іи и ей: повѣстий, лебѣдѣй (вм. ей), въ консонантномъ: времяѣ.

Дательный падежъ въ муж. и средн. р. на омъ и емъ и одинъ разъ омъ: шеломомъ, человѣкомъ, болотомъ, копіемъ; въ женскомъ—амъ и ямъ; (одинъ разъ амъ): горамъ, саблямъ, былинамъ.

Окончаній амъ и ямъ въ муж. и средн. р., появившихся въ XIV в., и часто встрѣчаемыхъ въ XV в. (Кол. Оч. 143), здѣсь вовсе нѣтъ.

Винительный падежъ при одушевленныхъ предметахъ болѣе сходенъ съ родительнымъ, чѣмъ съ именит., тогда какъ въ единственномъ замѣчается на оборотъ. При сходствѣ съ родит. онъ имѣетъ окончаніе овъ и ей: соколовъ, князей; въ женск. родѣ: ладъ, птицъ, птицъ. При сходствѣ съ именит. окончанія его: ы, и и даже я: въ мужск. р. соколы, комони, звѣри, вои (3 раза), воя (1 р.), сваты, салтани. Послѣднее слово единственный примѣръ смѣшенія окончаній въ этомъ падежѣ, въ другихъ же словахъ всегда опредѣленное окончаніе для твердаго и мягкаго, для перваго ы, для мягкаго и и я; въ женскомъ родѣ—ы: дѣвкы.

При неодушевленныхъ предметахъ окончанія въ муж. р. въ твердомъ скл.—ы и и: прѣсты, колоколы, гради, облаки, потоки, стязи, тули, плѣки, хльми: въ мягк. всегда и: корабли, мечи; въ женск. ы и и для твердаго: струны, горы, паволокы, рѣки, стрѣлки, въ мягкомъ и и ѣ сулицы и усобицѣ (здѣсь ѣ вм. я=а), въ склоненіи на ь всегда и: кости, рати, власти. Въ средн. родѣ склоненій на гласную и согласную тему большею частію а и іа: утра, времена, крыльца, ворота, поля; но встрѣчаются—ы: озеры, бремены.

Зват. пад. сходенъ съ именит; въ немъ какъ и въ имен. встрѣчается одинъ разъ—е: внуце, вм. внуци.

Тверительный падежъ въ муж. и средн. р. почти всегда на ы въ тверд. и и въ мягк.: облакы, плѣкы, кожухы, словесы, стады, мечи, жребіи, узорочьи: уклоненія составляютъ въ тверд. плѣки (при многихъ плѣкы) и че-

пи; въ мягкомъ: иноходцы (фонетическая особенность). Итакъ окончаній ами и ями, явившихся съ XIV в., здѣсь еще не встрѣчается. Слово „былями“ составляетъ единственное исключеніе.

Въ женскомъ родѣ всегда окончанія --ами и ями: трубами, дорогами, япончицами (послѣ ц всегда а) чайцами, саблями, струями. Поэтому стругы, если производить отъ струга, нельзя принимать за творит. падежъ. Въ склоненіи на ь (--и) всегда ми: костями, напастями, пѣсьми.

Предложный падежъ въ муж. и средн. на ѣхъ и ехъ (вслѣдствіе смѣшенія ѣ съ е): брезехъ, ветрѣхъ и вѣтрехъ. На охъ и яхъ окончаній вовсе нѣтъ въ муж. и средн.; они принадлежатъ только женскому роду: вѣнахъ, струяхъ. Въ склоненіи на ь—мытехъ.

СКЛОНЕНІЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ.

Въ именит. падежѣ въ муж. р. для тверд. склон. встрѣчаются окончанія: ый и ѣ (послѣднее для краткихъ притяжательныхъ и отчественныхъ): смысленый, великій, чръленъ, Васильковъ; „давный“ характеризуетъ нарѣчіе переписчика; окончаніе ій въ твердомъ является вслѣдствіе сочетанія гортанныхъ съ и. но оно и при гортанныхъ рѣже, чѣмъ ы: великій; окончаніе ы - галички объясняется другими памятниками XIV—XV в., въ которыхъ въ той-же формѣ встрѣчается ы, но съ черточками надъ нимъ ы́, напр. въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ сборникѣ XV (См. Учен. зап. 2 отд. А. Н. т. V Задонщина). Въ Ип. лѣт. тоже ы, напр. лукавы (397). Колосовъ (Очерк. стр. 139) говоритъ, что окончаніе прилаг. на ы обычно въ XV в., но не рѣшается сказать утвердительно—жило ли оно въ рѣчи, или принадлежало письменности. Если въ рукописяхъ пропускъ обозначался какими нибудь знаками, то, конечно, нельзя будетъ считать жизненнымъ явленіемъ; но этого онъ не указалъ.

Окончанія мягкаго склоненія: *ій, ей, и и ъ*: *въщій* и *вещей, буй, Ярославъ, галичъ*.

Женскій родъ представляетъ правильныя окончанія — твердое *ая, а*, мягкое *я и а* (послѣ шипящей): *веселая, чръна, жирна, вѣща*. Также правильность и въ среднемъ: *ое, о, ее, е*: *хороброе, сребрено, синее, пардуже*.

Въ муж. родѣ окончанія *ой* вовсе нѣтъ.

Родит падежъ всегда на *аго* (*ого* одинъ разъ въ винит падежѣ поганого кощя ⁸⁾), а *ова*, которое было распространено въ XV ст. вовсе нѣтъ) и *яго*; въ немногихъ случаяхъ послѣ гласной и **н** въ мягкомъ склоненіи *его*: *синего, буюго*; въ краткомъ *а и я*: *отня, злата*. Женскій родъ представляетъ смѣшеніе окончаній; въ твердомъ встрѣчаются: *ія, ыи, ой, ы и іа* (послѣ гортанныхъ): *миля, красныя Глѣбовны, Половецкыи, рускыи, быстрой, половецкой, половецкія*; въ мягкомъ: *ія, ея, ей и еи*: *божія, моя, дѣдни, сицеи, своя* (вм. *своя*). Въ дат. падежѣ муж. и ср. въ твердомъ и мягкомъ: *старому, синему, Глѣбову, Бояню, Святъславличю, Игоревичу*. въ женскомъ окончанія въ тверд. *ѣй* (и *ей*), *ѣ, ой* (только послѣ

⁸⁾ Вс. Миллеръ по поводу этого замѣчаетъ: въ Арх. сп. въ 7 случаяхъ изъ 19 находимъ *ого*. Спрашивается, какъ было въ подлинной рукописи? Было ли въ ней постоянно *ого*, которое издатель согласно съ современной орфографіей поправилъ на *аго*, между тѣмъ какъ писецъ, писавшій архив. списокъ, внесъ эту поправку только кое гдѣ, случайно, или и въ подлинной рукописи существовало колебаніе? Кажется, послѣднее вѣрнѣе. Если мы припомнимъ при томъ, что судя по нѣкоторымъ признакамъ, *а* и *о* въ рукописи иногда бывали сходны, то затруднимся опредѣлить, на сколько ошибались первые издатели, прочитавъ въ 7 случаяхъ *аго* вм. *ого* (Взгл. стр. 156). Безъ сомнѣнія г. Миллеръ подъ признаками сходства въ рукописи *а* съ *о* разумѣлъ—скача (Арх.) и скочи (Пушк.), Полочанамъ (Арх.), Полочаномъ (Пушк.), грояхуть (Зап. Малин.) и граяхуть (печат.). Подтвержденіе этого предположенія о возможномъ сходствѣ въ рукописи *а* съ *о* находимъ въ снимкахъ съ грамоты В. К. Димитрія до 1374 и съ тактикона Никона 1397 г. (Срезн. Др. пам. прилож. Въ полууставномъ письмѣ ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *о* неимѣетъ правильной закругленности, а представляетъ угловатость, нѣсколько напоминающую *а*.

гортанныхъ) святѣй, сребреней, незнаемѣ, русской (6 разъ), тѣи, въ Екат. сп. тѣ (вм. той?) въ мягкомъ —ей: Пирогошей, своей.

Въ винит. падежѣ м. и сред. р. окончанія тѣже, что и въ именительномъ и родительномъ (при одушевленныхъ), въ женскомъ—ую, у, юю, ю: прѣвую, зелѣну, худу, горячую, свою, Трояню.

Творительный имѣетъ окончанія: ымъ, ою и ею: сѣрымъ, рускимъ, красною, своею.

Предложный падежъ представляетъ смѣшеніе твердыхъ окончаній съ мягкими въ муж. и средн. р.. златокованпѣмъ, жестоцемъ, незнаемѣ, синѣмъ, моемъ, седьмомъ, Трояни, Игоревѣ. Половецкомъ. Окончанія съ ѣ преобладающія; въ женскомъ р. ой, ѣ и и: русской, кровавѣ, тисовѣ, Святѣславѣ.

Не многіе примѣры двойственного числа не представляютъ уже правильности: имен. п. багряная, молодая, два храбрая (муж. р.), храбрая (ср. р.); вин. п. своя брѣзая (м. р.) самую (муж. р.), предл. п. своею не трудною (сред. р.).

Множественное число. Именительный падежъ представляетъ смѣшеніе окончаній твердаго и мягкаго по всеѣмъ родамъ. Въ муж. родѣ для твердаго встрѣчаются окончанія—ыи, ии, ны, ы, и: сѣрыи, храбрѣи, Оварскыя, друзѣи, взлелѣаны, готовѣи; въ краткой формѣ употребительнѣе и; въ мягкомъ склон. и: Стрибожи. Въ женск. р. для твердаго: ны, а, іа, ии, и (последніа три окончанія только послѣ гортанныхъ): кровавыя, Половецкыя, Рускія, многѣи, лаяцкіи; для мягкаго оконч. іи и и: синѣи, многѣи. Въ сред. ны и я: харалужныя, Ярославля. На основаніи винительнаго падежа можно полагать, что и въ именительномъ средняго рода окончаніе ая было обычно.

Родительный падежъ представляетъ два окончанія—

ыхъ и ихъ (послѣднее въ твердомъ склоненіи только послѣ гортанныхъ) для всѣхъ родовъ: желѣзныхъ, великихъ

Дательный — ымъ и имъ (тоже послѣ гортанныхъ): грознымъ, Кіевскимъ, своимъ.

Винит. падежъ тоже представляетъ смѣшеніе окончаній какъ и именительный: въ мужск. тверд. ыя (часто), ы, ыи, іа, и: поганья, тыи харалужныи, литовскія, верезени, прикрыты; въ мягкомъ іа, я и и: своя вѣщія, сіа, свои, чужи.

Въ женск. р. ая (1 разъ), ыя (часто), ы, ыи: кровавыя, живая, желѣзны, Угорьскыи; мягкія: своя. Въ среднемъ р. тв. ая и я: широкая, жирня, мягк. я—вся.

Кромѣ того въ муж. р. при одушевлен. предметахъ ыхъ и ихъ: своихъ, милыхъ, Русскихъ.

Твор. пад. въ муж. и среднемъ р. имѣетъ окончаніе ыми и ими (въ тв. послѣ гортанныхъ): старыми Косожскими, Угорьскими, тѣщами. Глѣбовы единственный примѣръ краткаго окончанія; въ женскомъ кромѣ ыми и ими: калеными, своими злачеными, тоже одинъ разъ встрѣчается ами: неготовами

Въ предлож. падежѣ ыхъ и ихъ: на своихъ, серебряныхъ, княжихъ.

Причастій дѣйствительныхъ и среднихъ съ полнымъ окончаніемъ вовсе нѣтъ. Изъ краткихъ причастій въ косвенныхъ падежахъ есть только три: делѣявшу, стлавшу и одѣвавшу. Въ именит. падежѣ обоихъ чиселъ они сдѣлались дѣепричастіями съ окончаніями: а, я, учи, ючи, ячи, яче, ще, вше, въ: меча, бѣя (при муж. р.), плещучи (при жен. р.), аркучи (при ж. р. ед. и мн. ч.), мычучи (при карна и жлы; нарищуще (при муж. множ.), звонячи (при м. р. мн. ч.), дѣляче (при имен. муж. р. мн. ч.), помянувшие (при ж. р.), забывъ (муж. р.), пожръши (жен. р.), подперъ, подпрѣся (муж. р.).

Дательнаго самостоятельнаго вовсе не встрѣчается.

СПРЯЖЕНІЕ.

Неопредѣленное наклоненіе всегда оканчивается на ти: начати, минути, за исключеніемъ одного слова „быть“ при многихъ быти; въ страдательномъ залогѣ всегда съ причастіемъ въ дат пад: потяту быти, полонену.

Наст. вр. 1 л. хожу, вижу; 2 л. стоиши, прыщеси (всегда и—ь, являющееся уже въ XIII в. здѣсь ниразу не встрѣтилось); 3 л. ждетъ, звенить (последнее значительно рѣже, чѣмъ съ ь), плачется (ь всегда пропускается; окончанія—тца вовсе нѣтъ). Двойств. число есѣвъ, еста. Множ. число 3 л. ржутъ, скачють, брешуть, вѣють (ь очень рѣдко), вьются. Будущ. вр. 1 л. полечю, омочю, утру, 3 л. будетъ, дастъ; дв. ч. рострѣляевѣ, опутаевѣ; множ. ч. 1 похитимъ, ся подѣлимъ, 3 почнутъ.

Прошедшія времена большею частію простыя. Сложныхъ весьма мало, и изъ послѣднихъ больше безъ вспомогательнаго глагола. Прошедшее протяженное простое. Ед. ч. 2. л. поскачаше, стрекшаше. 3 л., б. ч., на ше, часто также съ ть, иногда и ть. рыскаше, хоташе, поминашеть, башеть, растекашется, (глухаго предъ ся нѣтъ). 3 л. множ. ч. на ху, а чаще съ ть. рокотаху, кикахуть. Окончаніе ть считаютъ особенностью южнаго письма; но напр. въ сп. XII в. Ж. Бор. и Гл. бѣаше, въ XIV башеть. Въ запискахъ Малинов. слово говоряхуть написано: говоря, хуты. Г. Барсовъ относитъ это къ неясности почерка рукописи и смѣшенію издателями ы съ ь и ь (стр. 21). Но это не то; если Молиновскій написалъ въ запискахъ ы, то оно, навѣрное, и было тамъ. Не будь оно тамъ ясно написано, сбивайся на ь или ь, Малиновскій, конечно, написалъ бы одно изъ двухъ послѣднихъ. Но онъ этого не сдѣлалъ. Въ печатномъ же изданіи, издатели замѣнили его посредствомъ ь, по образцу рядомъ стоящаго слова—хотять, потому что не предполагали возможности формы говоряхуты. Для насъ такая форма совершенно понятна, —

она встрѣчается и теперь на сѣверѣ Россіи: „идуты“ в.м. идутъ, и есть остатокъ гласности ъ или ь (Объясн. см. у г. Потебни, Фил. Зап. 1876 г. вып. 1. стр. 38).

Прошедшее протяженное сложное — 3 л. ед. ч.: бѣше успилъ, бѣшетъ притрепеталь.

Прошедшее краткое простое. 3 л. ед. ч.: зарѣза, истягну, заступи, взрѣ, развѣя, разліяся, падеся, врѣжеса, рече и рекъ, простре, тече.⁹⁾ Глаголы со вставкою ну большею частію эту вставку теряютъ. затче, успе, выторже, пониче, врѣже. Разшибе — предполагаетъ форму разшибохъ, если неопред. наклоненіе расшибити, то это слово представляетъ исключеніе изъ правила — образованія прошед. краткаго на охъ только отъ темы на согласную. Двойств. число: 3 л. претръгоста, рекосте (в.м. рекоста), подаетъ (в.м. подаета); мн. ч. 2 л. расхытите, начясте. 3 л. побѣгоша, простропаша, начаша, рассушась (въ Зап. Малин. рассушм).

Прошед. краткое сложное: пробилъ еси, лелѣялъ еси, еста начала. Безъ вспомог. глагола: покрыла, полонила, встала, вступилъ, преклонилося, минула (сред. р. мн. ч.), dospѣли.

Условное: А быхъ не слала, аще бы ты былъ, то была бы чага...

Въ страдат. залогъ тоже иногда вспомогательный глаголъ не употребляется: не слышано, бяхуть посѣяни.

Повелительное наклоненіе. Ед. число: сѣдлай, стрѣлай, взлелѣй; двойств. ч. вѣступита; мужаимѣся; мн. ч. загородите, понизить, вонзить

Разсмотрѣвши фонетику и формы языка рукописи Слова, мы нашли, что въ ней не являются очень многія

⁹⁾ Максимовичъ (Нов. пис. къ Погод. стр. 26) считаетъ эту форму наст. временемъ, въ которомъ окончаніе ть отпало по свойству Малор. нарѣчіи, существовавшему въ немъ издревле. Но это не настоящее. Изъ контекста видно, что это прош. время: впереди этого слова и послѣ него глаголы стоятъ въ прошед. времени.

особенности живаго языка, получившія начало въ XIII и XIV ст. и сдѣлавшіяся очень распространенными въ XV в. Къ числу ихъ относятся: 1) въ звукахъ: а) нѣтъ замѣны *ѣ* *ѣ* посредствомъ *ѣ*; б) нѣтъ измѣненія *г* на *в*; вслѣдствіе этого окончанія прилагательныхъ на *ѣ* вовсе не встрѣчается и нѣтъ окончанія родит. п. на *ѣ*; 2) въ формахъ ни разу не встрѣтилось окончаній дат. пад. множ. ч. муж. и средн. р. на *амъ* и *ямъ*, творит. тогоже числа и рода на *ами* (исключая „былями“) и предложнаго на *ахъ* и *яхъ*; въ неопред. наклоненіи нѣтъ окончаній на *ти* (если не считать „Игорю не быть“, послѣдняя форма считается не безъ основанія прошедшимъ временемъ, поставленнымъ съ титломъ—не быть (Малаш.); нѣтъ въ 2 л. настоящ. вр. окончанія—*шь*, нѣтъ окончанія 3 л. ед. и мн. ч. глаголовъ на *тца* *вм.* *тсья*.

Такъ какъ принадлежавшая М. Пушкину рукопись Слова сохранила много особенностей правописанія болѣе древняго, чѣмъ какое было въ XV, и такъ какъ многія важныя и рѣзкія особенности живаго языка XIV и XV в. не вошли сюда, то нужно полагать, что переписчикъ этого списка старался о вѣрной копировкѣ съ древнѣйшаго списка и если допускалъ подновленія, то только такія, которыя для него почти не были чувствительны по своей близости къ старѣйшимъ формамъ, — это касается безразличнаго употребленія глухихъ, смѣшенія *ѣ* съ *е*, смѣшенія склоненій и иногда надежей. Нѣкоторыя особенности его правописанія обличаютъ, что онъ принадлежалъ сѣверу, гдѣ *ц* и *ч* смѣшивались, шипящіе сочетались съ твердыми: *полунощы*, *чолка*.

Переписанный съ древнѣйшаго списка Пушкинскій списокъ Слова, можно полагать, находился въ такомъ же отношеніи къ своему оригиналу, какъ Кіевская лѣтопись Ипатьевского списка къ своему прототипу. Относимая къ половинѣ XV ст., она представляетъ слѣдующія особенности, сходныя съ Словомъ: не постоян-

ное смягченіе губныхъ черезъ л при іотированныхъ (Кол. Оч. 164 стр.); чередованіе ц съ ч, м и н., онбонъ (396); замѣну а посредствомъ о и обратно: Лазори (420), пома-
гаючи (405); переходъ—е въ о: тосняшеться (413), шоло-
мени (429); замѣну я посредствомъ ь въ окончаніи глаго-
ловъ на ся. Въ Пушкинской рукописи послѣднее явленіе
весьма рѣдко; въ Ип. сп. оно чаще. Въ формахъ. окончаніе
р. п. на ого чаще—чѣмъ въ Словѣ, напр. первого (392),
всякого (397), конюшого (438). Эта лѣтопись впрочемъ
имѣетъ въ формахъ особенности, не являющіяся въ Словѣ,
таковы: оконч. ой въ прилаг. вм. ѣй, черниговской (467),
омъ въ дат. мн. муж. и ср. Предложный надежъ въ ней
имѣетъ переходную форму къ охъ. въ полкохъ (433), въ
Ляхохъ (445); въ твор. часто оконч. на ми мужми (444),
дарми (458). Въ неопр. накл., ть вм. ги: росудить
(419), шь во 2 л. един. числа вм. ши: приставишь (404),
имѣешь, разгадаешь (438).

Волынская лѣтопись, относимая ко 2-й половинѣ XV в.
представляетъ еще болѣе особенностей, не существующихъ
въ Словѣ, или очень рѣдкихъ. Къ первымъ относятся: въ
предлож. пад. множ. ч. муж. и ср. р. еще чаще оконч. охъ
(какъ переходъ въ ахъ), (Кол. 175 стр.). Ко вторымъ:
полногласіе чаще неполногласія, иногда даже въ словахъ,
не способныхъ къ полногласію (Кол. 172), шипящія чаще
съ твердыми, зубныя смягчаются по-русски; въ прилаг.
больше ого.

Правописаніе Задонщины, несомнѣнно принадлежащей
второй половинѣ XV в. (Учен. Зап. А. Н. т. V Предисл.
къ Кирил. Бѣл. сбор. Варлаама), отличается не многимъ
отъ Слова. Оно однообразнѣе, потому что основано было
на правилахъ, установившихся въ XIV и XV в., и
если этотъ списокъ былъ списанъ съ древнѣйшаго, то
только съ такого, который былъ въ концѣ XIV или на-
чалѣ XV в. Потому въ немъ почти нѣтъ древнѣйшихъ
особенностей.

Особенности его въ звукахъ, слѣдующія: въ гласныхъ глухіе при плавныхъ вовсе замѣнены чистыми: вскормлены, молвяше черлеными; таже замѣна произошла и въ суффиксахъ: мужество, исключая прилагательныхъ на скый, въ которыхъ иногда есть еще ъ—русской и русской. Въ корняхъ словъ они вовсе не пишутся пеу, но въ окончаніяхъ иногда есть: свѣтятся и пахутся. Въ предлогахъ, употребленныхъ слитно, иногда встрѣчаются—въ сплескаша, но это рѣдко,—въ большинствѣ случаевъ они замѣнены чистыми: воспиша, взопиша, восплакашася.

ь вмѣсто я въ глаголахъ на ся чаще, чѣмъ въ Словѣ, иногда надъ е стоитъ титло безъ гласнаго, читать вѣрнѣе будетъ ъ, а не я.

Въ замѣнахъ гласныхъ общее съ Словомъ:

Чередованіе о съ е: едино и едино

Чередованіе о съ а. Ондрѣвичъ и Андрея, зорею, (гораздо вм. горазда—скорѣе описки).

О вм. а: облака, великого оболочка.

А вм. о: жаваранокъ, Наугородци.

Е вм. и: Владимира, Дмитрея и Дмитрія.

О вм. е: слѣтошася, зогзици.

И вм. ѣ: на рицѣ

Я вм. е: вольярдовы; твердая гласная вм. мягкой: ковылу, порожнымъ.

А вм. іа: поліано, възлѣлены, сіа.

Замѣна и посредствомъ ъ: крѣпостью, молны; эта замѣна чаще, чѣмъ въ Словѣ.

Особенности представляютъ оу вм. ъ: нѣтоу жребій Афетовоу (послѣднее м, б, и описки или копія съ древней такой формы, при которой стояло или область или земля въ винит. пад.).

Въ Ипат л. нетуть (399), обуюмшася (422).

О вм. ъ на концѣ: Михаило.

А вм. е: кречату, чаховъ, въ Ип. сп Воронажъ (411);

О в м. оу: какоують въ Ип. сп. ходожника (476.)
и можьственною (467).

А в м. и: взопаша.

ы в м. а. тогда, досюды, никуды. Въ Ипат. спискѣ
обычно (407.)

и в м. оу или ю: хоригови.

Чередованіе и съ ы ниразу не встрѣчается.

ВЪ С О Г Л А С Н Ы Х ъ.

Гортанные считаются какъ съ и, такъ и съ ы: великыи, облакы, поскакиваетъ. ы болѣе встрѣчается въ окончаніяхъ, въ корняхъ чаще и; смягченіе гортанныхъ еще соблюдается: стязи, на рицѣ, пастуси.

Зубныя смягчаются только по - русски — въ ж и ч.: межу, восклекють, полуночную.

Шипящія сочетаются и съ простыми, и съ іотированными: грянуша, пашутся, нашу, брешють.

Ц и съ твердыми, и съ мягкими: волцы и волци.

Губныя вовсе не смягчаются въ отчественныхъ именахъ на ичь. Ярославичу. Такимъ образомъ въ правописаніи согласныхъ разница съ рукописью Слова касается смягченія зубныхъ д и т и губныхъ.

Въ мѣнѣ согласныхъ общее съ Словомъ:

Чередованіе н съ м: септября, Микоулу

Щ и ч: полуночную, полунощныя.

В в м. б вренковъ.

Чередованіе, вслѣдствіе ассимиляціи з и с: з дивныи, ис тучи.

Твердое л в м. мягкаго: силна, удалцы.

Во всемъ сборникѣ встрѣчается еще смѣшеніе ц и ч: оцѣщеніа (стр. 4); замѣна с посредствомъ ш: возвышитъ Богъ (стр. 64).

Особенности, не найденныя въ рукописи Слова:

1) в придыхательное въ началѣ: вотчину, вольярдовы.

2) я в м. е — вольярдовы.

3) Опущеніе согласной; Нѣпра (2 р.) при Днѣпръ, Хараоужный, ѿсподарехъ.

4) Мѣна в—на оу—Наоугородци.

Л вм. в—хинела.

Н вм. в—Непряднѣ.

Полногласныя формы встрѣчаются наравнѣ съ неполногласными; но полногласіе есть и въ такихъ словахъ, которыя въ теперешнемъ русскомъ неполногласны: ѿболока.

Особенности въ склоненіи: въ существительномъ—

Въ единственномъ числѣ:

Въ именит. пад. встрѣчается окончаніе о и е для муж. р. Михайло и Дмитріе. Въ род. пад. женск. рода въ мягкомъ окончаніи большею частію окончаніе и: земли, Софіи, исключая одно слово: Богородица. Въ мужескомъ родѣ часто окончаніе на у—Дону Въ дат. падежѣ, женск. рода мягк. склон. всегда на и: земли. Въ муж. ови и еви не встрѣчается.

Зват. падежъ болѣе сходенъ съ именит., въ словахъ Доне (3 р.) и господине видно подражаніе старому образцу. Твор. пад. м. и ср. р. всегда на омъ и емь. Дономъ, княземъ, женск. р. правильно. Предложный падежъ болѣе съ ѣ и въ мягкомъ склоненіи: на рицѣ Чечѣ; одинъ только разъ на и: на сердци

Множеств. число. Въ именит. преобладающее окончаніе и: волци, гуси, колоколи, стязи, пастуси, рѣдко есть и ы. полкы, волцы; въ женск. р.—ы и и: трубы, галици, молоньи; въ средн. а и я: ѿблока, копія.

Въ род. п. оконч. м. и ср. р. овъ и ѣ: Чаховъ, Ляховъ, татаръ. Въ дат. всегда омъ и емь въ м. и ср. р.: вратомъ, княземъ. Въ вит. пад. м. р. одушевл. предметовъ болѣе сродства съ именит., чѣмъ съ родительнымъ; при сродствѣ съ имен. чаще окончаніе и, но есть и ы: сродники, гуси, мечи, вои, полкы, персты, мужей, ѿподаревъ.

Въ среднемъ родѣ, кромѣ а и я, есть окончаніе женскаго рода—ы: оболока, поля, облакы.

Въ твор. п. м. и ср. р. нѣтъ окончанія на ми какъ въ женскомъ: словесы, шеломы. удалцы; но въ жен. землями, пѣснями.

Предл. пад. м. р. на ѣхъ: ѡсподарѣхъ,

Сравнивая склоненія существительныхъ въ Задонщинѣ съ склоненіемъ ихъ въ рукописи Слова, мы замѣчаемъ: въ Словѣ переписчикъ колеблется между формами оригинала, который у него былъ предъ глазами, навыкомъ, который у него явился при перепискѣ предшествующихъ въ рукописи Слову статей, и живымъ говоромъ Здѣсь онъ склоняется болѣе на сторону перваго, иногда слѣдуетъ правописанію другихъ, прежде писанныхъ статей, а иногда вноситъ формы живаго языка. Этимъ обусловливается смѣшеніе окончаній въ тв. на омъ и омь, въ дат. на омъ и омь, въ р. на овъ и овь и особенно смѣшеніе твердыхъ и мягкихъ въ имен. и винит. пад. множественнаго числа.

У переписчика Задонщины замѣчается больше послѣдовательности въ употребленіи формъ, хотя и у него видно колебаніе между навыкомъ къ извѣстнымъ книжнымъ формамъ и стремленіемъ къ живой рѣчи. Первое видно въ однообразномъ употребленіи твор. п. ед. ч. и дат. множ. числа на омъ и емь. Второе въ особомъ окончаніи именит. пад. на о и е и въ уподобленіи зват. п. именительному; послѣднимъ объясняется и то, что двойственное число не употребляется, хоть и былъ случай употребить его.

Въ прилагательномъ склоненіи смѣшеніе твердаго съ мягкимъ зависитъ отъ сочетанія гортанныхъ въ ы и и. Краткое склоненіе имѣетъ еще многія формы. Въ именител. падежѣ, кромѣ окончаній ы и ии, встрѣчается часто ы съ двумя черточками вверху: поганы, великы, изъ слова тяжки имен. пад. множ. числа видно, что эти черточки замѣняли и; родит. пад. муж. и средн. р. имѣетъ чаще ого,

чѣмъ аго; ова вовсе нѣтъ; въ жен. р. встрѣчаются только
ня и я: святѣя, русскѣя, тоя.

Въ дательн. въ муж. и ср. ому и у первому, бѣлу;
въ жен. р. ой и ей: литовской, твоей. Винительн. пад.
не представляетъ ничего особеннаго. Творит. падежъ: вели-
кимъ, за дышущемъ.

Множественное число. Въ имен. падежѣ чаще всего
окончаніе ня для всѣхъ родовъ, окончаніе іе встрѣчается
при мужескомъ и жен. род., ии при муж.; ая не встрѣ-
тилось. Краткія окончанія ы и и для всѣхъ родовъ,
чаще и, чѣмъ ы. Дат. пад. большею частію имѣетъ со-
кращенную форму, какъ въ Словѣ: русскимъ, порожнимъ,
но встрѣчается полная: русскимъ. Въ окончаніи здѣсь
какъ и въ существ. всегда ь. Въ винит. падежѣ оконча-
ніе ыя при муж. и жен., а іе при среднемъ. кіевскія
(м. р.), живыя ж. р.), синіе (ср. р.).

Въ творит. и предложномъ нѣтъ особенностей.

Сравнительно со Словомъ склоненіе прилагательныхъ
въ Задонщинѣ имѣетъ больше опредѣленности въ р. и
дат. п. единст. числа женскаго рода и въ именит. и вин.
мн. числа; но за то она не соблюдена въ другихъ па-
дежахъ, въ которыхъ попадаются полныя формы: дышущемъ,
русскимъ, чего въ Словѣ нѣтъ, за исключеніемъ
одного слова. не готовами.

Причастія краткія стоятъ на переходѣ къ дѣепри-
частіямъ: вскладая, аркучи, пояше (при единств. числѣ),
ставше, помянувшѣ, пасущеся (при мн. числѣ разныхъ
родовъ).

Въ глаголахъ.

Неопредѣл. наклоненіе всегда на ти: быти, помоло-
дѣтися.

Въ встрѣчающихся формахъ изъявительн. наклоненія
настоящаго времени особенность та, что въ 3 л. ед. и
мн. числа чаще окончаніе ть, ть очень рѣдко: пашуть,

восклекчють, ведеть, повѣдають. Предъ ся ъ и ъ выпу-
скаются: восплачется, пашутся.

Въ формахъ будущаго времени въ 1 лицѣ множ. ч.
одинаково и ъ и ъ: поидемъ, взыдемъ. Тоже и въ Ип.
сп. скажемъ (390), пожжемъ (405) Прошедшихъ временъ
болѣ простыхъ чѣмъ сложныхъ Прошедшее протяженное:
молвяше, бяше; прошедшее краткое: родися, рече, слѣтоша-
ся, восплакашася.

Прошедшее сложное встрѣчается наравнѣ и съ вспо-
могательнымъ глаголомъ и безъ него: съѣхалися, остали,
пробили еси, есмя были. На мѣстѣ двойственнаго числа
встрѣтилась форма есма; окончаніемъ а вм. іа писцу, мо-
жетъ быть, хотѣлось показать отличіе отъ множественнаго,
которое всегда есмя. Условное наклоненіе: чтобы еси выще-
котала, лучши бы есмя наверглися.

Пов. накл. не представляетъ ничего особеннаго: взы-
ди, пой, сѣдлай.

Сравнивая все это со Словомъ, видимъ большое сход-
ство; разница касается двойственнаго числа, уже не сущест-
вующаго въ Задонщинѣ и употребленія ъ въ окончаніяхъ,
въ Задонщинѣ онъ не только предпочитается ъ въ треть-
ихъ лицахъ, но встрѣчается и въ 1 лицѣ множеств. числа.

3. Исправленіе первопечатнаго текста.

Исправленіе текста, напечатаннаго первыми издателя-
ми, началось вскорѣ послѣ гибели рукописи и продол-
жается до настоящаго времени. Поправкамъ подвергались—
правописаніе печатнаго текста и пунктуация, кромѣ того
предлагалось иное чтеніе словъ и выраженій и замѣна ихъ

другими, иное дѣленіе сплошнаго текста рукописи на слова и періоды и иной порядокъ цѣлыхъ статей.

Первый поводъ къ поправкамъ текста данъ былъ Тимковскимъ Онъ, занимаясь филологическимъ разборомъ Слова, замѣтилъ, что въ печатномъ изданіи нѣтъ правописанія (Лѣт. р. л. кн. 6-я, стр. 90); поэтому онъ спрашивалъ: вѣрно ли напечатана рукопись и не сдѣлано ли въ ней какихъ перемѣнъ? Чтѣ здѣсь Тимковскій разумѣлъ подъ правописаніемъ, утвердительно сказать трудно. Можно только приблизительно судить объ этомъ на основаніи того, что дошло до насъ изъ сужденій тогдашнихъ ученыхъ по поводу печатнаго текста. Карамзинъ самъ сравнивалъ печатное изданіе съ рукописью и засвидѣтельствовалъ, что пѣснь со всею точностію напечатана противъ подлинника, выключая словъ вѣчи вм. сѣчи, поставленное же въ скобкахъ слово Олегъ учинено для большей ясности (С. От 1839 г т. 8, стр. 20). Въ отрывкахъ изъ записокъ Тимковского находится еще приписка рукою Калайдовича: а сиче и рати нужно читать сичеи рати, рози нося имъ, кажется, нужно читать — рози носящимъ. Вотъ и все, что говорилось тогда о чтеніи текста. Изъ этого можно заключить, что вопросъ Тимковского относился не къ правописанію въ смыслѣ употребленія тѣхъ или другихъ буквъ въ формахъ и корняхъ, а касался точности передачи рукописи относительно вставокъ въ печатный текстъ новыхъ словъ, пропуска въ немъ нѣкоторыхъ буквъ (нося-щ-имъ) и дѣленія словъ.

На правописаніе въ собственномъ смыслѣ первый обратилъ вниманіе Граматинъ. Сличая языкъ Слова съ славянскимъ, онъ подмѣтилъ въ первомъ отступленіи отъ формъ того Славянскаго языка, какой онъ зналъ по славянскимъ грамматикамъ, составленнымъ на основаніи языка новыхъ церковныхъ книгъ. Эти кажущіяся ему отступленія въ языкѣ онъ началъ исправлять, приводить правописаніе къ однообразію и тѣмъ только испортилъ текстъ.

Приведеніе къ однообразію правописанія текста Слова и подведеніе его подъ правописаніе XII в., можно было сдѣлать только при знаніи исторической грамматики русскаго языка. Это какъ нельзя лучше выполнилъ Вуславъ въ своей Христоматіи древнерусской литературы (1870 г.).

¹⁰⁾ Но такое исправленіе правописанія текста имѣетъ особое значеніе и опредѣляется педагогическою задачею издателя — представить литературный памятникъ съ правописаніемъ его вѣка. Здѣсь же идетъ дѣло о правописаніи погибшей рукописи, и вопросъ сводится къ тому, можно ли печатный текстъ Слова считать точною копіею рукописи, передачею ея буква въ букву, іота въ іоту?

На послѣдній вопросъ князь Вяземскій отвѣтилъ цѣлымъ сочиненіемъ „Исслѣдованіе о вариантахъ“ (СПБ. 1877 г.). Въ немъ онъ старался доказать, что сгорѣвшая рукопись, по буквѣ, не совпадала съ печатнымъ изданіемъ, что она написана была со многими надстрочными знаками, которые можно было толковать такъ и иначе, придавать имъ то или другое значеніе. Вслѣдствіе этого рукопись, прочитанная въ разное время, могла дать разныя чтенія, вслѣдствіе этого произошла разница между первымъ изданіемъ ея и Екатерининскимъ спискомъ.

Князь Вяземскій, тщательно сличивъ печатное изданіе съ Архивнымъ спискомъ, пришелъ къ заключенію, что разночтеній между ними не возможно объяснить случайно-стію (стр. 27). Онъ предполагаетъ, что сгорѣвшая рукопись имѣла слѣдующіе надстрочные знаки: 1) дугообразную черту и прямую , 2) острия черточки " = и, 3) кавычки , = ъ и ѣ; 4) ударенія ' (только два слова въ Архивномъ встрѣчаются съ ними — ко́шіе и не худѣ); 5) ' = ѣ; 6) точку = ѣ, одну черту ' или двѣ " = ѣ. Кроме того она представляла особенное начертаніе л, ѣ, ж и д

¹⁰⁾ Съ такими же исправленіями печатаетъ текстъ Сл. г. Потебня въ Филолог. Зап. (см. 1877 г. вып. 5 и 6).

Дугообразная черта и горизонтальная прямая первыми издателями, по мнѣнію Вяземскаго, были понимаемы различно. Сначала они считали дугообразный знакъ за выраженіе мягкой полугласной,—ъ, а также и и, а горизонтальный считали за выраженіе твердой—ъ, а также о и ы; вслѣдствіе этого они сначала читали: кличе^т—кличеть, възлѣлѣян—възлѣлѣяни, поскчи—поскачи; наоборотъ: соколов—соколовъ, рѣк—рѣкы, Ксожскими—Косожскими. Такого чтенія держались издатели при съемкѣ Екатерининскаго списка, при печатаніи же текста взглядъ ихъ на эти знаки совершенно измѣнился. Въ это время они дугообразный стали считать за выраженіе твердаго полугласнаго—ъ, а также о и ы, а прямой за выраженіе мягкаго—ъ, а также а и и (стр. 17—18). Поэтому они стали читать: възлелѣян—възлелѣяны, кличет—кличеть, поскчи—поскочи, наоборотъ: соколов—соколовъ, Ксожскими—Касожскими, рѣк—рѣкы.

Въ окончаніи глаголовъ Вяземскій насчиталъ 24 случая, въ которыхъ находится ь и въ печатномъ, и въ Архивномъ, и 22 такихъ, въ которыхъ ѣ тоже въ обоихъ. Далѣе онъ нашелъ 38 случаевъ съ ѣ въ печатномъ и съ ь въ Екатер., и 5 случаевъ съ ь въ печат и съ ѣ въ Екат. Изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ, что въ 46 случаяхъ обѣ полугласныя въ древней рукописи были помѣнены явно и вполне, въ остальныхъ же 38 случаяхъ „не трудно угадать, говоритъ онъ, что въ рукописи находились два знака, замѣняющіе глухія гласныя: одинъ, представляющій прямую черту и другой дугообразный, часто встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ рукописяхъ. До 1797 г. М. Пушкинъ признавалъ въ 36 знакахъ одной и той же формы ь и въ 5 случаяхъ ѣ, а съ 1797—1800 на оборотъ—въ 36—ѣ и въ 5 ь. Два слова—повѣдаютъ и летитъ въ Архив. сп. сохранили написаніе—повѣдаю^т, лети^т (стр.—8—9). Отъ такого же

различнаго пониманія надстрочныхъ знаковъ, по его мнѣ-
нію, произошли варианты и въ окончаніяхъ падежей на ъ
и ь (стр. 15—16) и разница въ употребленіи ы и и въ
обоихъ спискахъ (16 случаевъ было съ прямымъ и 8 съ
дугообразнымъ, 23 сл. съ ы согласно, и 23 случая съ и
въ нашего ы — тоже согласно. Стр. 18—19).

Отрицать совершенно возможность существованія въ
сгорѣвшей рукописи надстрочныхъ знаковъ мы не имѣемъ
основаній: напротивъ есть нѣкоторыя данныя, свидѣтель-
ствующие, что знаки были. Дубенскій въ своемъ изданіи
замѣчаетъ, что, вѣроятно, при 1-мъ изданіи выкинуты
буквы є или ю, ѡ и другіе строчные и надстрочные зна-
ки. Такое замѣчаніе онъ сдѣлалъ не только по догадкѣ, по
аналогіи съ другими рукописями, но и на основаніи чего
нибудь иного. Не будетъ произвольно, если предположимъ,
что онъ слышалъ что нибудь объ этомъ отъ одного изъ из-
дателей—Малиновскаго, съ которымъ онъ имѣлъ случай
говорить о Словѣ.

Существованіе титлъ въ рукописи съ большою вѣро-
ятностію доказывается разночтеніемъ словъ: печ. пѣсь, арх.
пѣсѣ (2 раза), печ. бысь, арх. бы, печ. рече, арх. речь,
печ. рече, арх. рекъ, печ. пѣтворца, арх. пѣсотворца,
печ. пяткъ, арх. пякъ, они, вѣроятно, въ рукописи были
написаны такъ. ре^и, пѣ^с, бы^с. Сокращеніе глагольныхъ
окончаній видно изъ записокъ Малиновскаго, гдѣ печатное
слово рассушясь скопировано тамъ— рассуш^лс¹¹⁾.

Несмотря на это, все таки нельзя согласиться, что-
бы надстрочныхъ знаковъ въ рукописи было такъ много,
какъ полагаетъ Вяземскій, и чтобы разночтенія въ двухъ
копіяхъ произошли только отъ нихъ. Если бы дѣйстви-

¹¹⁾ Въ этихъ запискахъ есть еще нѣсколько выписокъ
изъ Слова, кромѣ обнародованныхъ Барсовымъ (см. Ж. М. Н. Пр.
сент. 1876 г. стр. 21). Жаль, что г. Барсовъ до сихъ поръ не
находитъ нужнымъ ознакомить съ ними интересующихся и даже
не указываетъ, гдѣ эти записки находятся.

Тельно въ рукописи ихъ было такъ много, М. Пушкинъ, навѣрное, не умолчалъ бы объ этомъ важномъ обстоятельстве. Между тѣмъ онъ говорилъ только: „въ рукописи не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія (Зап. и тр. 1824 г. кн. II, стр. 37). Въ этихъ словахъ о надстрочныхъ знакахъ ни слова, значитъ, если они и были, то въ незначительномъ числѣ и не представляли затрудненія при чтеніи. Но будь они въ такомъ количествѣ, какъ предполагаетъ Кн. Вяземскій, они представили бы самое важное и большое препятствіе при прочтеніи рукописи, чѣмъ все другіе упомянутыя у М. Пушкина. Предполагать, что М. Пушкинъ разумѣлъ ихъ, говоря: „не было правописанія“ не позволяютъ другіе пункты его показанія. Кромѣ правописанія причинами трудности чтенія было — отсутствіе строчныхъ знаковъ и раздѣленія словъ и слова неизвѣстныя и вышедшія изъ употребленія. Изъ этого можно съ большою вѣроятностію заключить, что разумѣлъ М. Пушкинъ подъ правописаніемъ. Оно было не похоже на то, какое въ его время существовало въ современномъ языкѣ, или лучше — какое онъ привыкъ видѣть въ церковныхъ книгахъ, какое ему извѣстно было изъ существовавшихъ тогда славянскихъ грамматикъ. Ему могло показаться необыкновеннымъ и отсутствіемъ правописанія — смѣшеніе ц и ч, чередованія ы и и въ однихъ и тѣхъ же формахъ, ѣ и ѣ въ срединѣ словъ, йотированныя буквы послѣ шипящихъ, окончанія на ть въ прошедшихъ простыхъ и т. п.

Сюда можно пожалуй отнести монограмму З — Тр. въ Екат. сп. и даже, можетъ быть, явныя ошибки въ рукописи: выликый и грозный, какъ значится въ Ек. спискѣ.

Кн. Вяземскій въ перечень словъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, въ рукописи не было глухихъ, помѣщаетъ и такія, которыя въ Екат. спискѣ сокращены, чтобы не переносить на другую строку, какъ заявилъ Пекарскій въ

своемъ изданіи (стр. 8) ¹²⁾. Если эти сокращенія принять во вниманіе, то количество разночтеній въ копіяхъ уменьшается на 12. ¹³⁾. Эти же сокращенія словъ въ Ек. сп. ясно показываютъ, что М. Пушкинъ при первой копировкѣ мало дорожилъ буквой. ¹⁴⁾

Да и самъ Вяземскій, хотя и говоритъ, что переписчики и издатели, имѣвшіе дѣло съ Словомъ о п. Иг., обращались съ текстомъ даже съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ (стр. 15), все таки не считаетъ возможнымъ замѣну ь и ѣ при плавныхъ посредствомъ о и е въ Екат. спискѣ подвести подъ различные способы чтенія рукописи. Графъ М. Пушкинъ, говоритъ онъ, при снятіи копіи для императрицы, т. е. до отъѣзда въ Москву, замѣнялъ глухія гласныя ь и ѣ гласными о и е для облегченія чтенія (стр. 14). А такихъ отступленій отъ буквы по счету Вяземскаго 46 Въ этихъ случаяхъ былъ допущенъ произволъ снимателей копіи; такое же свободное отношеніе къ буквѣ замѣчается и при внесеніи въ первую копію слѣду-

¹²⁾ На это заявленіе до Вс. Миллера (Взгл. стр. 158) не обратилъ вниманія ни Вяземскій, ни Тихонравовъ, ни Барсовъ. Этотъ же недосмотръ былъ причиною того, что и у насъ выше на 9 стр., можетъ быть, излишне говорится о предполагаемомъ титулѣ въ 12 словахъ.

¹³⁾ Кромѣ 12 словъ безъ ь и ѣ въ концѣ, въ Екат. встрѣчаются еще предлоги безъ глухого и два раза сокращено слово господине. Все ли это были сокращенія, сдѣланныя переписчикомъ во избѣжаніе переноса въ другую строку, — или что нибудь изъ сокращеній могло принадлежать и рукописи Пекарскій опредѣленно и точно не заявилъ.

¹⁴⁾ Едва ли бы о такомъ спискѣ Карамзинъ сказалъ то, что о печатномъ изданіи: «написалъ со всею точностью.» Что разумѣлъ подъ точностью изданія Карамзинъ, это видно изъ его выписокъ изъ утраченной рукописи, въ которой находилоь Слово. При словѣ «прѣсть» въ скобкахъ поставлено «персть», тѣ силѣ въ скобкахъ—той. Въ этихъ выпискахъ 2 раза встрѣчается слово полъ и 2 плъ; при одномъ изъ послѣднихъ въ скобкахъ полъ; при тисуща въ скобкахъ—тысяща. Здѣсь еще встрѣчаются слова: колца, чядо, братіа, грецкой и гречкую, начя, пакы, шелоуы, шолькова, жемъчюгомъ и же чюгомъ, ркутъ (въ Словѣ—ркуша, подиръся, мркнетъ, въ Арх.—мръкнетъ, утриѣ. въ Арх. утриѣ). Прим. 272 къ III т. Ист. Г. Р.

ющихъ словъ. пѣсньми, печ. — пѣсьми, пѣснѣ 2 р. печ. пѣсь, пѣснотворца, печ. пѣстворца, бы, печ. бысь, Плѣньска, печ. Плѣньска, опуташа, печ. опустоша, той, печ. тѣи, бесъ, печ. бес, возни, печ. возни, прольяете, печ. проліяете.

Рсіи (печ.) и Роси (Арх.) Вяземскій считаетъ варіантомъ, который подтверждаетъ наглядно двойственность чтенія надстрочнаго знака ^{сверху} т. е. прямой черты, — въ одномъ мѣстѣ онъ принять за и, въ другомъ за о (стр. 37). По нашему же мнѣнію, разночтеніе здѣсь произошло совершенно отъ иныхъ причинъ. Въ рукописи было Рсіи по Сули, при снятіи первой копіи М Пушкинъ для большей ясности подновилъ форму и сблизилъ съ той, какая у него въ переводѣ: по Росѣ, по Сулѣ, въ печатномъ же онъ рукописную форму оставилъ безъ измѣненія. Изъ перевода видно, что онъ не подозрѣвалъ во второмъ „ союзъ соединительнаго и не считалъ также возможнымъ окончаніе на і въ дател.номъ надежѣ, потому онъ оба „, ясно написанныя, въ строкѣ, отнесъ къ одному слову

По переводу, приложенному къ Екат. сп. можно судить, что и варіантъ дивъ печ. и дивъ Арх. произошелъ не отъ предполагаемаго прямаго знака вверху. Въ Екат. переводѣ здѣсь стоитъ дивъ, какъ въ печатномъ текстѣ; въ печатномъ же переводѣ это слово замѣнено словомъ филинъ, которое въ Екат. только въ скобкахъ при дивъ. Не смотря на неточность Архивнаго перевода, онъ во многихъ мѣстахъ стоитъ ближе къ подлиннику, чѣмъ печатный, — въ немъ много удержано формъ прошедшихъ простыхъ, особое окончаніе звательнаго надежа, чего въ печатномъ вовсе нѣтъ. Къ сохраненію архаизмовъ рукописи въ немъ, конечно, относится и написаніе — дивъ.

Невниманіе переписчика Екат. списка къ буквѣ рукописи видно также изъ замѣны численныхъ буквенныхъ знаковъ арабскими цифрами: вм. І — въ Екат. — 10, вм. Г — 3, вм. Д — 4., и изъ замѣны полнаго имени господи — не сокращеннымъ — гнѣ.

Находя, что Екат. списокъ имѣть отступленія отъ настоящей рукописи Слова, что онъ скопировалъ не точно, мы этимъ вовсе не имѣемъ въ виду умалять заслуги, какую кн. Вяземскій оказалъ наукѣ своимъ изслѣдованіемъ, касательно характера написанія утерянной рукописи. Онъ осязательно доказалъ бытіе въ рукописи титлѣ, какъ напр. надъ словами *ре*, *пѣ*, *бѣ*. Особенно удачно подобранъ имъ примѣръ изъ Саввиной книги и въ *пѣ* (стр. 17), который наглядно показываетъ, отъ чего произошло разночтеніе въ спискахъ. Также очень правдоподобно объясняются имъ разночтенія относительно окончаній *ого* и *аго* въ прилагательныхъ. Очень можетъ быть, что разночтеніе здѣсь произошло отъ сокращеній въ рукописи, подобныхъ тому, какія приводятся Вяземскимъ изъ другихъ памятниковъ, какъ напр. *мно* (стр. 17). Но, по нашему мнѣнію, здѣсь разночтеніе произошло не отъ различнаго пониманія дугообразнаго знака, а отъ взгляда на то, что издатели предполагали въ сокращеніи. Сначала, видно, они полагали, что здѣсь въ знакѣ скрыто окончаніе *го*, а потомъ, когда они замѣтили въ другихъ случаяхъ преобладающее окончаніе родительнаго и винительнаго на *аго*, стали считать, что здѣсь въ знакѣ скрывается слогъ *а г*, а *о* окончаніе.

Вообще относительно дугообразнаго знака предположенія Вяземскаго довольно правдоподобны и подкрѣпляются ссылками на другіе памятники. Довольно вѣроятно также предположеніе о существованіи знака " для выраженія "и, отчего произошло разночтеніе --тъ арх. и тѣи печат. Можетъ быть, отъ этого же произошелъ варіантъ —дѣвицею печ. и дѣвицею—архив. (стр. 23).

Относительно же прямаго знака предположеніе Вяземскаго не представляетъ большаго вѣроятія и даже у него въ выпискахъ изъ другихъ памятниковъ почти вовсе не подтверждается примѣрами (стр. 16—17).

Остается теперь сказать о разночтеніяхъ касательно Ѣ и е, а и я, з и с.

Касательно перваго — Ѣ и е Вяземскій полагаетъ, что издатели за Ѣ принимали іе, и оттого произошло, что въ 30 случаяхъ вмѣсто Ѣ печатнаго текста въ Архивномъ спискѣ стоитъ е, и въ 4 хъ вмѣсто е печ., въ Архив. Ѣ. (стр. 23, 15—46). Но если они при первой перепискѣ колебались, за что принять іе, то при печатаніи слѣдовало бы ожидать отъ нихъ полной послѣдовательности — они должны бы вездѣ принять іе за Ѣ. Слово у едіе, по правилу, которое Вяземскій устанавливаетъ, что іе писалось послѣ гласной (стр. 24), должно быть въ рукописи съ іотированнымъ и вѣроятно было, но оно въ печат. Архив. и у Малиновскаго съ е, а не Ѣ. Если издатели не знали, какое значеніе придать іе, и читали его то какъ Ѣ, то какъ е, въ такомъ случаѣ за это же нужно обвинить и Карамзина, который въ выдержкахъ изъ той-же рукописи читалъ у те бѢ (272 пр. къ III т.) Очевидно, рукопись представляла смѣшеніе е съ Ѣ.

Существованіе юсовъ Вяземскій предполагаетъ на основаніи разницы въ спискахъ касательно употребленія а и я, у и ю и на основаніи будтобы неправильнаго чтенія — поють вм. поятъ (стр. 25). Что малый юсъ дѣйствительно былъ въ рукописи, это очевидно изъ записокъ Малиновскаго, въ которыхъ написано рассуш^а. Но нельзя съ такою же увѣренностію сказать о существованіи большаго юса. Вяземскій разночтеніе Ек. жемчужину и печ. жемчужну объясняетъ присутствіемъ въ рукописи юса а—ж, при которомъ былъ какой либо надстрочный знакъ, на который не обращено вниманія при снятіи Архив. копій (стр. 49). Онъ также думаетъ, что разночтенія въ спискахъ касательно а и я произошли отъ способа писанія въ рукописи малаго юса, который имѣлъ форму греческой дельты Δ и значенія котораго издатели не понимали ни при первой копировкѣ, гдѣ онъ сочтенъ за а въ 15 слу-

чаяхъ и за я въ двухъ (Полочаномъ и Святъславлича), ни при печатаніи, гдѣ принять въ 15 сл. за—я и въ 2 за а (стр. 19).

По нашему мнѣнію, такое разночтеніе произошло отъ того, что при снятіи Архивнаго списка М. Пушкинъ сбивался какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и въ данномъ на современное ему правописаніе, т. е. послѣ шипящихъ и ц писалъ не іотированную, хотя и заботился о вѣрности копировки. Сбившись въ 15 случаяхъ, онъ все-таки въ 11 удержалъ правописаніе рукописи, такое же, какое и въ печатномъ изданіи. Онъ писалъ: Святъславлича, скачють, Святославличю, мычючи, женчюгъ, полечю, омочю, горячю, плечю, птицю, дѣвицю. При столь частомъ употребленіи іотированной послѣ шипящихъ, писцу легко было сбиться и употребить два раза я вм. а.

Что же касается дельтообразнаго юса, который будто бы былъ въ рукописи, то предположеніе тогда будетъ имѣть значеніе, когда Вяземскій найдетъ его въ рукописяхъ позднѣйшихъ, чѣмъ онъ приводитъ,—въ рукописяхъ современныхъ Слову. Доселѣ извѣстно только, что этотъ знакъ употреблялся въ письменности до 14 в. (Срезн. Пам. юсов. п. стр. 152). А если бы онъ и существовалъ въ рукописи, то ему придано было бы издателями опредѣленное значеніе, именно—или а, или я. Между тѣмъ сколько можно судить по вариантамъ: „въ словѣ веселія печ., и веселія Арх. Полочаномъ печ. и Полочаномъ Арх.“ (стр. 20) издатели колебались, за что принять его. Если признать за издателями такой недостатокъ, т. е. колебаніе, а равно невниманіе ихъ къ значкамъ при ж или з (т. IX 49 стр.), то въ этомъ же нужно обвинять и Карамзина, который въ выпискахъ изъ той же рукописи пишетъ: на-ча, чада, братіа, а равно жемчугъ и жемчюгъ.

Что **З** (зѣло) было въ рукописи, въ этомъ теперь нѣтъ сомнѣнія, когда Барсовъ нашелъ его въ запискахъ Малиновскаго (Ж. М. Н. Пр. Сент. 1876 г. стр. 20),

но что издатели признавали его за з, показываютъ тѣже записки, въ которыхъ есть слово погрузи, переданное чрезъ з и въ печатномъ и въ Архивномъ. Потому разночтенія — печ. изъ Кыева, чрезъ злато, чрезъ море и Арх. изъ, чрезъ и чрезъ, нужно объяснить чѣмъ нибудь другимъ, всего скорѣе произволомъ переписчика Архив. списка, но не колебаніемъ издателей. за что принять начертаніе зѣло, за з или за с, хотя бы начертаніе буквы зѣло въ рукописи и было двойное (Изсл. т. XII).

Перестановки въ текстѣ начались съ Грамматина. Но онъ считалъ нужнымъ только въ двухъ мѣстахъ сдѣлать это, именно 1) „Спаль князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго“ онъ читалъ такъ: спали князю умъ похоти искусити Дону великаго, и жалость ему знаменіе заступи. 2) „Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы, Русской земли безъ Игоря“ Граматинъ читалъ: Рекъ Боянъ и ходы на Коганя, пѣснотворца стараго времени Ярославля, Святославля, Ольгова: тяжко и пр.

Максимовичъ (Ж. М. Н. Пр. 1837) въ первомъ мѣстѣ „спаль и пр.“ слѣдовалъ въ порядкѣ словъ Грамматину, а второе мѣсто „рекъ Боянъ“ все до конца переносилъ въ другое мѣсто; онъ помѣщалъ его вслѣдъ за припѣвкой Бояна Всеславу: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути...

Князь Вяземскій, не дѣлая впрочемъ въ своемъ изданіи перестановки, считаетъ болѣе правильнымъ такое словорасположеніе въ первомъ мѣстѣ: и жалость искусити Дону великаго ему знаменіе заступи (Зам. стр. 93). Такой порядокъ принималъ и Гаттала (Огонов. стр. 36).

Рецензентъ изданія Тихонравова (М. У. Изв. 1868 г.) предлагалъ дать иной порядокъ слѣдующему мѣсту: „Темно бо бѣ въ Г день: два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови.“ Онъ предлагалъ читать такъ: На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла; темно бо бѣ въ З день; два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца: Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузистася и великое буйство подаста Хинови. По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо.

Князь Вяземскій въ этомъ мѣстѣ счелъ нужнымъ переставить только два стиха, именно: и — „въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Ханови.“ Онъ поставилъ ихъ передъ словами: На рѣцѣ на Каялѣ. У него порядокъ словъ въ этомъ мѣстѣ такой: „Темно бо бѣ въ З день. два солнца помѣркаста, оба багряная стѣпа погасоста и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тьмою ся поволокоста и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хинови. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла. По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо.“ Изъ этихъ двухъ перестановокъ, безъ сомнѣнія, перестановка князя Вяземскаго имѣетъ болѣе вѣроятія: она гораздо проще, такъ какъ устраняетъ необходимость прибавки ся къ глаголу — „погрузиста“. Глаголъ погрузиста не имѣетъ послѣ себя прямаго дополненія, а это указываетъ, что онъ средняго залога и долженъ имѣть при себѣ ся. Такое ся здѣсь есть, — оно стоитъ при глаголѣ поволокоста и относится также къ глаголу погрузиста.

Князь Вяземскій кромѣ того дѣлаетъ еще нѣсколько перестановокъ. 1) Въ воззваніи къ князьямъ онъ переставляетъ эпизодъ объ Изяславѣ и обращенія къ Роману и

Мстиславу, къ Ольговичамъ и Мстиславичамъ.

Чтобы нагляднѣе видѣть сдѣланныя имъ въ этомъ мѣстѣ перестановки, приведемъ все мѣсто въ порядкѣ печатнаго изданія, обозначая въ скобкахъ предполагаемыя Вяземскимъ листы и страницы сгорѣвшей рукописи, порядокъ ихъ, въ какомъ они перепечатывались, и порядокъ въ которомъ они, по мнѣнію Вяземскаго, должны бы быть читаемы. Послѣдній порядокъ онъ внесъ въ свое послѣднее изданіе.

Въ изданіи М. Пушкина обращеніе къ Ярославу Галицкому заканчивается словами: Стрѣлай господине Кончака, поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, бугега Святславлича.

За симъ слѣдовали, по мнѣнію Вяземскаго, три листа, которые переплетчикомъ были перемѣшаны и приняли иной порядокъ. чѣмъ слѣдовало, именно:

(1-я страница 2-го листа принята была за 1 ю стран. — 1-го листа)

А ты буй, Романе и Мстиславе! Храбрая мысль носить васъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

(2-я стр. 2-го листа принята была за 2-ю страницу 1-го листа)

Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломи латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тьи мечи харалужныи.

(2-я стран. 3-го листа принята за 1-ю стран. 2-го листа)

Нъ уже княже Игорю утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рєіа по Сули гради подѣлиша; а Игорєва храбраго плѣку не крѣсити. Донѣ ти княже кличетъ и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи

храбрыи князи доспѣли на брань. Инѣгварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци.

(1-я стр. 3-го листа принята за 2-ю 2-го листа).

Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты. Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы буюго Святъславлича.

(1-я стр. 1 листа принята за 1-ю стр. 3-го листа)

Уже бо Сула не течеть сребренными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течеть онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганныхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскіи; притрепа славу дѣду своему Всеславу.

(2-я стр. 1 листа принята за 2-ю стр. 3-го)

а самъ подъ чръленными щиты на кровавъ травѣ притрепанъ Литовскими мечи И схоти ю на кровать и рекъ: дружину твою, княже, птицъ крылы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ты брата Брячеслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла чресъ злато ожереліе. Уныша голоси, пониче веселіе. (По Вяземскому, слѣдующій стихъ „Трубы трубятъ Городеньскіи“ долженъ стоять предъ „Уже бо Сула не течеть“).

Въ приведенномъ здѣсь мѣстѣ воззванія Вяземскій видитъ сбивчивость и объясняетъ ее тѣмъ, что она произошла вслѣдствіе ошибки переплетчика или „вѣроятноѣ, говоритъ онъ, вслѣдствіе ошибки древняго переписчика, принявшаго первый листокъ (начиная съ „уже бо Сула не течеть“ по уныша голоси, пониче веселіе“ по 1 изд.) за послѣдній, — второй (съ „А ты буй Романе и Мстиславе“ по „а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужнии“) за первый; а средній остался на мѣстѣ, начиная съ „Нѣ уже, княже, Игорю утриѣ“ по „буюго Святъславлича.“ Послѣдній листокъ, по мнѣнію Вяземскаго, былъ неправильно свернутъ и, при перепискѣ съ него, вторая страница поста-

влена на мѣсто первой, а первая пришлась на мѣстѣ второй. Мѣсто, начиная со словъ „Не побѣдными жребіи“ по „бугею Святѣславлича“ онъ считаетъ продолженіемъ воззванія къ Роману и Мстиславу и полагаетъ, что переписчикъ эту первую страницу старѣйшей рукописи принялъ за вторую (стр. 264 Изслѣд. о вар.), а вторую съ „Нъ уже, княже, Игорю“ по „не худа гнѣзда шестокрильци“ за первую.¹⁵⁾ Что же касается стиха „Трубы трубятъ Городеньскіи“, Кн. Вяземскій полагаетъ, что онъ находился въ слѣдъ за обращеніемъ къ Ярославу Галицкому, послѣ словъ „бугею Святѣславлича“, а какъ онъ отселѣ попалъ въ самый конецъ эпизода объ Изяславѣ при перепискѣ старѣйшей рукописи, Вяземскій объясняетъ тѣмъ, что обращеніе къ Ярославу оканчивается словами бугею Святѣславлича, такими же словами оканчивается и обращеніе къ Роману и Мстиславу и еще выше къ Рюрику и Давыду, т. е. тоже словами: „бугею Святѣславлича.“

Несмотря на это, мы все таки никакъ не можемъ понять, почему переписчикъ помѣстилъ этотъ стихъ послѣ словъ „пониже веселіе“ и предъ словами: Ярославе и вси внуце Всеслави.... Если этотъ стихъ былъ написанъ на одномъ листѣ съ обращеніемъ къ Ярославу Галицкому, то онъ при новой перепискѣ стоялъ бы послѣ втораго выраженія: бугею Святѣславлича и, при смѣшеніи слѣдующихъ трехъ листовъ предъ начальными словами втораго предполагаемаго Вяземскимъ листа, предъ „А ты буй Романе“; если же онъ написанъ былъ въ началѣ принятаго переписчикомъ третьяго листа, а, по Вяземскому, перваго, то и въ утерянной рукописи, онъ находился бы предъ

¹⁵⁾ Кажется, кн. Вяземскій здѣсь не точно выразилъ свою мысль. По нашему мнѣнію, ему слѣдовало бы сказать: Изъ трехъ листовъ, слѣдующихъ за обращеніемъ къ Ярославу Галицкому, переписчикъ сначала взялъ для переписки второй, за нимъ третій, переписавъ въ немъ сначала вторую страницу, а потомъ первую и наконецъ списавъ первый листъ.

словами: „Уже бо Сула не течеть“ и послѣ втораго выраженія „бугеа Святъславича“. Наконецъ, если бы переписчикъ пропустилъ его сначала, а потомъ вставилъ, то онъ скорѣе вставилъ бы его послѣ одного изъ трехъ выраженій „бугеа Святъславича“. Въ такомъ случаѣ онъ опять очутился бы или предъ словами: уже бо Сула, или даже предъ Галички Осомысле Ярославѣ!

Трудно также предположить, чтобы этотъ стихъ въ старѣйшей рукописи былъ оторванъ (Вяз. Замѣч. стр. 264) и наудачу переписчикомъ вставленъ туда, гдѣ онъ находится по изданію М. Пушкина. Еще труднѣе предположить, чтобы переписчикъ сначала переписалъ первый листъ о Сулѣ и Изяславѣ по слова—пони чє веселіє, приписалъ стихъ: Т р у б ы т р у б я т ь, который въ старѣйшей рукописи былъ въ началѣ втораго листа предъ—А ты буй Романе и Мстиславе,—зачеркнулъ на 2-мъ листѣ списанный стихъ, уничтожилъ старый 1-й листъ, свой списокъ съ него поставилъ ниже двумя листами и потомъ сталъ далѣе продолжать переписку, копируя сначала 2-й листъ, потомъ 3-й и наконецъ 1-й уже имъ самимъ переписанный. Только такимъ невѣроятнымъ предположеніемъ можно объяснять, почему бы этотъ стихъ очутился послѣ —пони чє веселіє и предъ Ярославе и пр ...

На нашъ взглядъ доводы кн. Вяземскаго касательно смѣшенія трехъ листовъ, сдѣланнаго, будтобы, переписчикомъ, кажутся неубѣдительными. Во-первыхъ, нужно предположить, что листы рукописи были слишкомъ малы. И хотя бы они были приблизительно похожи на листы Крадѣвурской рукописи, т. е. въ малую осьмушку, все таки при дороговизнѣ въ тогдашнее время письменнаго матеріала трудно предположить, чтобы Слово было написано такъ разгонисто, что заключало бы на страничкѣ отъ 18 до 36 не многосложныхъ словъ. ¹⁶⁾ Во-вторыхъ, при раз-

¹⁶⁾ Если взять часть столбца, равную осьмушкѣ, изъ Апостола 1307 г., писаннаго довольно крупнымъ письмомъ, положимъ на

дѣленіи текста на листы, какое предлагаетъ Вяземскій, нельзя ничѣмъ объяснить, почему на одной страницѣ было написано иногда вдвое менѣе, чѣмъ на другой. Самое меньшее количество словъ на 1 стр. 2 листа (по дѣленію Вяземскаго) 2 стр. 2 лис. и 1-я 3 подходитъ къ вышеозначенной, а остальные страницы 1 и 2-го и 2 стр. 3 листа представляютъ вдвое болѣе словъ. Въ-третьихъ, самая перестановка, сдѣланная Вяземскимъ, нисколько не устраняетъ запутанности, какая кажется ему въ данномъ мѣстѣ.

Обращеніе къ Роману и Мстиславу въ томъ видѣ, какъ оно въ печатномъ изданіи, намъ кажется законченнымъ. Чтобы оно заканчивалось словами „бугеа Святѣславича“, видно, не было нужды для пѣвца. Онъ не сказалъ этихъ словъ и въ обращеніи къ велик. кн. Всеволоду, а также, значить, не считалъ нужнымъ употреблять и въ обращеніи къ Роману и Мстиславу. Видно, что пѣвецъ избѣгалъ однообразія выраженій въ стоящихъ рядомъ воззваніяхъ и допустилъ въ третій разъ данное выраженіе послѣ другихъ оборотовъ рѣчи.

Прибавляемое Вяземскимъ мѣсто „Не побѣдными жребіи собѣ власти“ къ пѣсни о Романѣ не согласуется съ грамматическимъ строемъ послѣдней пѣсни. Въ воззваніи къ Роману употребляется то единственное число, когда имѣется въ виду одинъ Романъ, то двойственное, когда говорится вмѣстѣ съ нимъ и о Мстиславѣ. „Высоко плаваеши на дѣло въ бугести, суть бо у ваю желѣзніи напорзи.“ Въ прибавляемомъ же мѣстѣ мы читаемъ „Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытите. Кое ваши златыи шеломя? Загородите полю ворота.“ Если бы послѣднее мѣсто относилось къ Роману и Мстиславу, то навѣрное вмѣсто ваши было бы ваю, какъ выше „у

уставное (Калайдовичъ считалъ полууставомъ, стр. 41. Зап. и Тр. 1824), то все-таки на такой страницѣ можно насчитать болѣе 50 словъ (смотр. Срезнев. Прилож. къ Пам. Р. яз.).

ваю“ и еще выше при воззваніи къ Рюрику и Давиду „не ваю ли злачеными шеломи, не ваю ли храбрая дружина;“ пожалуй, также глаголы могли бы имѣть форму двойственного числа. расхытиста, загороди-та (вмѣсто существующихъ. расхытите, загородите), какъ въ обращеніи къ Рюрику и Давиду „вступи та.“

Между тѣмъ выраженія, непосредственно стоящія по Пушкинскому изданію за обращеніемъ къ Роману и Мстиславу и раздѣляемые отъ него указанною выше вставкою, сдѣланною Вяземскимъ, находятся въ близкой грамматической связи съ началомъ воззванія. Въ началѣ воззванія употребляется и единственное, и двойственное число; здѣсь тоже смѣшеніе чиселъ и по тѣмъ же причинамъ: Донъ ти, княже, кличетъ (т. е. Романа) и зоветъ князи (т. е. обоихъ) на побѣду. Таже самая связь и относительно смысла: въ началѣ намеки на широкіе замыслы Романа относительно западной Руси, указаніе на его побѣды преимущественно надъ западными врагами: Литвой, Ятвягами, Деремелой. Въ окончаніи пѣвецъ проситъ его обратить взоры на востокъ: Донъ ти, княже, кличетъ.

Оправдывая свои перестановки, Вяземскій замѣчаетъ, что несправедливо обращать упреки къ тѣмъ князьямъ, кои поспѣли на брань, исполнили свой долгъ, т. е. къ Ольговичамъ Ингварю и Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ (Изсл. о вар. стр. 208 и еще Замѣч. стр. 302). Поэтому онъ, начиная со словъ „Не побѣдными жребіи“ до конца воззванія, относитъ ихъ къ Роману и Мстиславу. Въ такомъ случаѣ выходитъ, что упреки за бездѣйствіе будутъ относиться къ Роману и Мстиславу. На какую брань тѣ или другіе поспѣли или не поспѣли, Вяземскій объ этомъ ничего не говоритъ. Вѣроятно онъ разумѣетъ здѣсь походъ Святослава Кіевского на Половцевъ, предпринятый имъ вслѣдъ за пораженіемъ Игоря. Но объ этомъ походѣ въ лѣтописи мало подробностей. Къ этому походу приглашенъ былъ Святославомъ Давыдъ Смоленскій, который при-

шелъ по Днѣпру и сталъ у Треполя, вмѣстѣ съ иными помочами, Давидъ же приде по Днѣпру (придоша же ины помочи и сташа у Треполя, Ипат. стр. 435). Давидъ со Смольнянами возвратился домой, а Святославъ съ Рюрикомъ и съ иными помочами пошли по Днѣпру противъ Половцевъ, но опоздали, сжидаяще Давида Смольняны; и тако князь Рускиѣ опоздишася и незаѣхаша ихъ (Половцевъ Ип. стр. 436).

Изъ послѣдняго мѣста видно, что иную помочь, кромѣ Давида, представилъ Рюрикъ, но кромѣ его все-таки еще были иныя помочи. Кто же изъ князей составлялъ ихъ?

По нашему мнѣнію, помочи привели тѣже князья, которые участвовали съ Святославомъ въ прежнихъ походахъ противъ Половцевъ. Въ 1183 г. въ походѣ противъ Половцевъ вмѣстѣ съ Святославомъ были: Рюрикъ Ростиславичъ—Мстиславъ и Глѣбъ Святославичи (сыновья великаго князя Кіевскаго), Володиміръ Глѣбовичъ изъ Переяславля (тотъ самый, что и въ 1185 боролся съ Половцами и слалъ за помощью къ Святославу и Рюрику), Всеволодъ Ярославичъ изъ Лучьска съ братомъ Мстиславомъ, Романовичъ Мстиславъ, Изяславъ Давыдовичъ и Городеньскій Мстиславъ, Ярославъ князь Пинскій съ братомъ Глѣбомъ, изъ Галича Ярослава помочь. Во второмъ перечнѣ говорится еще о Мстиславѣ Володиміровичѣ.

Въ 1184—85 г. съ Святославомъ были въ походѣ Рюрикъ, Володиміръ Глѣбовичъ, Мстиславъ Романовичъ и вѣроятно сыновья Святослава и князья, близкіе Рюрику, такъ какъ въ лѣтописи говорится: „Святославъ же Всеволодовичъ и Рюрикъ Ростиславичъ со всѣми своими полкъ, не стаяя поиде противу“ (Половцевъ. Ип. стр. 429.).

Если въ послѣднемъ походѣ, кромѣ Рюрика и Давида, и находились князья изъ рода Олеговичей, бывшіе въ первыхъ двухъ походахъ, какъ напр. Мстиславъ и Глѣбъ

Святославици, сыновья великаго князя, то все-таки ни къ нимъ, ни къ другимъ нельзя отнести словъ „до спѣли на брань“ и считать эти слова за похвалу Ольговичамъ. Лѣтопись прямо говорить, что Святославъ съ своею помощью опоздалъ, и Половцы разграбили волость Владиміра Глѣбовича и окружности Путивля (Ип. 436—437). Кромѣ того изъ рода Ольговичей въ трехъ Святославовыхъ походахъ были только его родные сыновья—Мстиславъ и Глѣбъ, остальные князья, могшіе участвовать съ Святославомъ, были другихъ родовъ: Мономаховичи (Рюрикъ Ростиславовичъ, Всеволодъ Ярославичъ Луцкій и братъ его Мстиславъ нѣмой, Мстиславъ Романовичъ, Изяславъ Давыдовичъ и Мстиславъ Володиміровичъ), Изяславици (Юрьевичи—Ярославъ, князь Пинскій и братъ его Глѣбъ Дубровицкій (по Лавр. Туровскій) и изъ Давыдовичей (Мстиславъ Всеволодковичъ Городенскій?).¹⁷⁾

Но Святославовы сыновья, Мстиславъ и Глѣбъ, не имѣя собственныхъ удѣловъ и не располагая собою помимо воли отца, не могли имѣть особеннаго значенія для

¹⁷⁾ Его считаетъ участникомъ 1-го Святославова похода Погодинъ (Изсл. т. VI), вѣроятно потому, что въ первомъ перечнѣ князей перваго Святославова похода говорится о Мстиславѣ Городенскомъ, и еще потому, что въ лѣтописи подъ 1169, 1170 и 1172 г. говорится о Мстиславѣ, сынѣ Всеволодки Городенскаго и братѣ Бориса и Глѣба Всеволодковичей Городенскихъ. Но, вѣдь, онъ самъ въ лѣтописи не называется Городенскимъ, и послѣ 1172 г. объ немъ нѣтъ извѣстій. Кромѣ этого во второмъ перечнѣ князей 1-го Святославова похода, гдѣ перечисляются младшіе князья, отряженные Святославомъ напередъ, между другими, въ первомъ перечнѣ указанными, является новое лицо Мстиславъ Володиміровичъ. Отсюда рождается вопросъ: почему послѣдній Мстиславъ не попалъ въ первый перечень? не есть ли онъ одно и тоже лицо съ вышеупомянутымъ Мстиславомъ Городенскимъ? Если во второмъ перечнѣ Глѣбъ Юрьевичъ Дубровицкій названъ по отчеству и волости, а въ первомъ онъ же названъ только по имени и братомъ Ярослава Пинскаго, то не тоже ли нужно разумѣть и относительно Мстислава, т. е. въ перечнѣ онъ названъ по волости—Городенскимъ, а во второмъ по отчеству—Володиміровичемъ. Этотъ Мстиславъ Володиміровичъ по смерти Мстислава Всеволодковича могъ по праву во время Святославовыхъ походовъ быть Городенскимъ княземъ, и это тѣмъ болѣе, что Дорогобужъ—первый его удѣлъ и Городно—удѣлы одной Деревской или Волынской земли.

пѣвца, и къ нимъ не могло относиться это обращеніе.

Если же поэтъ въ этомъ мѣстѣ вспоминаетъ о прежнихъ Святославовыхъ походахъ, то тоже нельзя считать Ольговичей поспѣвшими въ нихъ на брань. Въ лѣтописномъ разсказѣ о первомъ Святославовомъ походѣ говорится: а своя братья не идоша, рекуще: „далече ны есть ити внизъ Днѣпра, не можемъ свое земли пусты оставить; но же поидеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ. Святославъ же не любя на свою братью, поиде поспѣшая путь свой и пуцаемъ Божиимъ промысломъ; тѣмъ старѣйшии его сынове не утягоша отъ Черниговской сторонѣ“ (Ип. 426). Только по окончаніи его Игорь Святославичъ съ братією тоже ходилъ на Половцевъ.

Второй Святославовъ походъ тоже былъ безъ участія Ольговичей. Ярославъ Черниговскій не шелъ съ братомъ, молвяшетъ бо тако: азъ есмь послалъ къ нимъ мужа своего Ольстина Олексича, а не могу на свой мужъ поѣхати, тѣмъ отрѣчеся брату своему Святославу. Игорь же сказалъ Святославу мужу: не дай Богъ на поганья ѣзда ся отрещи, поганья есть всимъ намъ обѣчій ворогъ. Но дружина на совѣтѣ сказала ему: „княже, потѣски не можешь перелетѣти,“ чтобы догнать Святослава. „Игореву же башеть не любо, оже ему тако молвятъ дружина;“ хотѣлъ онъ все таки ѣхать, но помѣшала распутица.

Намъ кажется, что выраженіе: „Ольговичи храбри князи dospѣли на брань“ не имѣетъ тѣсной связи съ послѣдующимъ „Ингварь и Всеволодъ,“ въ немъ не высказывается похвала ни Ольговичамъ, ни Мономаховичамъ. Напротивъ, здѣсь скорѣ слышится или укоръ, или чувство жалости къ судьбѣ Ольговичей, которые въ прежнихъ общихъ походахъ не успѣвали на брань, а когда они поспѣли, то другіе имъ не пособляютъ. По нашему, это такое же обращеніе къ главному предмету вниманія автора въ данномъ мѣстѣ, какое было выше къ Русскому войску: „О Русская земле, уже за шеломянемъ

еси!“ Точно также намъ кажется, что дальнѣйшіе упреки за бездѣйствіе нѣтъ надобности относить къ Роману и Мстиславу: они удобоприложимы къ Ингварю и Всеволоду и тремъ Мстиславичамъ, потомкамъ хорошаго рода. Разумѣть ли здѣсь три лица, какъ думаетъ Дубенскій (Ингварь, Всеволодъ и братъ ихъ Мстиславъ, названные Мстиславичами по дядѣ Мстиславу П или по прадѣду Мстиславу, сыну Мономаха), или пять, ¹⁸⁾ какъ Вяземскій, (который тремя Мстиславичами считаетъ двоюродныхъ братьевъ Ингваря и Всеволода т. е. Романа, Всеволода и Святослава, сыновей Мстислава Изяславича, замѣч. стр. 298)... ихъ можно упрекать только за бездѣйствіе, но во всякомъ случаѣ нельзя упрекать за расхищеніе волостей, которыми они владѣли; они не то, что потомки Всеслава, изъ которыхъ одинъ только нашелся достойный сожалѣнія и памяти, потому что онъ обратилъ оружіе свое не противъ братьевъ, а противъ враговъ,—это Изяславъ, сынъ Васильковъ.

Хотя Изяслава Васильковича въ извѣстныхъ лѣтописяхъ не встрѣчается въ числѣ Полоцкихъ князей, но, судя по брату Брячиславу Васильковичу, упоминаемому въ Словѣ и бывшему княземъ въ Изяславлѣ по лѣтописи подъ 1154 г., онъ тоже былъ княземъ Полоцкимъ, дѣйствовавшимъ на Двинѣ. Этотъ рассказъ здѣсь очень умѣстенъ, такъ какъ повѣствуетъ о князѣ изъ рода близкаго къ тѣмъ князьямъ, о которыхъ далѣе говорится. Между тѣмъ поставленный за обращеніемъ

¹⁸⁾ Быть можетъ, первоначально здѣсь было: Ингварь и Всеволодъ и всѣ три Мстислави, т. е. три Мстислава, участвовавшіе въ первомъ Святославовомъ походѣ: 1) Мстиславъ Романовичъ Смоленскій, 2) Мстиславъ Володимировичъ и 3) Мстиславъ Святославовичъ, сынъ великаго князя, или можетъ быть Мстиславъ Всеволодовичъ Городенскій. Мстиславъ Ярославовичъ, по прозванію нѣмой, не могъ здѣсь разумѣться, такъ какъ онъ бывъ уже упомянутъ при Романѣ, какъ подручникъ его, имѣлъ къ нему великую любовь, какъ замѣчено въ лѣт. подъ 1224 г. (см. Погод. Исслѣд. замѣч. т. VI стр. 300).

къ Ярославъ Галицкому онъ будетъ внѣ всякой связи. Слѣдующій за разсказомъ объ Изяславѣ стихъ „Трубы трубятъ Городеньскіи“ также умѣстенъ, какъ указывающій на мѣсто или похоронъ Изяслава, или лучше города, изъ котораго собирався Ярославъ въ какой-то походъ. Что отправленіе въ походъ возвѣщалось тогда трубными звуками, это видно изъ Слова и изъ лѣтописи: Изяславъ пріѣхавъ Кіевъ и тако ударяй трубы, съзва Кияны и поиде ис Кіева полкъ своими противу Володиміру, Ип. 278.

Ярославъ, здѣсь упоминаемый, не Ярославъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава Великаго, какъ думаетъ Дубенскій, и не Ярославъ Черниговскій, какъ думаетъ Вяземскій (Зам. стр. 304). Особенно не основательно послѣднее предположеніе. Оно стоитъ въ противорѣчій съ тѣмъ, что говорится въ Словѣ о Ярославѣ, который называется сильнымъ и богатымъ, имѣющимъ большія войска изъ разныхъ народовъ, которые съ засапожниками кликомъ полки побѣждаютъ, звонячи въ прадѣдную славу, и ни съ лѣтописью, въ которой говорится, что онъ давалъ свою помощь и Святославу и Игорю. Здѣсь же говорится, что Ярославъ и всѣ внуки Всеславовы выскочили изъ дѣдовской славы, потому что своими крамолами начали наводить поганыхъ на Русскую землю, на достояніе Всеславова. Очевидно, все это неприложимо къ Ярославу Всеволодовичу, спокойно тогда сидѣвшему въ Черниговѣ.

Хотя лѣтописи не упоминаютъ ни Ярослава въ Полоцкомъ княжествѣ въ то время, ни даже удѣльнаго города Городна, изъ котораго бы онъ шелъ въ походъ, но по связи рѣчи и извѣстному способу выраженія мы считаемъ Ярослава княземъ Городенскимъ, Полоцкой земли, современникомъ пѣвца. Выше, предъ сборомъ Игоря въ походъ, говорится: трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, естественно и здѣсь они трубятъ предъ походами Ярослава съ братіей. Дубенскій на этомъ же основаніи считалъ возможнымъ от-

носить ихъ къ началу похода и предполагалъ, что Изяславъ могъ быть княземъ Городенскимъ и послѣ своей смерти собирался при трубныхъ звукахъ въ походъ вѣчный (Дуб. II стр. 182).

Не думая, чтобы пѣвецъ употребилъ здѣсь такую хитрую и замысловатую аллегорію, мы Городенскимъ княземъ или выходящимъ изъ Городна въ походъ считаемъ Ярослава, извѣстнаго поэту. Хотя въ это время Городенскимъ княземъ, вѣроятно, былъ Метиславъ (Всеволодовичъ или Володимировичъ?) и Городень былъ удѣломъ въ землѣ Волынской, но могъ быть подобный городъ и въ Полоцкой землѣ: и по лѣтописи XII в. крайнимъ предѣломъ порубежья съ Литвою Полоцкихъ владѣній былъ Городокъ или Городецъ (Ип. г. 1162); но границы могли быть и далѣе на западъ, гдѣ теперь встрѣчаются слѣды древнихъ разселеній, въ названіяхъ: Городинки, Городиловъ, Городечно, Городененто, Городково, Гроди. На сѣверъ отъ Вилии и Двины также замѣчается значительное количество „Городковъ“ (Барсовъ. Оч. р. ист. геогр. 1873 г. стр. 162.)

2) Въ изображеніи погони за Игоремъ Гзы и Кончака стихъ: „А не сорокы втрескоташа“ Вяземскій ставитъ ниже семью стихами и помѣщаетъ предъ стихомъ: мльвить Гзакъ Кончакови... Вяземскій полагаетъ, что вышеупомянутый стихъ, стоя какъ въ печатномъ изданіи, лишенъ смысла, а на новомъ мѣстѣ онъ представляетъ противоположность, какая въ Словѣ встрѣчалась уже выше, (Изсл. стр. 265), т е ще ко ть сла вѣй у с не, го во р ѣ га ли ч ѣ у б у ди и сорокы не трескоташа. Не понимая, что этимъ хотѣлъ сказать Вяземскій, мы думаемъ, что онъ вышеупомянутый стихъ считалъ первою частию отрицательнаго сравненія и полагалъ, что удобнѣе разговоръ Половецкихъ князей сравнить съ трескотаніемъ сорокъ, а не погоню ихъ за Игоремъ. Но, по нашему мнѣнію, сравненіе не совсѣмъ удобоприложимо къ указанному Вяземскимъ мѣсту: мльвить Гзакъ Кончакови. При единственномъ чи-

слѣ второй части сравненія, нужно бы ожидать того же и въ первой, но этого нѣтъ. Поэтому скорѣе уместна и первая часть при „ѣдетъ Гзакъ съ Кончакомъ,“ въ какомъ выраженіи поэтъ представлялъ ихъ говорящими между собою и сравнилъ начало ихъ разговора съ втрескотаніемъ сорокъ.

Разсматривая поправки словъ и пунктуаціи первопечатнаго текста, мы, сколько возможно, старались о полнотѣ обзора, помѣщали въ него даже иногда очень незначительныя измѣненія текста. Это сдѣлано нами для того, чтобы представить весь ходъ изученія и пониманія памятника. Можетъ быть, и незначительныя поправки когда нибудь получатъ свое значеніе; можетъ быть, онѣ наведутъ будущихъ толкователей на новыя, лучшія соображенія для уясненія темныхъ и неудобопонятныхъ мѣстъ Слова.

Стр. 1 (по 1-му изд. М. Пушкина) Не лѣ по ли ны башеть братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича. Начати жетъ ѣ пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню...

Ганка первый сдѣлалъ поправку въ этомъ мѣстѣ; онъ измѣнилъ ны на бы, каковое чтеніе принялъ и Эрбенъ. Но изъ русскихъ издателей и комментаторовъ Слова никто не былъ согласенъ съ такой поправкой, если не считать А. С. Пушкина, который частицу ли здѣсь не считалъ вопросительною, а при башеть предполагалъ „кондиціонную частицу бы“ (Аннен. т 1 стр. 481). По его мнѣнію, пѣвецъ Слова первымъ предположеніемъ хотѣлъ сказать, что онъ не будетъ подражать другому, не будетъ „тащиться по слѣдамъ стараго Бояна.“ Тихонравовъ исправилъ здѣсь пунктуацію, поставивъ вопросительный знакъ послѣ Святславлича. По его мнѣнію, вопросительное предложеііе выражаетъ здѣсь недоумѣніе автора,

прилично ли ему начать печальный рассказ словами старой пѣсни (стр. 25 2 изд.). При такомъ пониманіи этого мѣста нѣтъ надобности также въ прибавленіи къ бѣшетъ частицы бы, такъ какъ imperfectum можетъ замѣнить и дѣйствительно замѣнялъ собою и условное, и сослагательное: далъ ми бѣше Богъ притомити поганыя (Ип. стр. 435 пр. 2.) (см. Потебни Изъ зап. по рус. гр. II стр. 184—185 и Вязем. Замѣч. стр. 2—5), уне мнѣ бѣше родшагося отъ Маріи не пріялъ (Цер. пѣснь).

Стр. 3. Растекашется мыслию по древу, сѣрымъ въ лѣкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакъ. А. Пушкинъ предлагалъ слово мыслию замѣнить словомъ „славіемъ“. (Анн. Мат. т. 1 стр. 481); съ этой замѣной соглашается и Бицынъ (Р. В. 1874 г. № 2 стр. 776.). Н. Полевой сдѣлалъ предположеніе—не птичка ли, не звѣрокъ ли здѣсь разумѣется (М. Т. 1833 г. ч. 5. стр. 438 примѣч.). Это, кажется, и было основаніемъ для Пушкина сдѣлать замѣну. Иные, считая необходимымъ измѣнить здѣсь чтеніе, старались замѣнить это слово другимъ, но напоминающимъ своими звуками напечатанное въ 1 изданіи. Такъ Гербель замѣняетъ словомъ „мысью“, какъ называется векша въ Псковской губ. Барсовъ читалъ это мѣсто одному народному сказителю былинъ, и, когда заставилъ его повторить, тотъ вмѣсто мыслию сказалъ „листвіемъ“. Барсовъ считаетъ такое чтеніе вѣроятнымъ тѣмъ болѣе, что въ извѣстныхъ ему запискахъ Малиновскаго есть замѣтка объ этомъ мѣстѣ, что оно было не ясно написано въ рукописи, окончаніе слова мыслию было стерто. (Сообщилъ Кондаковъ.)

Но какъ бы ни понимать это мѣсто, оно въ существовавшихъ рукописяхъ Слова читалось мыслию, какъ видно изъ Слова о Димитріи Ивановичѣ: не проразимся мыслию, но землями. Огоновскій, не замѣняя ничѣмъ слово мыслию, находитъ возможнымъ, что при этомъ было еще славіемъ: растекашется мыслию славі-

емъ по древу. (стр. 29).

3. Помняшеть бо речъ пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Дубенскій полагалъ, что надобно здѣсь читать: помняшеться рѣчь (1 пр. 15) и относилъ эти слова къ пѣвцу Игоря. Когда же речъ стали считать глаголомъ и при томъ выведеннымъ неправильно изъ-подъ титла, вм. рече, тогда не стало нужды относить помняшеть къ пѣвцу. Но при этомъ Тихонравовъ сдѣлалъ также не нужную поправку усобицы вм. правильного для своего времени—усобицѣ (в. п. множ. ч.).

3. Который дотечаше, та преди пѣсь по яше. Вс. Миллеръ который читаетъ который, принимая это слово за родительный падежъ женскаго рода и относя къ существительному—лебеди. Чтеніе его основательно и подтверждается ссылками на старыя памятники, въ которыхъ глаголы, сложные съ предлогомъ до, управляютъ родительнымъ падежомъ безъ предлога: дошедъ мѣста (Взгл. стр. 182). Прибавимъ къ этому, что въ самомъ Словѣ родит. п. прилаг. женск. рода, кромѣ окончанія на ои, ей, ыя, оканчивается также на ыи, напр. рускыи земли. Г. Потебня не находить возможнымъ считать который р. п. ед. ч. ж. р., потому что при дотечаше не будетъ тогда подлежащаго. (Фил. 3. 1877 г. № 5 и 6 стр. 12). Но, по нашему мнѣнію, такъ понимать необходимо, чтобы дотечаше не осталась безъ дополненія, когда другіе переходящіе глаголы имѣютъ его: помняшеть усобицѣ, пуцашеть десять соколовъ. Подлежащее при немъ тоже, что и при помняшеть, пуцашеть, т. е. Боянъ, соколы котораго—вѣщіе персты летѣли къ струнамъ, не отрываясь отъ него.

Вяземскій вмѣсто то читалъ тому (Зам. стр. 65), но послѣ объясненія Миллера, несомнѣнно, что здѣсь текстъ не испорченъ,

Пѣсь—Грамматинъ первый сталъ печатать—пѣснь, полагая, что это слово издателями рукописи не вѣрно бы-

ло выведено изъ - подъ титла. Предположеніе оказалось правильнымъ послѣ изданія Арх. списка, въ которомъ написано — пѣснь (Пекар. стр. 9).

4. На живая струны. Грам. поправилъ: на живыя. Поправка сдѣлана на основаніи правилъ позднѣйшаго правописанія; въ вѣкъ же написанія рукописи, когда окончанія родовыя колебались и въ самой жизни, могло быть и живая въ женскомъ родѣ мн. ч.

Стр. 5. И же и стягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ. И стягну Дубенскій читалъ раздѣльно—и стягну, тоже чтеніе принимаетъ и Барсовъ. Всев. Миллеръ, принимая послѣднее чтеніе, подробнѣе выясняетъ основанія, придавая значеніе глаголу стягну—связать, укрѣпить, закалить, какъ и въ другихъ памятникахъ. Онъ также и сердца своего считаетъ не дополненіемъ къ поостри, а ставитъ въ зависимость отъ „мужествомъ,“ какъ въ выраженіи: и рвыхъ временъ уособицѣ, родит. опред. стоитъ впереди. (Взгл. стр. 188).

5 Луцежъ бы потяту быти Ганка читалъ: луцежъ ны. Гаттала тоже полагалъ, что здѣсь пропущенъ дат. падежъ; но при введеніи въ текстъ ны и причастіе нужно передѣлать въ—потятымъ. Огоновскій, соглашаясь съ чешскими учеными, касательно необходимости здѣсь вставки, предполагаетъ пропускъ: коіему (т. е. отъ насъ. Огонов. стр. 34). Принимая это выраженіе за древнюю поговорку, вставленную въ рѣчь Игоря безъ перемѣнъ, мы не считаемъ нужнымъ вставлять что нибудь или измѣнять, и тѣмъ болѣе потому, что и въ древнѣйшей рукописи было выражено такъ, какъ въ первомъ изданіи, какъ видно изъ Задонщины: лучши бы есмя сами (XV в.) и лутчи бы намъ потятымъ быти (сп. Унд.). —Г. Потенія предполагаетъ, что бы лишнее, или описка вм. быти, которое помѣщено ниже (Ф. З. 1877 г стр. 17).

Стр. 6. Снала Князю умъ похоти и жа-

лостъ ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Ганка первый сдѣлалъ попытку исправить это мѣсто и спала передѣлалъ въ спяла. Грам. спала измѣнилъ на спали (вспали, запали) князю на умъ похоти (желанія). Тихонравовъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ изданіи читаетъ; спалъ (заснулъ) князю умъ; похоти въ 1 изд. читается раздѣльно, въ значеніи по женѣ, а во 2-мъ слитно. Вельтманъ читалъ: спалъ (сущ.) князю умъ похоти, за нимъ и Мей спала считалъ существительнымъ опала и переводилъ это мѣсто такъ; занялись желанія пламенъ-полыменъ. Почти также читаетъ и Вицынъ, (стр. 778), предполагая въ первомъ словѣ описку, вмѣсто спала-слава князю умъ похоте (плѣнила). Князь Вяземскій спала считаетъ глаголомъ и считаетъ нужнымъ предъ умъ вставить предлогъ на. Его переводъ такой: хотя вспомнилъ о женѣ своей (Зам. стр. 93).

Вс. Миллеръ, не находя основаній, чтобы въ Словѣ гдѣ либо слово умъ употреблялось въ значеніи мысль, не соглашается съ чтеніемъ и толкованіемъ Тихонравова и Вяземскаго и предлагаетъ свое: спала (или впала) князю у умъ похоть. Основанія такого чтенія имъ проводятся слѣдующія: начальное с въ спала, можетъ быть, издателями было принято вм. в, при умъ пропущенъ предлогъ, какъ это часто въ Ип. лѣт. похоти вм. похоть явилось подъ вліяніемъ слѣдующаго и. Потебня предполагаетъ, кромѣ пропуска у предъ умъ, еще пропускъ у=в при спала и читаетъ: у спала князю у умъ похоть; слѣдующее выраженіе и жалость ему знаменіе заступи ставитъ въ скобкахъ, какъ не умѣстно вставленное авторомъ или переписчикомъ (Ф. З. 1877 г стр. 18—19). Касательно вставокъ двухъ у вмѣсто в нужно замѣтить, что такого чередованія в и у въ рукописи нигдѣ не встрѣчается, хотя и была возможность. Изъ этого слѣдуетъ, что древнѣйшая рукопись по отношенію къ у и в едва ли представляла чередованіе ихъ. Иначе оно проявилось бы, какъ это ви-

димъ въ перепискахъ Кіевской лѣтописи. Поэтому, не будетъ ли смѣло дѣлать вставки и притомъ въ рядомъ стоящихъ словахъ. Похоти Потебня считаетъ не опиской вмѣсто похоть, а выраженіемъ правила, — въ переписчикъ XIV ст. произносилъ, какъ и. По нашему мнѣнію, если это и было когда, то ранѣе XIV ст. и въ рукописи Слова могло быть только архаизмомъ.

Стр. 6. Скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славны оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню. Граммат. слово славію поставилъ въ запятыхъ, считая звательнымъ падежомъ. По мыслену древу Карелкинъ читалъ по мысину, полагая, что здѣсь и выше разумѣется мысль — бѣлка, какъ она и теперь называется въ Опочк. уѣздѣ. Бицынъ, читая выше славіемъ вм. мыслію, въ этомъ мѣстѣ мыслену считаетъ позднѣйшею вставкою, когда древнѣйшее славіемъ замѣнилось посредствомъ мыслию (стр. 776).

Летая умомъ Максимовичъ читалъ орломъ (Укр. 1859 пр. 3); тоже чтеніе принялъ и Тихонравовъ, поставивъ окончаніе мѣ подъ титло. Вс. Миллеръ не находитъ поводовъ для измѣнія этого слова и считалъ совершенно неосновательнымъ, чтобы соловей леталъ орломъ (стр. 193). Свивая славны оба полы. Дубенскій предполагалъ описку въ словѣ славны, вмѣсто котораго было или слагою (Граммат. и Пожарск. считали славны творит. падеж. множ. числа) или славны (по соловьиному), а Буславѣвъ предполагаетъ здѣсь зват. пад. славію отъ славій (Хр). В. Миллеръ, принимая такое чтеніе, считаетъ нужнымъ поправить еще и дѣепричастіе, которое, вѣроятно, было подъ титломъ свивая т. е. съ окончаніемъ ся и имѣло значеніе — спускаясь сверху внизъ. взлетая умомъ подъ облака и спускаясь, о соловей, по обѣ стороны сего времени, т. е. прошедшаго и будущаго (стр. 191—193). Потебня предполагаетъ здѣсь пропускъ слога ес и замѣну о посредствомъ а,

а конечнаго а посредствомъ и, какъ озеры, забрамы, и читаетъ свивая словеса (стр. 20). Оба полы Бицынъ читаетъ обаполь, принимая въ значеніи около нашего времени. Хотя это слово и встрѣчается въ современныхъ народныхъ говорахъ и произносится различно, напр. у Орловцевъ оба пола (оба пола нѣтъ воды, т. е. въ близкой окрестности), но нѣтъ нужды измѣнять его, когда въ формѣ оба полы оно часто въ древнихъ памятникахъ: об. полы Днѣпра, рѣкѣ Буга, столбѣ (см. В. Милл. стр. 192)

Рища въ тропу Трояню чресь поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореву, того (Олга) внуку. Тихонравовъ вм. Трояню читаетъ Бояню, въ 1 изданіи во всѣхъ трехъ мѣстахъ, а во 2-мъ только въ 3-мъ (вступилъ дѣвою на землю Трояню оставлено безъ измѣненія). За нимъ также стали читать многіе и даже Эрбенъ. Вельтманъ Трояни поправлялъ на Крояни, полагая, что здѣсь говорится о Черноморской окраинѣ, которою завладѣли Половцы и изъ-за которой русскіе князья вели непрестанныя съ ними войны. Кромѣ того Тихонравовъ и за нимъ Эрбенъ измѣняютъ здѣсь и пунктуацию. Предъ рища они ставятъ точку, а предъ пѣти вмѣсто точки запятую, послѣ же того внуку вмѣсто точки двоеточіе. Такая пунктуация у нихъ основывается на томъ пониманіи этого мѣста, что дѣепричастія скача, летая, свивая относятся къ ушекоталъ, а рища къ пѣти было. Эрбенъ прибавляетъ къ этому, что того внуку значить Боянову внуку, который, по его мнѣнію, авторъ Слова, нѣвецъ Игоря ¹⁹⁾. Поэтому онъ, а также и Тихонравовъ выбрасываютъ вставленное первыми издателями слово Олга. Впрочемъ еще Дубенскій высказалъ сомнѣніе, чтобы здѣсь подразумѣвался Олегъ. По его мнѣнію, того внуку, или внуку—потомку Владиміра, или даже Бояновски: того—

¹⁹⁾ Потебня того относитъ также къ Бояну и считаетъ автора Слова внукомъ Бояна: онъ послѣ Игореву вставляетъ и, и потому у него читается: Игореву и того внуку (стр. 16).

Трояна внуку, т. е. послѣдователю, сореvновителю, сопернику (стр. 26). Касательно же Трояна Дубенскій склонялся ко мнѣнію Полеваго, по которому объясненія Трояна нужно искать на Руси; можетъ быть такъ назывался Владиміръ 1-й (стр. 70). Малашевъ подъ того внукомъ разумѣетъ Игоря, который у него считается внукомъ Бояна: В. Миллеръ, выбросивъ слово О л г а, полагаетъ, что авторъ Слова считалъ здѣсь героя поэмы Игоря внукомъ Трояна (Взгл. на Слово стр. 108). При этомъ онъ оговаривается: „какъ это ни странно, но грамматически другаго смысла не можетъ быть.“ В. Миллеръ не объяснилъ, въ чемъ состоитъ грамматическій смыслъ. Безъ сомнѣнія онъ полагалъ, что мѣстоименіе тотъ должно относиться къ ближайшему существительному. Дѣйствительно, въ Словѣ оно въ такомъ отношеніи находится въ нѣсколькихъ мѣстахъ: которыи дотечаше, та преди, тѣи бо (дружина Ярославъ) бесщитовъ, тѣми тресну земля, тѣй клюками подпрѣся о кони, тому въ Полоцкѣ, тому въщей Боянъ. Но въ Словѣ же мѣстоименіе тотъ употребляется иначе. Оно указываетъ на отдаленный или неопредѣленный предметъ, какъ напр: то было въ тѣ рати и въ ты плъкы—здѣсь тѣ относится къ цѣлому описанію бѣдствій при Олегѣ; или съ тоя же Каялы Святополькъ и пр; здѣсь даже далеко нѣтъ впереди Каялы, какъ и въ началѣ Слова „начати же тѣй пѣсни,“ выше вовсе не говорилось о пѣснѣ. Въ этакое же смыслѣ, намъ кажется, употреблено и тому при внукѣ, т. е. что оно относится къ отдаленному мѣсту, къ заглавію, въ которомъ Игорь названъ внукомъ Олега.

Стр. 6-7 Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому Вицунъ предъ галици прибавляетъ отрицаніе—не, въ соотвѣтствіе съ предыдущимъ не буря. Такую же вставку считаетъ здѣсь нужною и В. Миллеръ (стр. 194). Но она вовсе не нужна. Въ первомъ предложеніи поэтъ упо-

требилъ отрицательное сравненіе не буря занесла соколовъ, отрицаніе здѣсь относится не къ живому предмету, къ соколамъ, а къ бурѣ; во второмъ онъ положительно уподобляетъ Половцевъ, стадами бѣгущихъ къ Дону, галкамъ. Если поставить здѣсь не, то соотвѣтствіе будетъ слишкомъ натянуто, оно будетъ между разнородными предметами, живыми и отвлеченнымъ, при которомъ есть живые предметы — соколы. По нашему мнѣнію, это мѣсто нельзя разбирать по обыкновеннымъ правиламъ стилистики и искать здѣсь полного отрицательнаго сравненія въ родѣ —

Не буйные вѣтры навѣяли,
Не званные гости наѣхали.

Въ Словѣ только одна есть первая часть, выхваченная пѣвцомъ изъ начала какой нибудь пѣсни Бояна, какъ образецъ его рѣчи; второе предложеніе галицы стады бѣжать не имѣетъ съ первымъ тѣсной связи и лишь также представляетъ образецъ изъ пѣсенъ Бояна, но образецъ другого вида стиля, символическаго языка. Г. Потебня галицы исправилъ и читаетъ. галичъ стады бѣжать. По нашему мнѣнію, такое исправленіе тѣмъ болѣе излишне, что Потебня находитъ здѣсь отрицательное сравненіе, запѣвъ въ стихѣ народной пѣсни (стр. 21). Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы ожидать и соотвѣтствія въ размѣрѣ стиховъ, а его при исправленіи нѣтъ:

Не буря соколы занесе
Галичъ стады бѣжать...

Стр. 8. А мои ти Куряни свѣдоми къ мети. Съ Карамзина къ мети принято читать слитно — къмети = слуги, дружина (III т пр. 263.), искусные всадники (Грам. пр. 38), рыцари у Запорожцевъ (В. Мил. стр. 195).

8 Ищучи себе чти, а князю славѣ. Грам. поправилъ въ славѣ, тоже сдѣлали Максимовичъ и Тихоновъ.

8 Нощь стонущи ему грозою птичь убуди. Грам. исправилъ въ птиць, принимая за вин. п. мн. отъ птица и онъ же первый стунущи ему грозою обставилъ запятыми.

Стр. 9. Свистъ звѣринъ въ стазби; дивъ кличетъ.... Максимовичъ читалъ: свистъ звѣринъ въста. Зви дивъ... Измѣняя зби на зви, онъ предполагалъ здѣсь описку, употребленіе переписчикомъ б вм. в, какъ и обратное употребленіе въ другомъ мѣстѣ в вм. б въ словѣ времени (Укр. пр. 9). Вельтманъ поправлялъ это мѣсто подобно Максимовичу такъ. свистъ звѣринъ въста, а бы дивъ кличетъ... За ними и Огоновскій сдѣлалъ поправку въ томъ же родѣ: свистъ звѣринъ въсталъ и дивъ кличетъ В. Миллеръ высказываетъ предположеніе—окончаніе—з би не есть ли искаженіе изъ з ѡ л ѣ—эпитета дива? Другіе, не измѣняя здѣсь пунктуации, считали нужнымъ поправить одно только слово—въ ста з би. Макушевъ читалъ въ стази (стази, мѣстѣ обитаемомъ звѣрами). Гаттала стази считалъ опискою вмѣсто стези и перевелъ на *stezka*, на дорогѣ. Буслаевъ предполагаетъ здѣсь или въ стези (на тропинкѣ) или въ ста д б ѣ (на пастбищѣ), такъ думалъ и Бодянский, производя отъ стадо—въ ста д з б ѣ, по его мнѣнію д выпало для благозвучія (Дуб. стр. 37.). Вяземскій предполагаетъ еще большую описку въ пастьби (стр. 147). Н. Некрасовъ слово въ ста з би читаетъ слитно, принимая его за нарѣчіе, въ значеніи тревожно. Потебня поправляетъ это мѣсто такъ: нощь стонущи ему грозою птичь убуди свистъ; звѣрина въста: узбися (взбися, поднялся) дивъ, кличетъ въ рху древа, велить.... (стр. 27). Принять такое чтеніе нѣсколько затруднительно: во-первыхъ, опредѣленіе будетъ отдѣлено отъ опредѣляемаго свистъ глаголомъ, во-вторыхъ, если бы переписчикъ великоруссъ и не понималъ слова у з б и с я, то никакъ не искажилъ бы его въ з би.

Стр. 9. Влѣзѣ и по морію, и по Сулію. Оленинъ первый сталъ читать слитно—поморію и посулію (Пис. о Тм. К. стр. 25).

— 9. Крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Тихонравовъ поправилъ роспущени, основательно производя отъ распждить—разогнать.

— 9. Уже бо бѣды его пасеть птицъ, подобію влѣци грозу въсрожатъ по яругамъ. Бѣды пасеть птицъ. Граммат. читалъ пасуть, считая бѣды подлежащимъ. В. Миллеръ, принимая птицъ за подлежащее, бѣды считаетъ дополненіемъ при глаголѣ пасеть въ родительномъ падежѣ,, но изъ представленныхъ имъ выписокъ ни одной нѣтъ безъ ся, и потому объясненіе его выходитъ натянутымъ.

Дубенскій по подобію читалъ—по подобію, Максимовичъ—по лозію (Укр. пр. 10). Рецензентъ изданія Тихонравова—по дубію (М. У. Изв. 1868 г. кн. 7 стр. 607), такое же чтеніе принимаютъ Барсовъ и В. Миллеръ. Въ словѣ о Димитріи этому слову соотвѣтствуетъ—подъ облакъ.

Въгрожатъ В. Миллеръ считаетъ опискою вм. въсгрожатъ; въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ тавтологія, очень обычная въ Словѣ (стр. 198).

Потебня читаетъ. уже бо бѣда его пасеть птичи по дубію, влѣци грозу въсрашаютъ (вздымаютъ?) по яругамъ (стр. 29-31). Принимая слово бѣда въ міеологическомъ смыслѣ, какъ и Веселовскій Обида, Потебня считаетъ его подлежащимъ, а въ такомъ случаѣ ему пришлось исправить и птичь въ птичи. Не думается, чтобы переписчикъ надѣлалъ здѣсь столько ошибокъ. Дальнѣйшія подлежащія—взяты изъ міра животныхъ—волци, орли, лисицы, отчего же и здѣсь не быть главнымъ предметомъ слову птичь—птишть (Слов. Микл.), бѣды же будетъ дополненіемъ въ в. мн. при пасеть—настороживаетъ (мн. ч. бѣды вереницами ходять, бѣды какъ ни ржи, ни лебеды. (Вост. Сл.)

Стр. 10 Длѣго. Ночь мрѣнетъ. Съ Пожарскаго стали читать вмѣстѣ (пр. 49).

10 Заря свѣтъ запала.... В. Миллеръ считаетъ удобнымъ поправить въ запяла: заря задержала разсвѣтъ (стр. 199), какъ и дальше зари свѣтъ повѣдаютъ. Потебня поправилъ: зоря свѣтъ заповѣдала. Онъ говоритъ, что заря отличается отъ свѣта, какъ въ мр.. нѣ свѣтъ, нѣ зоря, т. е. не только до полнаго дневнаго свѣта, но и до пробрезга. По нашему, какъ въ мр., такъ и въ вр. нѣ свѣтъ, нѣ зоря—синомическія выраженія, какъ и въ слѣдующихъ народныхъ стихахъ:

На зарѣ, зарѣ утренней,
На разсвѣтѣ свѣту бѣлаго,
На восходѣ красна солнышка.

10 Мѣгла поля покрыла. Щекотъ славій успе, говоръ галичъ убуди... В. Миллеръ предлагаетъ читать—или мѣгла поля покрыла, щекотъ славій успе (мгла усыпила), говоръ галичъ убуди (она же пробудила), или щекотъ славій успе (замолкъ), говоръ галичъ убудися.

10 Рассушась стрѣлами. Пожарскій предложилъ неудачную поправку рассушась—развіясь (пр. 55). Слово рассушась обычно въ Ип. лѣтописи и не нуждается въ поправкѣ, въ запискахъ Малиновскаго написано: рассушѣ.

Стр. 11 Орѣтьмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ и всякими узорочьи половецкими. Г Потебня послѣднее—и всякими узорочьи считаетъ вставкой автора, поставленной переписчикомъ не на мѣстѣ (не послѣ кожухы), или позднѣйшей глоссой. Впрочемъ онъ не настаиваетъ на своемъ мнѣніи и справедливо замѣчаетъ, что словорасположеніе тогда могло быть иное, чѣмъ теперь (34 стр.).

11. Въ орѣтъмами Головинъ предполагалъ описку вмѣсто орѣмячками.

11. Не былонъ обидѣ порождено. Шишковъ видѣлъ здѣсь сокращеніе, вмѣсто небыло оно. Тихонравовъ на основаніи подобнаго выраженія въ Словѣ о Димитріи поправилъ не было въ обидѣ порождено. В. Миллеръ, на основаніи частаго употребленія въ старинныхъ памятникахъ предлога къ, при разныхъ гласныхъ безъ особенной нужды, замѣнилъ и (нѣ) посредствомъ к: не было къ обидѣ. (стр. 200).

Стр. 12 Хотятъ прикрыти ѿ солнца. Потѣбня читаетъ два солнца (стр. 39), какъ и дальше: два солнца померкоста. Такую поправку не считаемъ основательною, потому что здѣсь не говорится о двухъ молодыхъ мѣсяцахъ, какъ дальше, и безъ сомнѣнія всѣ четыре князя здѣсь названы солнцами.

12. Уже не шеломянемъ еси! Шишковъ читалъ не за шеломянемъ; но съ Буткова (Вѣст. Ев. 1821 г. № 21 стр. 48—49) начали „не“ считать опискою вм. за—за шеломянемъ. Вяземскій (Зам. 161 стр.) удерживаетъ чтеніе съ не, принимая шеломянемъ въ отвлеченномъ смыслѣ, въ значеніи не везетъ.

Стр. 13. Рускыя плѣкы отступиша. Ганка читалъ обступиша. Максимовичъ, на основаніи Кіевской лѣтописи, сталъ читать—оступиша. Такое чтеніе самое основательное и принято Тихонравовымъ и В. Миллеромъ.

13. Поскепаны саблями калеными шеломи Оварьскыя отъ тебе яръ туре Всеволоде. Потѣбня предъ шеломи ставитъ и (стр. 40).

13. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота . . Грам. исправлялъ: кыя раны дороги (пр. 42 въ значеніи лат. сагus). Огоновскій считаетъ возможнымъ поправить: кая рана дорога (стр. 58) въ томъ же значеніи. Эрбенъ, принимая дорога въ томъ же значеніи, раны передѣлываетъ въ р а т ѣ. Гаттала, принимая дорога

въ значеніи пути, дороги, раны передѣлывалъ въ ранъ (ган), т. е. считалъ родит. пад. множ. числа—кая ранъ дорога (via). Барсовъ поправляетъ дорога на друга. Кая раны друга, т. е. какихъ еще нужно другихъ ранъ или жертвъ [сообщилъ Кондаковъ]. Но такую поправку мало оправдываютъ обычные въ Словѣ формы прилагательныхъ въ жен. р. мн. числа, которыя, за исключеніемъ живая струны имѣютъ другія окончанія—ья, ни. В. Миллеръ читаетъ. кая раны дорогаго брата, т. е. Игоря и принимаетъ кая за дѣепричастіе отъ каяти. Но тогда къ чему будетъ относиться это придаточное предложеніе, когда впереди нельзя подобрать къ нему главнаго? В. Миллеръ этого не поясняетъ.

Стр. 14. Были вѣчи Трояни. Карамзинъ увѣрялъ, что въ рукописи было сѣчи, такое чтеніе и принялъ Грамматинъ (стр. 42). Максимовичъ исправилъ въ вѣщи, что здѣсь дѣйствительно когда-то и было въ подлинникѣ.

Стр. 15. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ, сынъ Всеволожь, а Владиміръ.... Бутковъ сдѣлалъ здѣсь перестановку словъ: слыша Ярославъ, а сынъ Всеволожь Владиміръ [В. Евр. стр. 47—48], Такое чтеніе принимаетъ и Потембня (стр. 51), разумѣя здѣсь Ярослава 1-го и находя здѣсь вѣру въ связь живыхъ съ умершими. Грамматинъ тоже въ этомъ родѣ читалъ: слыша Ярославъ, а Владиміръ, сынъ Всеволожь (42). Снегиревъ, Максимовичъ и Дубенскій стали читать: Ярославъ сынъ Всеволодь, а Владиміръ. Тоже Огоповскій исправляетъ въ тѣ же (стр. 62).

Стр. 15—16. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену наполому постла, за обиду Ольгову храбра и млада князя. Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣ я отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву.

И на канину... Поправки слова канину начались съ Грамматина, который сталъ читать конину, т. е. конскую (пр. 42). Вельтманъ тоже читалъ конину, но производилъ отъ конецъ, т. е. конечную, смертную (пр. 20). Дубенскій предполагалъ, не были ли здѣсь два слова — ткань ину (1 пр. 248). За нимъ Гаттала тоже полагалъ, что здѣсь могло быть тканину, изъ котораго т выпало. Вяземскій читаетъ: коньнѣ, считая канину произношеніемъ великорусскимъ (стр. 175. Замѣч.); Максимовичъ не считалъ нужнымъ дѣлать здѣсь поправку. По его мнѣнію, канину собственное имя рѣчки или луга, о которомъ говорится въ Лавр. лѣт. подъ 1152 г.: поидоша къ Чернигову и перешедше Сновъ и ста ша у Гуричева близъ города, перешедше Канинѣ... неидоша къ городу. Но такъ какъ битва, въ которой палъ Олегъ, происходила, по лѣтописи, на Нѣжатиной нивѣ, то Максимовичъ полагалъ, что мѣсто битвы въ лѣтописи названо Нѣжатиной нивой, а въ Словѣ Каниной. Но была ли Нѣжатинская битва близъ Чернигова, вопросъ не рѣшенный.

Въ запискахъ Малиновскаго вм. на Канину написано на казатину. Если такъ было въ рукописи, то почему издатели иначе напечатали? В. Миллеръ, вѣря въ точность изданія, предполагаетъ, что въ запискахъ казатину могло появиться потому, что Малиновскій, можетъ быть, хотѣлъ въ канину вычитать Казатину (стр. 206). И это очень вѣроятно, такъ какъ изъ Лавр. списка издателямъ извѣстно было мѣсто битвы Олега съ союзными князьями въ 1078 г. Красинскій предполагалъ еще, что въ рукописи вм. конину могло быть былинну; Огоновскій въ своемъ изданіи исправилъ: на ковылу, поправка сдѣлана имъ на основаніи соотвѣтственнаго мѣста въ Задонщинѣ (стр. 64). Малашевъ измѣнилъ на Каялину зелену паполему.

Съ тоя же Каялы. Головинъ читалъ Канины

—зеленой травы (пр. 88). Максимовичъ тоже читаль съ канины, но принималъ за собственное имя, а не за нарицательное, какъ Головинъ.

Повелѣя... Карамзинъ считаль опискою вм. по сѣчѣя (послѣ сраженія взять, пр. 268 къ Ш т.). Пожарскій читаль. повелѣять, (стр. 62), Огоновскій тоже—повелѣяти. Бутковъ принималъ и то, и другое: и повелѣять, и по сѣчѣя; но слѣдующее слово—отца читаль цтя, тѣстя т. е. тестя Святополкова Тугоркана. Вельтманъ читаль по валѣ (свалка, какъ въ Краледв. рк. *valeno* пр. 21), а Сахаровъ повезѣя (т. 5.). Князь Вяземскій, относя это мѣсто къ битвѣ, 1078 г., въ которой палъ Изяславъ, похороненный сыномъ Ярополкомъ, а не Святополкомъ, находившимся тогда въ Новгородѣ, предполагаетъ, что замѣна Ярополка Святополкомъ сдѣлана вслѣдствіе умствованія переписчика, думавшаго, что здѣсь дѣло идетъ о смерти Тугоркана, тестя Святополкова (Замѣч. стр. 180).

Потебня вм. повелѣя читаетъ полелѣя, т. е. какъ въ зыбѣ качая, понесъ (на коврѣ напр.) между иноходцами, какъ Палѣя на ряднѣ между четырьмя конями (стр. 55).

Междю Угорьскими иноходьцы. Бутковъ думалъ, что въ словѣ междю два слова межъ дву [В. Евр. № 21 стр. 47]. Это предположеніе мало имѣетъ основаній въ языкѣ Слова, въ которомъ двойственное число большею частію соблюдено; здѣсь же угорьскими иноходьцы стоитъ во множ. числѣ. Но это предположеніе наводитъ на другое, именно: не было ли въ окончаніи междю какое либо числительное, но только не два, и не выражено ли было въ рукописи буквой, или двумя? Кажется, что послѣ межъ здѣсь было *ди* оугорьскими, и можетъ быть безъ титла, могло статьса, что *д*—10 издатели слили съ слѣдующимъ *о* и образовали *ю*, а *д*—4 отнесли къ межъ и вышло междю. Между тѣмъ слѣдовало бы читать: межъ

четырьмя на десяте оугорскими иноходцами. Перенесение тѣла убитого князя нѣсколькими лицами на коняхъ въ древности было явленіемъ обыкновеннымъ. Такъ о Ярополкѣ, убитомъ Нерядцемъ, говорится въ Ипат. лѣт. подъ 1087 г.: а Ярополка взяша на конь предъ ся, Радко, і Воикина и инии отроки, несоша к Володимерю, а оттуду Києву ²⁰). Кого же разумѣлъ здѣсь авторъ Слова подъ Святополкомъ и отцемъ его? На этотъ вопросъ давались разные отвѣты. До Буткова толкователи полагали, что здѣсь говорится о Нѣжатиной битвѣ и о смерти Изяслава Кіевского, но Бутковъ предложилъ свою гипотезу. Съ прежнимъ мнѣніемъ онъ не могъ согласиться потому, что Изяславъ палъ не на Каялѣ, провожаемый былъ изъ сыновей своихъ не Святополкомъ, находившимся тогда въ Новгородѣ, а Ярополкомъ и похороненъ не у святой Софіи, а въ церкви святой Богородицы. Гипотеза же Буткова слѣдующая: онъ полагалъ, что здѣсь говорится о битвѣ Святополка Изяславича съ своимъ тестемъ, Половецкимъ княземъ Тугорканомъ, который послѣ битвы привезенъ былъ въ Кіевъ и похороненъ въ 1096 г. Но эта гипотеза основывается только на одномъ, что въ Словѣ говорится о Святополкѣ и здѣсь тоже, все же остальное въ лѣтописномъ повѣствованіи о смерти Тугоркана совершенно не подходитъ къ нашему мѣсту Слова. Въ Кіевск. лѣтописи объ этомъ событіи говорится такъ: придетъ Тугорканъ, тестъ Святопольчъ къ Переяславу, и ста около города. Святополкъ со Владиміромъ пришли на выручку города, перешли Трубежъ и ударили на Половцевъ. Половцы обратились въ бѣгство и были посѣчены, и князь ихъ Тугорканъ убитъ бысть... на утрея же налѣзоша Тугоркана мертва, и взя и Святополкъ (акы)

²⁰) Дубенскій въ своемъ изданіи дѣлаетъ ссылку на Воскрес. рукопись: Подъ годомъ 1537 сказано, что во время пожара владыку Акакія промежъ дву конь едва изъ града умчаша (стр. 189).

цѣстя (тѣста) своего и аки врага и привезше Кіеву и погребоша и на Берестовомъ на могилѣ, межи путемъ грядущимъ на Берестовое, а другимъ идущимъ въ монастырь. Изъ этого разсказа видно, что и эта битва происходила не на Калялѣ, а на Трубержѣ около Переяславля; Тугорканъ хоть и былъ привезенъ въ Кіевъ, но не могъ, какъ язычникъ, быть погребенъ у Святой Софіи или при какомъ либо храмѣ, а только въ полѣ, и именно между дорогами въ Берестовое и въ Печерскій монастырь. Кроме того смерть Тугоркана, какъ врага, никакъ не могла бы вызвать чувства скорби и сожалѣнія, какое сказывается въ повѣствованіи поэта о смерти Бориса Вячеславича и Святополкова отца. Значитъ, предположеніе Буткова не можетъ быть принято, какъ не имѣющее вѣроятности. Скорѣе всего мы согласны думать, что въ разсматриваемомъ мѣстѣ пѣвецъ говорилъ о смерти Изяслава. Уже Дубенскій высказалъ предположеніе, что если и сопровождалъ тѣло Изяслава Ярополкъ, то повелѣяти могло относиться къ Святополку, который изъ Новгорода слѣлалъ распоряженіе (стр. 76). По лѣтописи, тѣло его привезли по Днѣпру въ лодкѣ, а въ городъ ввезли на санихъ; но отъ мѣста битвы до Днѣпра его могли везти на Угорскихъ иноходцахъ. Похороненъ онъ былъ у Св. Богородицы, но отпѣваемъ, какъ великій князь и на погребеніе котораго сошлись все жители Кіева, всего скорѣе былъ у Святой Софіи. Что касается разнорѣчія въ обозначеніи мѣста битвы, то оно правдоподобно примиряется княземъ Вяземскимъ, который высказалъ сомнѣніе въ существованіи определенной рѣки съ названіемъ Калялы, считая это названіе загадочнымъ (Зам. стр. 181). Дѣйствительно, это названіе встрѣчается только въ Словѣ (6 разъ) и Ипатьевской лѣтописи (1 разъ) въ одномъ только разсказѣ о походѣ Игоря. Хотя Бестужевъ-Рюминъ и отрицаетъ возможность заимствованія чего либо пѣвцомъ изъ

лѣтописнаго разсказа и на оборотъ (о Сост. стр. 15), не смотря на это, въ лѣтописномъ разсказѣ чувствуется довольно осязательно вліяніе на него пѣсни и со стороны формы, и со стороны слога. Уже самое начало разсказа показываетъ, что это было отдѣльное сказаніе, и напоминаетъ собою заглавіе Слова. Въ то же время Святославичъ Игорь, внукъ Олговъ, поѣхавъ изъ Новагорода, пойма съ собою брата Всеволода (Въ Лавр. сп. здумаша Олговъ внуцѣ на Половци). Въ самомъ разсказѣ есть выраженія, напоминающія Слово, напр. слова Святослава: о любя моя братья и сыновѣ... [о моя синовчя], къ такимъ же относится и то мѣсто, гдѣ упоминается Каяла. наведе на ня Господь гнѣвъ свой; въ радости мѣсто наведе на ны плачь и во веселье мѣсто желю [ХП. жаль] на рѣцѣ Каялы. Это сказано въ самомъ концѣ повѣствованія о битвѣ. Выше, при разсказѣ о встрѣчѣ съ Половцами, ничего не говорится не только о Каялѣ, но и вообще о какой либо рѣкѣ, напротивъ упоминается только какое-то озеро, вокругъ котораго сражался съ Половцами и палъ Всеволодъ, на котораго Игорь, уже взятый въ плѣнъ, смотрѣлъ. Между тѣмъ о рѣкѣ Скурліи, близъ которой была битва въ пятницу, говорится два раза. Игорь, дождавшись у Оскола брата своего Всеволода, пошелъ съ нимъ къ Сальницѣ, отъ которой ѣхали ночь и половину дня пятницы и доѣхали до рѣки Скурліи, за которой увидѣли Половцевъ. На этой рѣкѣ произошла битва, въ которой Половцы были разбиты. Русскіе гнались за ними и ночью возвратились къ полкомъ съ полномъ. Игорь хотѣлъ ночью ѣхать назадъ, или по крайней мѣрѣ чтобы хоть лучшіе конники перебрались; но другіе князья убѣдили его переночевать тутъ, и облегоша ту Свѣтающіи же суботѣ увидѣли предъ собою Половцевъ и изумились множеству ихъ; соеѣдоша съ коней, хотяхуть бо бѣющеся дойти рѣкы Донця... поидоша бѣючеся, и бились такимъ образомъ всю суботу; на-

ставши же ноши суботней поидоша бьючєся. На разсвѣтѣ въ воскресенье побѣжали Ковуи, Игорь поѣхалъ ободрить ихъ и на возвратномъ пути попалъ въ плѣнъ. Изъ этого повѣствованія видно, что битва началась около Сюрлія; русскіе отступали къ Донцу и слѣдовательно параллельно теченію Сюрлія, если считать его притокомъ Донца, а такъ какъ битва была въ пѣшемъ строю, то, отступая, они не могли далеко отойти отъ Сюрлія. Арцыбышевъ, считая Сюрлій или Суугли притокомъ Донца, предполагаетъ, не Ольховый ли это колодезь ниже Боровой въ 20 верстахъ; Каяла же, по его мнѣнію, Андаръ, впадающій въ Донецъ ниже Ольховаго колодца 30 верстами (В. Евр. 1826 г. Іюль). Мы склоняемся болѣе къ мнѣнію Арцыбышева, касательно мѣстоположенія Каялы, чѣмъ къ мнѣнію Карамзина. По мнѣнію Карамзина, Каяла—это Кагальникъ, который лежитъ въ 350 верстахъ отъ Оскола, а такого разстоянія нельзя было перейти въ два, три дня отъ Оскола. Но и мнѣнія Арцыбышева нельзя раздѣлить вполне. Онъ полагаетъ, что послѣ битвы въ пятницу князья еще подвинулись впередъ, но этого не видно изъ лѣтописи. Въ пятницу они начали битву, стоя на сѣверо-западной сторонѣ Сюрлія, гнались за Половцами и возвратились на ночь къ своимъ полкамъ. Съ утра субботы отодвигались назадъ, видно, по теченію рѣки, такъ какъ они хотѣли отступить къ Донцу. Изъ этого можно заключить, что Каялою названъ здѣсь тотъ же Сюрлій. А названъ онъ такъ потому, что близъ него случилось несчастіе съ Русскимъ войскомъ, что за пораженіе на немъ Нѣмцы и Венедицы, Греки и Морава каяли Игоря [каяться—сокрушаться, окаянный, суф. *а* въ словѣ каяльщикъ--Сл. Вост.]. Въ такомъ же смыслѣ названа у пѣвца и рѣка, на которой убитъ былъ Изяславъ, такъ какъ смерть его причинила большое горе въ Кіевѣ, вызвала сильное сожалѣніе о немъ: и не бѣ лзѣ слышати пѣннѣя въ плачѣ велицѣхъ и воплѣхъ: плакася по немъ весь городъ Кіевъ (Ип. 141).

Огоновскій воспоминаніе о похоронахъ Святополкомъ отца своего считаетъ позднѣйшею глассой. Какой-то переписчикъ, не зная исторіи о похоронахъ Изяслава, захотѣлъ кое что сказать объ этомъ прозаическимъ слогомъ и надѣлалъ ошибокъ. Будучи позднѣйшею глассою, слова объ похоронахъ могли быть сначала ниже послѣ словъ ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Послѣ же, при новой перепискѣ, какъ приписанныя на верху листа, они легко могли очутиться на этомъ мѣстѣ, когда переписчикъ не обратилъ вниманія на выписку. Если перенести эти слова на указанное мѣсто, то послѣдующія (тогда при Ользѣ Гориславличи) будутъ имѣть близкую связь съ предыдущимъ (т. е. съ эпизодомъ о Борисѣ, стр. 64—65).

Какъ ни остроумно соображеніе г. Огоновскаго, но съ нимъ согласиться нельзя. Ни изъ чего не видно, чтобы эти слова имѣли иной смыслъ, нежели предыдущія. Пѣвецъ образно представляетъ похороны Изяслава, воспроизводитъ старую картину, которая, по преданію, можетъ быть, еще рисовалась въ памяти Кіевлянъ; въ этихъ словахъ слышится тоже чувство скорби, что и въ предыдущихъ о смерти Бориса, и наконецъ это событіе умѣстнѣе вспомнить при рассказѣ о крамолахъ Олега, которыя и были причиною смерти Изяслава. Если выбрасывать ихъ, чтобы послѣдующій рассказъ объ Олегѣ былъ въ большей связи съ предыдущимъ, то для этой цѣли придется выбросить и воспоминаніе о Владимірѣ, и рассказъ о Борисѣ.

16. Тогда при Ользѣ Гориславличи Вельманъ читалъ Бориславличи, а А. Майковъ Гориславличи считалъ не предлож. пад. единст. числа, а творительнымъ множественнаго.

Г. Потебня поправляетъ: Тѣгда при Ользѣ Святославличи горе сѣяшеться и ростяшеть усобицами (стр. 41), Онъ полагаетъ, что это мѣсто испорчено давно и въ такомъ видѣ вошло въ Апостоль 1307 г. (стр. 55). Перестанов-

ка произошла изъ увлеченія мысли послѣдующимъ, что бываетъ часто въ потѣшныхъ рѣчахъ—говорить на выворотъ (55 стр). Но для чего же здѣсь допускать утрировку рѣчи, а не обыкновенное тогда слово для названія людей безталанныхъ? Гориславой называлась Рогняда; въ рк. XIII в. Д. Зат., кому Переславль, а мнѣ Гореславль (Хр. О. М. стр. 343). При сѣяшеться и растяшеть, какъ безличныхъ формахъ, нѣтъ надобности въ подлежащемъ.

Стр. 17. съ ты плъкы—Грамматинъ первый поправилъ: въ ты. Такое же чтеніе принялъ Тихонравовъ на основаніи Екат. списка, въ которомъ—въ ты.

— 17 а сице и рати... сицеи слитно стали читать Тимковскій и Калайдовичъ (С. От т. 8 1839 стр. 19—20).

Стр. 18. Что ми звенить давеча рано предъ зорями? Сахаровъ читалъ далеча (Ск. Р. Н. т. 1 стр. 66.); чтеніе далече принялъ и Буслаевъ [Хр. 1870 г.]. Такое чтеніе согласуется съ лѣтописнымъ рассказомъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. Когда на разсвѣтѣ въ воскресенье побѣжали Ковуи, Игорь поѣхалъ возвращать ихъ, у разумѣвъ же яко далече шель есть отъ людий и соимя шеломъ погнаше опять къ полкомъ [Ип.]. Снегиревъ предполагалъ, не было ли здѣсь до веча (пр. 39), а Максимовичъ думалъ, что первоначально было давѣ, а въ давеча передѣлано сѣвернорусскимъ переписчикомъ. Огоновскій считаетъ это слово позднѣйшею вставкою переписчика великоросса. Основаніемъ такого предположенія у него служить подобное мѣсто въ Задонщикѣ, въ которой этого слова нѣтъ [стр. 69.].

18. Ту кроваваго вина не доста. Эрбенъ вставилъ другое отрицаніе—не недоста, чтобы вышло утвержденіе, что вина достаточно. Но въ такомъ случаѣ не недоста будетъ означать, что вина было много, даже съ излишкомъ; между тѣмъ поэтъ далѣе говорить, что русскіе полегоша за землю Русскую. Значить,

упиваться было больше нечѣмъ, пиръ не могъ продолжаться и закончился отъ недостатка питья.

Стр. 19. Уже пустыни силу прикрыла. Грамматинъ и Максимовичъ поправили такъ: пустыни прикрыли; но пустыни могло быть и именительнымъ единственнаго, какъ и другія существительныя съ суффиксомъ *ын* напр. кзнагыни, рабыни, благостыни, милостыни.

— 19. Вѣстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы на синѣмъ морѣ у Дону плещучи, убуди жирня времена. Шишковъ (пр. къ. 72 стр.) находитъ здѣсь опisku, предполагая, что въ рукописи было вступивъ или вступила, и относя это слово къ обидѣ. встала обида, вступила дѣвою. За нимъ Грамматинъ тоже читалъ вступила. Тихонравовъ въ своемъ изданіи конечное *л* поставилъ подъ титло, а *ѣ* считалъ вставкою первыхъ издателей. Но послѣдняго быть не могло, какъ видно изъ перевода при первомъ изданіи. Въ переводѣ это слово выражено—вступивъ и отнесено къ обидѣ: она вступивъ всплескала. Еслибы оно было подъ титломъ, то при такомъ пониманіи издателями текста, они, навѣрное, вывели бы согласную съ гласнымъ *о*, а не *ѣ*.

Поправка Бицына. вступилъ дивъ на землю Тмutorаканскую (стр. 772), послѣ того какъ въ запискахъ Малиновскаго открыто написаніе двою вм. дѣвою, уже не имѣетъ и тѣни правдоподобія. Убуди жирня времена, Потѣбня поправилъ: упуди—обида прогнала счастливыя времена. Доказательства этой поправки намъ кажутся не убѣдительными; во-первыхъ, слово убудити очень часто въ старинной писменности и 4 раза встрѣчается въ Словѣ въ значеніи разбудить, слово—пудити—пѣдити встрѣчается только съ предлогомъ раз=распѣдити; во-вторыхъ обида—несчастіе, постигшее Русь на Дону, слѣдовало не тотчасъ за жирными (счастливыми) временами; а спустя значительное время; оно, по сознанію поэта, было слѣд-

ствіемъ уже давнихъ распрей между князьями: рекост бо братъ брату: се мое и то мое же.... и начаша князи сами на себѣ крамолу ковати, а поганіи съ всѣхъ странъ приходяху съ побѣдами на землю Рускую.

Стр. 19. Усобица княземъ на поганья погыбе. В. Миллеръ предполагаетъ здѣсь искаженіе текста и думаетъ, не читалось ли прежде такъ. усобица княземъ—отъ поганныхъ погыбель. Но онъ считаетъ предлагать такую поправку слишкомъ смѣлымъ дѣломъ (стр. 211). Потребны поправляеть: У усобицахъ княземъ рать на поганья погыбе (Ф. З. 1878 № 1 стр. 65), но онъ также оставляетъ свою поправку безъ всякой мотивировки.

— 19. Сами на себѣ крамолу ковати. Дубенскій поправилъ на себе, какъ и въ Остр. Еванг. винит. пад. съ окончаніемъ на е (1 пр. 322 и словарь). Но поправлять такъ значитъ —сглаживать особенности правописанія извѣстнаго вѣка.

Стр 20. За нимъ кликну Карна и Жля поскочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Эрбенъ первый сталъ читать кара и жля, принимая ихъ за нарицательныя имена; Майковъ тоже принимаетъ за нарицательныя, но читаетъ нѣсколько иначе: карья или кирьба; В. Миллеръ почти такъже понимаетъ ихъ, считая ихъ олицетвореніемъ нравственныхъ понятій, которыя такъ любилъ авторъ Слова (стр. 211). Вяземскій рѣшается отстоять здѣсь собственныя имена и притомъ безъ всякой поправки текста. Онъ читаетъ. прикну Карна и жля, поскочи и полагаетъ, что это одно имя: Карнай — баснословный блюститель Кавказскихъ воротъ (намекъ на Александра Великаго, корнающаго Гога и Магога) и Жля (прич. жалющій, злющій; и то и другое могло образоваться изъ Зулъ карнейинъ Двурогій.., съ двумя трубами, который рисовался на средневѣковыхъ картахъ у горъ Каспійскихъ Зам. стр. 224—226). Желаніе отстоять здѣсь собственныя имена замѣчается и у Огоновскаго; но онъ считаетъ ихъ

порсиченными въ рукописи и передѣлываетъ въ своемъ изданіи на „кликну Кончакъ и Гза поскочи.“ Такую поправку онъ оправдываетъ тѣмъ, что этому мѣсту Слова въ лѣтпис. рассказъ соотвѣтствуетъ повѣствованіе о нападеніи на Русь Кончака и Гзы (стр. 74). Бицынъ, отрицая здѣсь собственныя имена, карна измѣняетъ въ жирно, а второе читаетъ — желя, смагу же считаетъ опискою вм. смолу. (775). Кораблевъ безъ всякой нужды поправилъ въ пламянѣ розѣ на въ пламянѣ росѣ, что, по его мнѣнію, значило бы въ дождѣ съ грозой и вихремъ. Въ Екатерининскомъ спискѣ послѣ смагу стоитъ еще слово — людемъ, чего въ печатномъ изданіи нѣтъ. Но нужно думать, что оно было въ потерянной рукописи, потому что въ обоихъ переводахъ это слово есть (Арх. претя людямъ огнемъ и мечомъ; въ печ.—стали томить людей огнемъ и мечемъ).

Стр. 21. Тіи бо два храбрая Святъ—славлича, Игорьъ и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то баше успиль отецъ ихъ Святъславъ грозный великій Кіевскій. Грозою башеть; притрепеталъ своими сильными плѣкы Грамматинъ сталъ читать—убудиста. Тихонравовъ сдѣлалъ здѣсь больше поправокъ и измѣнилъ пунктуацію: надъ убуди поставилъ титло для обозначенія пропуска окончанія ста, слово лжу передѣлавъ въ Жлу, считая собственнымъ именемъ, какъ и выше—Жля, а которую измѣнилъ на которую, т. е. крамолою, враждою, надъ то поставилъ титло, принимая это за мѣстоименіе муж. р. вин. п., т. е. Жлу; слово притрепеталъ измѣнилъ на притрепалъ. Такимъ образомъ у него вышло такое чтеніе: Игорьъ и Всеволодъ уже Жлу убудистъ которую; тотъ баше успиль отецъ ихъ Святъславъ грозный великій Кіевскій грозою; башеть притрепалъ своими сильными плѣкы. Огоновскій предлагаетъ поправку въ этомъ же родѣ: та бо два храбрая Святъславлича,

Игорь и Всеволодъ уже убудиста котору, юже баше успилъ отецъ ихъ (стр. 77). Малашевъ то измѣняетъ въ бо; но это едва ли могло быть въ подлинникѣ, такъ какъ „бо“ было уже выше, и повторенное здѣсь лишило бы рѣчь благозвучія. Эрбенъ лжу передѣлалъ въ жлю, принявъ за нарицательное имя — жель, ему слѣдуетъ и В. Миллеръ, который вмѣстѣ съ этимъ которую считаетъ мѣстоименіемъ, относящимся къ жлю, а не къ „брамолоу“. Вмѣстѣ съ этимъ В. Миллеръ исправилъ то на ть, относя къ Святославу. По его мнѣнію этимъ мѣстоименіемъ поэтъ хотѣлъ отличить Святослава Кіевского, дядю Игоря, отъ собственнаго своего отца Святослава, прежде бывшаго княземъ Кіевскимъ (Взгл. стр. 214—215). Потебня удерживаетъ чтеніе лжу и поправляетъ это мѣсто такъ: Игорь и Всеволодъ уже лжу (т. е. Половцевъ) убудиста которою: ту баше успилъ оцъ ихъ (Ф. Зап. 1878 № 1 стр. 66).

Стр. 22... каютъ князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каалы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша Ту Игорь князь высѣдѣ.... Предъ словами: Русскаго злата Граматинъ вставилъ „ту“, полагая, что сказанное насыпаша, отдѣленное отъ предыдущаго погрузи запятою, не можетъ быть отнесено къ подлежащему Игорь. На этомъ же основаніи Эрбенъ измѣнилъ насыпаша въ насыпавъ. Потебня жиръ-во сливается въ одно слово и читаетъ погрузи жирово днѣ (Ф. З. 1878 г. № 1). Мы не находимъ страннымъ, что здѣсь предлогъ въ съ мѣст. пад. означаетъ среду, въ которой нѣчто находится. Этой среды требуетъ глаголъ погрузи, а не отношенія основанія къ тому, что на немъ (на днѣ?).

Стр. 22. Уныша бо градомъ забрали. Эрбенъ вмѣсто бо принимаетъ по. Вяземскій тоже соглашается съ такимъ чтеніемъ, хотя и не внесъ въ изданный текстъ (см. Изсл. о вар. 239 стр. и Зам. стр. 255).

Стр. 23. А Святославъ мутенъ сонъ ви-

дѣвъ Кіевѣ на горахъ си ноць съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кровати тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тѣщими тулы поганныхъ тльковинъ великій женчюгъ на лоно, и нѣгують мя, уже дѣски безъ кнѣса змоемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ноць съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю.

Одѣвахъте Грамматинъ измѣнилъ въ одѣваху (46), Глаголевъ въ одѣвахуть (4 стр. 24). Вс. Миллеръ касательно этого слова говоритъ. въ формѣ одѣвахъте можно, пожалуй, видѣть болгаризмъ.²¹⁾ Но все таки онъ болѣе вѣроятнымъ считаетъ читать: или одѣвахъ темя, или одѣвахуть (стр. 216), хотя Буслаевъ и считаетъ форму одѣвахъте возможною для 2 лица множ. числа, но какъ такая форма одиноко стоитъ въ древней нашей письменности, то мы считаемъ ее опискою переписчика вм. одѣвахуть, какъ на прим. въ Ип. сп. лѣт. поймътъ вм. поймутъ (стр 31 2 изд.). Вино съ трудомъ смѣшено Вяземскій, объясняя посредствомъ *μαλον στρουθεον* — чарующаго дѣйствія вина и слова трутъ — ядъ у Памвы Берынды, видимо, готовъ считать съ „трудомъ“ вм. первоначального „сытрудою“; но онъ все таки такой поправки не внесъ въ текстъ (Зам. стр. 265—266).

Тльковинъ. Глаголевъ предлагалъ раздѣлить на два Слова: Тлько винны, а Дубенскій полагалъ, не естли это описка вмѣсто тлумковинъ отъ тлумокъ мѣшокъ (стр. 120). Но поправлять это сло-

²¹⁾ Ооновскій для поясненія выписываетъ у Миклошича древнесербскую форму: казахоте (стр. 81-)

во пытались только до тѣхъ поръ, пока такое же не найдено было въ лѣтописи, пока имѣло силу объясненіе Карамзина, что тлковины въ Волынской лѣтописи значить морскія раковины. Когда же это слово найдено было и въ лѣтописи (имъ названы Тиверцы, я же суть толковины Лавр. л., Радз. сп. стр. 29, и Ипат. стр. 17), то оставивъ попытки исправить его, изслѣдователи старались только уяснить его значенія. Лучшія объясненія принадлежатъ Григоровичу, кн. Вяземскому и А. Веселовскому. Григоровичъ нашелъ это слово въ Азбуквникѣ 17 ст., въ которомъ значитъ: Алексій — пособитель или толковникъ, Александръ — помощникъ людямъ или толковникъ (Зап. Антикв. стр. 21). На Кіевск. Арх. съѣздѣ Григоровичъ производилъ это слово отъ тлак, толок, что значить по-молдавски — помощь. Кн. Вяземскій весьма справедливо противъ этого замѣтилъ, что въ Романскихъ языкахъ нѣтъ такого корня, но въ Славянскихъ и Литовскихъ нарѣчіяхъ онъ лежитъ въ основѣ множества словъ, означающихъ и бродяжничество, и помощь (Замѣч. стр. 266 — 270). А. Веселовскій сближаетъ это слово съ Троянцами-Торками, упоминаемыми у Фредегара (VII ст.) въ *Gesta Francorum* (VIII ст.), у перваго они названы по имени короля *Turchot* или *Turquot* и жили на берегахъ Дуная, по послѣднимъ они нѣкоторое время были на устьяхъ Дона. Византійцамъ Турки извѣстны съ 562 г., въ 576 г. Турскій коганъ Турксантъ осаждалъ Керчь и Херсонъ. Въ Русскихъ лѣтописяхъ Торки или Торцы часто упоминаются со временъ Владиміра и въ походахъ князей нерѣдко составляли ихъ конницу. Въ лѣтописяхъ имъ придается такой же эпитетъ, какъ и въ Словѣ тлковинамъ поганые (1060 г.), проклятые (1125 г.). Веселовскій предполагаетъ, что автору Слова извѣстно была какая нибудь историческая сказка о Троянахъ на Дону, которую приурочили къ своимъ Франкамъ Фредегаръ и *Gesta Francorum*, тогда будетъ понятно, почему земля Тюрковъ-Торхота на Дону явилась у него землей Троянскою (Ж. М.

Н. Пр. 1877 г. авг. стр. 301—302).

Нѣгують мя, Потебня исправилъ въ нѣго-
вахуть мя, кнѣса—въ князя, босуви въ Бусо-
вѣ (мѣст. пад. отъ Бусово) Ф. З. 1878 г. вып. 1.

Босуви врани. Пожарскій сталъ читать Бу-
совы (отъ Бусъ, время Бусово) и многіе другіе; Бутковъ
предлагалъ читать или бѣсовы, или босые—хищные;
Максимовичъ читалъ также Бусовы, но производилъ отъ
Бусой горы подъ Кіевомъ надъ Лыбедью. Вяземскій думаетъ,
что здѣсь было или: бо соуи—суетные, вздорные, или
соуни—сжп—уѡ — vultur, или суви ошибочно вм.
сови—проводники въ адъ (стр. 272—273 Зам.). В. Мил-
леръ предлагаетъ читать бусови, какъ равно и вмѣсто
босымъ волкомъ—бусымъ—сѣродымчатымъ; Бусови врани
поэтому будутъ значить—вороны и соотвѣтствуютъ Гот-
скимъ дѣвамъ въ отвѣтѣ бояръ (стр. 222—223).

У Плѣснѣска. Обыкновенно полагаютъ, что здѣсь
разумѣется укрѣпленный тогда городъ въ Галицкомъ кня-
жествѣ (Дуб. 122 стр. и Огонов. 83).

Бѣша дебрь Кисаню и не сошлю къ синему
морю. Мѣсто самое темное. Грамматинъ поправилъ только
одно слово не сошлю на не сошли (48). Максимовичъ
принялъ такое чтеніе, но подыскалъ къ этому слову—под-
лежащее: Кыяне же сошли (Укр. 29 пр.). Макушевъ
передѣлалъ все это мѣсто такъ: бѣша дебрьски сани
(змѣи) и несоша іа къ синему морю. Майковъ
читалъ по Гальфердингу—несошася. Малашевъ послѣднюю,
поправку нѣсколько видоизмѣняетъ: несоша ю, т. е.
дебрь Кисаню = Половцевъ. Вяземскій бѣша считаетъ
причастіемъ отъ бѣсити—поднимать; бѣша дебрь Кисаню
(Сербск. кисанье—возбужденіе плача) у него значить—по-
дымая долину слезъ (стр. 275). Къ поправкѣ Макушева
считаемъ нужнымъ прибавить, что дѣйствительно здѣсь толь-
ко могло быть несош, а не не сошлю, потому что въ
Словѣ ниразу предлогъ со не встрѣчается въ такой формѣ

при сложеніи, а или въ формѣ съ, или въ видѣ с. Что касается окончанія шлю, то оно у не понимавшаго этого мѣста переписчика не произошло ли изъ двухъ словъ — не-соша шлю. Сліяніе одинаковыхъ или похожихъ слоговъ рядомъ стоящихъ въ одинъ — явленіе очень обыкновенное у переписчиковъ старыхъ рукописей.

Огоновскій предложилъ догадку, не было ли здѣсь сначала вмѣсто — бѣша де брѣ — на болони, идѣже или гдѣже дебри Кисаню.

Кромѣ поправокъ словъ „во снѣ Святослава“ изслѣдователями и толкователями измѣнялась и пунктуация. Тихонравовъ двоеточіе 1-го изданія перенесъ въ другое мѣсто, именно — поставилъ его послѣ си н о ч ѣ. Рецензентъ его (М. У. Изв. 1868 г.) предлагалъ поставить двоеточіе предъ си н о ч ѣ послѣ на г о р а х ѣ. Последнее чтеніе кажется правдоподобнѣе, такъ какъ естественнѣе всего, чтобы видѣвшій сонъ рассказывалъ о немъ, опредѣливши время, когда былъ сонъ. Въ концѣ, начиная съ всю н о ч ѣ онъ выбросилъ всѣ знаки, не нашедши возможнымъ объяснить это мѣсто.

Стр. 24... а самаю опустоша въ путинны желѣзны... Такъ какъ въ Екат. сп. написано — само, то Миллеръ сдѣлалъ въ печатномъ поправку самою. Слово опустоша уже Грамматинъ читалъ опуташа. По открытіи Екат. списка въ немъ тоже оказалось опуташа. Последнее чтеніе принято Тихонравовымъ, Вяземскимъ, Миллеромъ и др. Но едва ли въ рукописи было такъ, какъ въ Ек. сп. Въ Екат. переводѣ это передано такъ: а сами заключены въ желѣзныя оковы, между тѣмъ въ печатномъ. и сами они попались въ опутинны желѣзныя. Изъ этихъ разночтеній видно, что заключены соответствовало опуташа, какъ читано было издателями сначала, а „попасть“ уже могло тогда явиться, когда они ясно убѣдились, что это слово написано съ надстрочнымъ с и съ о в м. а (колебаніе касательно различія о

и а указано и объяснено выше). Кромѣ того нѣтъ надобности здѣсь мѣнять слово опустоша, когда оно лучше выражаетъ тяжелую неволю Игоря, чѣмъ опуташа. Опуташа въ Словѣ встрѣчается въ другомъ мѣстѣ, но съ инымъ управленіемъ, именно—съ твор. пад. опутае вѣ красною дѣвицею (2 р.). Еще Дубенскій удачно подыскалъ синонимическое выраженіе въ Догов. Мстислава Смол. 1229 г.. всадити въ дыбу (колодку), въ желѣза (стр. 126).

25 стр Темно бо бѣ въ тѣ день, два солнца помѣркаста. Г. Потебня вм. тѣ—третій читаетъ: тѣ—тѣть день—т. е. день затмѣнія солнца 1-го мая, о которомъ говорится въ лѣтописи. Но едва ли здѣсь намекъ на солнечное затмѣніе, умѣстиѣе былъ бы такой намекъ во Снѣ Святослава, а не въ толкованіи его боярами и притомъ же въ поясненіи самаго толкованія, въ подробномъ разсказѣ о плѣненіи князей. Также едва ли и самый сонъ есть общее мѣсто, не прилаженное тщательно къ событію, какъ думаетъ Потебня. Определенно указано время плѣненія князей и нѣсколько выше: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы.

Стр. 25... оба багряная стѣльна погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святѣславъ тѣмоу ся поволокоста. Грамматинъ поправилъ --съ нима, такое же чтеніе принялъ и Вс. Миллеръ.

Грамматинъ вмѣсто Олегъ поставилъ Владиміръ на томъ основаніи, что по лѣтописи съ Игоремъ былъ сынъ его Владиміръ, женившійся въ плѣну на Кончаковнѣ. Дубенскій на такую поправку возразилъ, что по Воскресенской лѣтописи Игорь отправился въ походъ съ двумя сыновьями—Олегомъ и Владиміромъ, и только послѣдній возвратился изъ плѣна. Олегу тогда было около десяти лѣтъ, но по тогдашнимъ понятіямъ въ походахъ участвовали и пятилѣтніе. Но вмѣстѣ съ этимъ Дубенскій замѣчаетъ, что здѣсь могла быть и описка, Олегъ явилось вм. Ольстина Олексича (Дуб. 127--128).

Что Олегъ могъ быть въ походѣ, это видно уже изъ того, что уже два года ранѣе отецъ давалъ ему воинскія порученія, такъ подъ 1183 г. въ Ип. лѣтъ говорится: Игорь же возвори Киевскіи полки и пристави къ нимъ Олга и сыновца своего Святослава, абы како довести полкъ цѣль, самъ ѣха поима со собою брата своего Всеволода... Два года спустя онъ могъ ѣхать и въ дальнѣйшій походъ. Какъ въ лѣтописи, такъ и въ Словѣ Олегъ упоминается наряду съ Святославомъ, племянникомъ Игоря: въ лѣтописи потому, что имъ дано было одинаковое порученіе; въ Словѣ, вѣроятно, потому что послѣ похода постигла ихъ одинаковая судьба. Хотя въ лѣтописи и говорится, что Святослава взялъ въ плѣнъ Ельдечукъ, но больше имя Святослава уже не встрѣчается. Не безъ основанія можно думать, что онъ погибъ въ плѣну. Между тѣмъ плѣненный Владиміръ чрезъ два года возвратился въ отечество. Объ Олегѣ тоже послѣ похода больше не упоминается въ лѣтописи. Хотя Татищевъ и Строевъ и называютъ Курскаго Олега, упоминаемаго въ лѣтописяхъ подъ 1224—1226 г., Игоревичемъ, но Погодинъ не рѣшается признать его сыномъ Игоря Святославича. Этому мѣшаетъ безучастіе его въ дѣлахъ Галицкихъ съ братьями (Изм. VI стр. 198). Если въ силу вышесказаннаго нѣтъ основаній мнѣнью здѣсь Олега на Владиміра, то еще меньше данныхъ, чтобы въ Словѣ вмѣсто Олега разумѣлся Ольстинъ Олексичъ. Ольстинъ Олексичъ былъ только предводителемъ Черниговскихъ полковъ и едва ли въ этомъ званіи былъ молодымъ, и потому, какъ Ярославовъ мужъ (Ип. 429), онъ не могъ быть поставленъ пѣвцомъ наряду съ князьями и уподобляться молодому мѣсяцу. Значитъ, здѣсь долженъ быть разумѣемъ князь и притомъ молодой, какимъ былъ Святославъ Ольговичъ, родившійся 1166 или 1167, или Олегъ Игоревичъ, род. 1174—1175, (Владиміръ Игоревичъ род. 1170—1173 г.).

Заканчивая пересмотръ исправленія первопечатнаго текста, мы имѣемъ въ виду еще указать на слѣдующіе пункты.

Стр. 25. По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо. Максимовичъ пардуже поправиль на пардусне, считая это прилагательнымъ отъ пардусъ, но такое словообразованіе ничѣмъ не оправдывается, лучше и вѣрнѣе было бы поправить на пардусе.

Стр. 25. И въ морѣ погрузиста и великое буйство подасть Хиновѣ. Уже снесся хула на хвалу. Тихонравовъ въ словѣ подасть *б* отбросилъ, а *т* поставилъ подѣ титло. Такъ, думаетъ онъ, было въ рукописи, но издатели не вѣрно вывели это слово изъ подѣ титла, поставили *б* вм. *а* (прим. къ 7 стр.). Переводы первыхъ издателей показываютъ, что они не обратили вниманія на форму двойственного числа погрузиста и отнесли его къ Половцамъ, къ нимъ же они отнесли и подасть. Половцы разсыпались, погрузили и придали. Вмѣсто снесся Потебня въ своемъ изданіи печатаетъ узнесся.

25 — 26 Поютъ время Бусово, лелѣють мѣсть Шароканю. Эрбенъ читалъ здѣсь Бѣсово, разумѣя Половцевъ, какъ и выше они названы дѣтьми бѣсовыми (*Dvě spevu* стр. 32); вмѣстѣ съ этимъ и Шароканъ принимаетъ не за имя лица, лѣтописныхъ Шарокановъ, а за нарицательное имя, означающее въ Славянскихъ и Мадьярскихъ сказкахъ дракона змѣю — *sa n*. Но мы скорѣе согласны, что здѣсь въ обоихъ словахъ намекъ на болѣе отдаленныя событія, чѣмъ полагалъ Эрбенъ (онъ думалъ, что здѣсь Готскія дѣвы воспѣвають отместіе лишь за Святославовы походы).

Не раздѣляя мнѣнія о испорченности этого мѣста, мы согласно съ Малашевымъ считаемъ Буса и Шарокана половецкими ханами. Малашевъ изъ описанія кургановъ Пасека дѣлаетъ слѣдующую выписку въ „Волчанскомъ уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ лѣваго берега Донца на востокъ отъ селенія стараго Салтова, есть урочище Бусовъ яръ.“ Это урочище указываетъ на мѣсто кочеванія Буса (стр. 117). О Шаруканахъ (не личное имя, а родовое) говорится и въ поученіи Мономаха, и въ лѣтописи подъ 1107 г., а о городѣ Шаруканѣ у Дона подъ 1111 и 1116 г. Согласно съ правописаніемъ этихъ памятниковъ Всев. Миллеръ думаетъ, что и въ Словѣ сначала было Шаруканю (223). Поправка Бицына—Тугорканю вм. Шароканю не имѣетъ основаній.

26 стр. Святославъ изрони злато слово слезами смѣшено. В. Миллеръ находитъ здѣсь пропускъ предлога сѣ слезами (стр. 226.)

Стр. 26. Нѣ нечестно одолѣете: нечестно бо кровь поганую проліясте... се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ!

Грамматинъ всѣ три глагола обратилъ въ двойственное число: одолѣста, проліяста, створиста. Поправка вѣрная, но относительно болѣе ранняго времени, чѣмъ время написанія рукописи, въ которое двойственное число уже не было живымъ явленіемъ.

Стр. 26. А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего. Максимовичъ читалъ раздѣльно много вой (1837 г. стр. 28.); но это одно слово, эпитетъ Ярослава, какъ доказалъ Соловьевъ (т. III пр. 226). Потебня вм. не вижду читаетъ. не съ жь дали есте (т. е. Игорь и Всеволодъ). Но такое чтеніе онъ самъ считаетъ палеографически не мотивованнымъ и шаткимъ. Прибавимъ къ тому еще, что Игорю отъ Ярослава нечего было больше ждать помощи,

послѣ того какъ она дана была ему вмѣстѣ съ Ольстиномъ Олексичемъ.

Стр. 27. Нъ рекосте мужа имѣся сами, преднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. Слово мужаимѣся подвергалось многочисленнымъ поправкамъ: Шишковъ первый соединилъ въ одно слово, но при этомъ сдѣлалъ измѣненіи буквъ — мужайтеса (2 изд. 90), Калайдовичъ писалъ — мужаймеса (Оп. р. в. стр. 27). Грамматинъ поправилъ: мужаимся, Максимовичъ читалъ — мужаимѣся. Тихонравовъ, полагая, что издатели не различали рукописныхъ ѣ и ѣ поправилъ въ мужаимся (стр. 8), Эрбенъ въ мужаймся. Кн. Вяземскій тоже думаетъ, что здѣсь сначала было 1-е лицо множ. числа мужаимыся, но издатели, будтобы, приняли не обычное ы за ѣ (Исл. стр. 51). Полагая, что здѣсь въ рукописи ХП в. была правильная форма двойственного числа: нъ рекоста мужаивѣся сама, мы думаемъ, что переписчикъ позднѣйшаго вѣка, колеблясь между книжной формой и живой рѣчью (мужаимся см. Вяз. Ислѣд. стр. 51—52—ссылки на полууст. XV в. Рум. Муз. и на Лавр. сп.) смѣшалъ старую форму съ новой и потому вмѣсто: мужаивѣся, похытивѣ и подѣливѣ, у переписчика XIV или XV в. вышло мужаимѣся, похитимъ, подѣлимъ.

А заднюю ся сами подѣлимъ. Тихонравовъ, не находя возможнымъ, чтобы подѣлиться согласовалось съ винит. пад., ся измѣнилъ на си, Огоновскій же измѣнилъ заднюю на заднею. (стр. 90) Въ сторѣвшей рукописи было несомнѣнно и ся и заднюю, въ древнѣйшихъ скорѣе было ся какъ и въ начати же ся; ту ся копіемъ приломати, ту ся саблямъ потручати; а чи диво ся братіе стару помолодити!

Стр. 27. Нъ се зло Княже ми непособіе. Первые издатели перевели: мнѣ князья не въ пособіе. Изъ этого видно, что они — княже — приняли за прилагательное.

Но Бутковъ вмѣсто ми сталъ читать ти (В. Евр. пр. 151). При такой поправкѣ, конечно, княже нужно принять за звательный падежъ, обращенный къ Игорю, хотя Бутковъ этого и не объяснилъ. За то Эрбенъ слово княже, преимущественно предъ прилагательнымъ, считаетъ звательнымъ падежомъ, обращеннымъ къ князьямъ (стр. 33). Грамматинъ княже измѣнилъ въ князи. Слѣдующіе издатели и толкователи оставили печатный текстъ безъ измѣненій, исключая только пунктуаціи; такъ Максимовичъ послѣ зло поставилъ двоеточіе, Тихонравовъ послѣ княже поставилъ тире, но послѣ зло не ставить ничего, между тѣмъ скорѣе и здѣсь слѣдовало бы поставить тире для выраженія связи подлежащаго придаточнаго предложенія — княже ми не пособіе съ главнымъ — нъ се зло.

Стр. 27. Се Уримъ кричатъ подъ саблями Половецкими. Первые издатели приняли Уримъ за собственное имя, за имя воеводы Игоря. Карамзинъ первый отдѣлилъ предлогъ у. Тихонравовъ конечное ѣ поставилъ подъ титло, но предлогъ напечаталъ слитно и притомъ прописной буквой. Эрбенъ сдѣлалъ поправку въ концѣ у Римѣ, ему же послѣдоваль въ чтеніи и В. Миллеръ, полагающій, что тутъ у вмѣсто въ, какъ это часто въ Ип. лѣт. (стр. 227). Такъ читаетъ и Огоновскій. Но есть ли надобность мѣнять ѣ на ѣ? Въ настоящее время въ упоминаемой Словомъ мѣстности есть городъ Ромны или Роменъ въ Полт. губ. на рѣкахъ Сулѣ и Ромнѣ, есть еще и селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго (Сол П пр. 457).

Въ Лавр. лѣт. городъ названъ Римовъ, а въ Ипат. Римовъ; въ послѣдней упоминается также около города и болото Римское. Какъ Роменъ и Ромны произошли отъ Рома, такъ и Римовъ или Римовъ могли произойти только изъ Римы. Намъ кажется, что мѣстность, гдѣ былъ Римовъ, теперешняя Ромны, рѣка Ромна и болото Римское въ древности назывались или Рома или Римы. И такъ

какъ отъ разоренія Половецкаго пострадали не только городъ, но всѣ окрестности, то пѣвецъ имѣлъ въ виду обозначить бѣдствіе окрестностей Римова и потому употребилъ общее названіе всей мѣстности.

Стр. 28. Великій княже Всеволоде, не мыслію ти прелетѣти изъ далеча, отня злата стола поблюсти? Тихонравовъ высказываетъ предположеніе, не было ли вмѣсто не мыслію ти — не мыслиши? (прим. къ 8 стр.). В. Миллеръ считаетъ возможнымъ прибавить послѣ мыслію вопросительную частицу ли, которая при перепискѣ могла выпасть подѣ влияніемъ ли въ предшествующемъ словѣ, и переводить это мѣсто: не перелетѣтъ ли тебѣ съ быстротою мысли? (стр. 128 и 129). Потебня поправилъ: не мысль ли у ти (нѣтъ ли уже у тебя мысли? стр. 108).

Стр. 29. Не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Грамматинъ поправилъ: не ваши ли злаченны шеломы (стр. 50). Но ваю совершенно нѣтъ надобности поправлять, такъ какъ это родит. над. двойст. ч. стоитъ совершенно на мѣстѣ. Злачеными исправлено Буславевымъ въ злаченіи (Хр. 1870 г.) и Малашевымъ въ злаченни. Въ рукописи, по ошибкѣ переписчика, могло быть и злачѣнеными, потому, вѣроятно, Тихонравовъ и не сдѣлалъ здѣсь поправки. Вступита господина въ злата стремянь. Тихонравовъ окончаніе поставилъ подѣ титу, В. Миллеръ поправилъ въ стремени (172), а Огоновскій въ стремя (95).

Стр. 30. Затвори въ Дунаю ворота. Грамматинъ затвори и въ слилъ въ затворивъ и такое чтеніе принято всѣми. Но является вопросъ, почему издатели раздѣлили слово? Они въ не считали предлогомъ и не относили къ Дунаю, какъ видно изъ перевода: ты подперъ горы Венгерскія, ты загородилъ (заступивъ) путь королю, ты затворилъ Дунаю ворота.

Стр. 30. Меча времени чрезъ облаки. Ганка исправилъ въ бремены, а за нимъ и многіе другіе; но можетъ быть здѣсь и не описка, а звуковая замѣна, что часто встрѣчается въ Слав. рукописяхъ (Вяз. Зам. стр. 292).

Стр. 30. Стрѣлай господине Кончака, поганого Кощея. Грамматинъ на мѣсто кощея почему-то поставилъ Гзака (52).

Стр. 31. А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носить васъ умъ на дѣло. Ганка читалъ вашъ умъ, а Эрбенъ—ваю. В. Миллеръ считаетъ возможнымъ, что здѣсь пропущенъ предлогъ в предъ васъ, и полагаетъ, что авторъ Слова не совсѣмъ точно употребилъ множ. число вмѣсто двойств., какъ это встрѣчается сплошь и рядомъ въ памятникахъ уже XII вѣка (стр. 229).

Стр. 31—32. Суть бо у ваю желѣзныи напорзи подъ шеломи латинскими. Тѣми тресну земля и многи страны Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулици своя повргоща. Буслаевъ слово напорзи измѣнилъ въ паперси (Хр. 1870 г), Потебня въ прапорьци желѣзные полки (стр. 112). Граматикъ вмѣсто Хинова читалъ Хинови. Тихонравовъ измѣнилъ пунктуацию, вмѣсто точки послѣ Хинова поставилъ запятую.

Стр. 32. А древо не бологомъ листвіе срони: по Рсиі, по Сули гради подѣлиша. Не бологомъ.... Снегиревъ думалъ, что бологомъ стоитъ вмѣсто по болотомъ (82 пр.).

По Рсиі, по Сули.... Грамматинъ напечаталъ по Рси, по Сули. Въ Екат. сп. написано: по Роси, по Сули. Тихонравовъ Рсиі раздѣлилъ: по Рси и по Сули. Эрбенъ тоже раздѣлилъ, но вставилъ ѣ послѣ р. (по Рѣси и по Сули), вѣроятно для того, чтобы этимъ выразить о Екат. списка. Последнее чтеніе принялъ и Огоновскій.

Стр. 33. Не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Принимая за вопросительное предложеніе, Граматинъ вставилъ еще ли: не побѣдными ли. Но здѣсь нѣтъ вопросительнаго предложенія и потому Тихонравовъ вмѣсто вопросительнаго знака поставилъ точку

Стр. 34. И схотию на кровать и рекъ: Поправки начались съ Грамматина, который напечаталъ: и схотию на кровать (54). Снегиревъ предлагалъ поправку: и скочи на кровать (пр. 87). Дубенскій полагалъ, что здѣсь или схотию (отъ схотѣти—вожделѣти), или схвати т. е. схвати (мнѣніе Бодянского), или схопи (179). Последнее чтеніе принялъ и Максимовичъ (Укр.). На Киевскомъ Арх. съѣздѣ предлагалось при чтеніяхъ этого мѣста соединять ю съ на—юна, или раздѣлить кровать—крови тѣи (сообщилъ Кондаковъ). Но последнее слово едва ли нужно подвергать раздѣленію, скорѣе нужно слить съ нимъ послѣдующее и, чтобы вышло на кровати, какъ это и встрѣчается въ другомъ мѣстѣ. Потебня находитъ, что предъ и схотию что-то пропущено (стр. 116).

34. Не бысъ ту Граматинъ поправилъ: не бысть. Въ Екат. списокѣ написано не бы. Тихонравовъ въ своемъ изданіи удержалъ послѣднюю форму, поставивъ надъ ней титло съ надстрочнымъ с.

Стр. 34—35 Ярославе и вси внуце Всеслави уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи верезени, уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Съ Грамматина почти все издатели стали печатать: внуци, понизите, вонзите, славь, не смотря даже на то, что въ этихъ словахъ и Екат. списокъ не представляетъ разночтеній. Значить, въ рукописи буквы были ясно написаны. Максимовичъ, впрочемъ, отстаивалъ ъ въ понизить и вонзить, какъ особенность малорусскаго нарѣчія, а Тихонравовъ вмѣсто ъ поставилъ титло; но могло здѣсь и не быть титла, а именно ъ вм. е, какъ напр. въ

грам. Смол. кн. съ Ригю и Г. б. послъ вм. послѣ (См. Бусл. Хр.).

Стр. 35. Вы бо своими крамолами на-
чясте наводити поганья на землю Рус-
кую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣ-
ша насиліе отъ земли Половецкыи! На
седьмомъ вѣцѣ Трояни врѣже Всеславъ
жеребій о дѣвицю себѣ любу Грамматинъ, по-
правляя текеть, коснулся только правописанія: бѣше и По-
ловечьскыи (54). Снегиревъ которое измѣнилъ на ко-
торую (враждою), за нимъ сталъ также читать и Мак-
симовичъ (Укр. пр. 40). Вельтманъ вм Трояни чи-
талъ Крояни. Тихонравовъ, на основаніи того, что въ
Екат. сп. въ этомъ мѣстѣ вмѣсто печатнаго Трояни было
Зояни, исправилъ въ Бояни здѣсь и въ другихъ
трехъ мѣстахъ. Но издатели, заносѣ написаніе Зояни въ
Екат. списокъ, уже понимали, что въ рукописи Тр напи-
сано было монограммою и въ переводѣ написали Троя-
н о в о м ѣ.²²⁾ Тихонравовъ кромѣ этого вмѣсто которое
напечаталъ которою и принялъ пунктуацию Екат. списка,
въ которомъ послѣ Половецкыи нѣтъ никакого знака и на
седьмомъ вѣцѣ принято за обстоятельство при насиліе.
Эрбенъ которое принимаетъ за мѣстоименіе, относитъ къ
жизнь и измѣняетъ въ которой (дат. пад.): на Všesla-
vuv život, jemužto se dalo násili od země Plaveckě (стр.
15 и 33). На седьмомъ вѣцѣ относитъ къ слѣдующему
предложенію, а Трояни замѣняетъ посредствомъ Бояни.
Пунктуация его лучше, чѣмъ у Тихонравова, и принята
В. Миллеромъ.

²²⁾ О монограммѣ **Z**—Тр см. у Ѳ. К. (Корша?), нашедшаго ее
въ Ист. Р. Альб. Погодина №№ 23, 31 и 61 (Моск. Унив. Изв.
1868 г., кн. 7 съ 605 стр.) и у Котляревскаго, ссылавшагося на на-
писаніе монограммой начала слова — тризну въ Макарьевскихъ
минейхъ (О погреб. обыч. язык. Слав. стр. 118), а также и у кн.
Вяземскаго (Исслѣд. о вар. стр. 63).

Стр. 35. Тѣи ключами подпрѣся о кони и скочи къ граду Кіеву Ключами Тихонравовъ не поправилъ, а только придалъ ему отвлеченное значеніе хитрости, обмана (Слов.), что впрочемъ частію встрѣчалось и у Дубенскаго (188). Эрбенъ тоже оставилъ безъ исправленія и перевелъ *zahnutyma pohama poderpěl se o kone* (стр. 15), Бицынъ исправилъ: кляками, т. е. шпорами (778), В. Миллеръ, не исправляя здѣсь текста, объясняетъ это слово Болгарскимъ клякъъ, кляка — бедро, ляжка, шенкель; кляквямъ — сгибаю колѣна (232). Колосовъ находитъ сходство всего этого мѣста о Всеславѣ съ слѣдующимъ въ былинѣ о Каликѣ богатырѣ:

О костью калика подпирается,
Высоко калика поднимается,
Ай повыше лѣсу стоячаго,
Ай пониже облачка ходячаго,
Прискакала Каликушка ко городу,
Ай ко славному городу ко Кіеву,
Она въ городъ шла да не воротамы,
Она прямо черезъ стѣну городовую.

Слово костью былинны, по мнѣнію Колосова, отвѣчаетъ слову ключами въ Словѣ и сближаетъ образъ былиннаго Калики съ образомъ Всеслава Полоцкаго въ Словѣ (Ф. Зап. в. II стр. 17. 1874 г.).

Слово о кони Дубенскій толкуетъ двояко: или здѣсь описка вм. оконци, чрезъ окно, или дѣйствительно нужно читать о кони, въ значеніи спустился съ коньковъ, съ кровли. Мей читалъ слитно—о кони, разумѣя окно. Вяземскій желалъ бы здѣсь видѣть чтеніе на кони, уперся бедрами на конѣ, т. е. сѣлъ твердо. Потебня о кони какъ и Мей читаетъ слитно и прибавляетъ еще къ этому слову ся—о кони ся: онъ, опершись на хитрости, добылъ себѣ коня. По мнѣнію Потебни, авторъ Слова имѣлъ

здѣсь въ виду какой нибудь вариантъ изъ сказки о двухъ братьяхъ умныхъ и третьемъ дуракѣ, обладателѣ чудеснаго коня (стр. 121—122).

Стр. 35. Сложи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плѣночи, изъ Бѣлагада, обѣси синѣ мѣлѣ, утрѣ же возни стрікусы отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу. Сложи Потебня измѣнилъ въ ускочи, обѣси синѣ мѣлѣ въ обѣсився синемѣлы (род. п. ед. ч.) дополн. къ обѣси. стр. 122—123).

Въ Екат. сп. отъ нихъ написано отныхъ и переведено было оттуда; на основаніи такого правописанія была попытка читать отъ нихъ слитно, въ значеніи отеческихъ, отцовскихъ. Кн. Вяземскій разнотченіе списковъ примиряетъ бытіемъ въ рукописи горизонтальнаго знакаверху ѿнхъ (стр. 73 Изсл.). Утрѣ же Дубенскій соединилъ утрѣ же бѣжалъ (пр. 185. II), Эрбенъ читалъ слитно вмѣсто вѣтрѣ же (34), Тихонравовъ напечаталъ также слитно. Огоновскій, удержавъ раздѣльное чтеніе, вмѣсто утрѣ напечаталъ утрѣ—утромъ (108). Такъ поправилъ и Потебня (стр. 118). Возни (въ Екат. сп. возни, стрікусы, но отвори какъ и въ печат.) Грамматинъ поправилъ въ вонзи. Другіе издатели приняли чтеніе Арх. списка (Тих.). Дубенскій предполагалъ, не было ли здѣсь козни, или возма (стр. 192—193. Огоновскій измѣнилъ на позвони (стр. 108), Потебня на възни, вставилъ и стрікусы отвори ворота стр. 123). Слово стрікусы объясняемо было многими изслѣдователями, то посредствомъ *wozne kusza miogowa*—стѣннотныя орудія, стрѣкало, стрѣкоза (Пожар. Дуб. и Вяз. Зам. стр. 356), то посредствомъ *trkač—s voznimi beranu*—въ родѣ тарановъ (Эрб. стр. 34), но поправлять его почти не рѣшались. Для объясненія этого мѣста не будутъ ли когда нибудь пригодны слова. 1) вазнивъ, счастливъ. вазнь убо отъ еллинъ наричетъ-

ся іеже есть беспромысла строи мирови Хрон. XVI в. иже въ ратех вазни и добраа дѣла Алек. Мак., въ Свят. изб. вазнь—*τούχη* (Слов. Восток.) и 2 стрѣкъ къ *πολαρχος*, *cisopia* (Сл. Вост.). Валаамъ заперся въ столицѣ Киканоса царя срацинскаго, когда тотъ воевалъ съ армянами, укрѣпивъ ее съ двухъ сторонъ забралами, съ третьей огромными рвами, а съ четвертой змѣями и скорпіонами, которыхъ онъ собралъ шептаниемъ своимъ и потворы. Возвратившись съ войскомъ, Киканосъ увидѣлъ врата градная замчена, и ему не даша внити. Полку же стоящу предъ враты, и паде отъ воинъ Киканосовъ въ единъ день 130 мужъ, на другой день бишася на брезѣ рѣкы, и 30 конникъ истопоша во рвахъ, потомъ на плотахъ погибло во рвахъ 100 ч., наконецъ во время пристуна со стороны, гдѣ были змѣи, погибло 170 человекъ. И такимъ образомъ стояли около города девять лѣтъ. Въ это время выбеже Моисей изъ Египта, и царь принялъ его, яко великъ драгъ бывъ во очію ихъ: высочество его, яко тисово, лице же его яко солнце сіяющи. И бысть думца у царя. Въ концѣ 9-го года Киканосъ разболѣлся и умеръ во день седьмый, и погребоша и предъ враты градными. Войско Киканоса выбрало себѣ въ цари Моисея, и поять Моисей жену Киканосову во второй день царства, люди собрались и сказали ему царю, промысли намъ, что створимъ? Девять лѣтъ мину, не видѣхомъ женъ нашихъ и дѣтей. Моисей сказалъ имъ. вѣставше идѣте въ лѣсъ и принесите ми сыны стерковы. храните и дондеже възрастутъ, научите же и перелѣтывати ястребскы. И бысть якоже възрастоша сыны стерковы, заповѣда царь заморити я гладомъ за семь днѣй, и сотвориша людіе тако. Бысть же день третій и рече къ нимъ царь: облачитесь въ оружія своя и всядите на коня своя и възмете кѣждо стеркъ свой на руку и пойдѣмъ, да приступимъ къ граду, на мѣсто, идѣ же суть змѣи. И рече царь: пушайте стеркы и пустиша, и лѣтъша стеркове на

зміи и поядоша е и испразниша мѣсто то и вѣструбиша людіе трубою и оступиша градъ и взяша и. Послѣ взятія града Валаамъ всѣде на конь и бѣжа въ землю Мадіамску.. то ти суть волсви и чародѣи, (Порф. Апокр. сказ. стр. 291 и пам. стар. р. л. т. 3 стр. 41—42).

Мы нарочно сдѣлали такую длинную выписку; если изъ нея и нельзя уяснить, что такое стрикусы, то по ней видно, что число семь было любимое въ апокрифической литературѣ, что эта литература представляла описанія взятія городовъ и могла быть знакома автору Слова.

Кстати приведемъ и наши лѣтописныя описанія взятія городовъ. Такъ въ Псков. лѣт. говорится подь 6907 г.: отъ великія рѣки и до Псковъ рѣки три костри поставиша.

Подь 1612 г Ивергорнъ искрадомъ вышибе ворота пинардою взвозскіе на Великую рѣку, а стояли подо Псковомъ 5 недѣль.

Бестужевъ-Рюминъ выписываетъ изъ лѣтописи о Всеславѣ: (О состав. р. л. стр. 50) Всеславъ, собравъ силы свои многыя, приде къ Пскову и много тружався съ многими замыслени и пороками шибавъ, отъиде ничтоже уснѣвъ (Пск. 2 стр. 8.).

Приде Всеславъ и взя Новгородъ съ женами и съ дѣтьми, и колоколы съима у святыя Софіѣ, о велика бѣда въ часъ тый, и понекодила съима [Новг. III т 2).

Заратися Всеславъ, сынъ Брячеславль Полотскыи, и зая Новгородъ до Неревскаго конца и пожже; и пойма все у святыя Софіи, и поникадила и колоколы и отъиде (Соф. 1 V т 141).

Вяземскій изъ сокращ. Новгор. лѣт. выписываетъ: пришедъ Всеславъ, взяше Новгородъ и пожже до окрома Неревскаго и святую Софію пограби: и покуль пожже, потомъ городъ доснѣша и отъиде Всеславъ (Зам. стр. 356).

Разшибе славу Ярославу Разшибе Потебня исправилъ въ рошибе, но безъ всякаго объясненія (стр.

123.) Грамматинъ поправилъ И з я с л а в у, но безъ надобности. При Всеславѣ Изяславъ дѣйствительно былъ великимъ княземъ Кіевскимъ, но Новгородъ не могъ быть названъ славою Изяслава, такъ какъ ограбленная Всеславомъ св. Софія заложена была при Ярославѣ (1017 г. Изслѣд. Погод. т. VI стр. 18).

Стр. 36. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни. Грамматинъ поправилъ здѣсь на двойственное число; кровава, бѣста посѣяна (56); Огоновскій брезѣ измѣнилъ въ брезѣ (109). Вельтманъ вм. не бологомъ—сталъ читать по бологомъ, по холмамъ (стр. 45).

Стр. 36. Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, изъ Кыева до-рискаше до куръ Тмудораканя; великому хрѣсови влѣкомъ путь прерыскаше. Огоновскій вмѣсто грады сталъ читать ряды, но при словѣ княземъ болѣе умѣстно грады, которые Всеславъ, дѣйствительно, хотѣлъ раздавать, нарядать. До куръ первые издатели въ переводѣ передали до Курска. Съ Грамматина издатели стали принимать это слово за нарицательное до пѣнія пѣтуховъ; Вельтманъ, а за нимъ Максимовичъ придалъ ему значеніе до куреней, до границъ; Головинъ полагалъ, что здѣсь въ рукописи было у, а не оу; первое у въ рукописяхъ стоитъ обыкновенно на мѣстѣ ижицы, или греческаго ѱ — ипсилона; потому онъ думалъ, что куръ здѣсь имѣетъ значеніе—господина (пр. 210) И. Ч—нъ поправляетъ до кура Тмудораканя, считая куръ равнозначащимъ слову блѣванъ и употребленнымъ здѣсь въ миѳическомъ смыслѣ, какъ олицетвореніе небесной грозы, свѣта (Фил. Зап. 1877 г. № 3 стр. 82). Хрѣсови... первые издатели въ печатномъ переводѣ совершенно пропустили это слово, замѣтивъ въ примѣчаніи, что все предложеніе невразумительно; но въ Екат. сп. они перевели Херсону. Потому, кажется, и Шишковъ

замѣтилъ, что Хрѣсови описка вмѣсто — Херсону (стр. 102). Бутковъ же считалъ опискою вмѣсто Днѣпрови, полагая, что Тмуторокань здѣсь упоминается не Азовскій, а Остерскій въ 60 верстахъ отъ Кіева (В. Евр. № 21 пр. 38 стр. 44—45).

Стр. 36. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреннюю рано у Святыхъ Софiei въ колоколы, а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Потебня, кромѣ исправленія правописанія, какъ напр. Полотскѣ, заутрнюю, Софьи, слыша, сдѣлалъ еще вставки: *у* при заутреннюю и *с я* при слыша, и у него вышло: а оно въ Кыевѣ звонъ ся слыша (стр. 118); общій смыслъ: Ему (въ честь его) позвонили въ Полоцкѣ, а оно—анъ, (малор. ажъ) звонъ услышался въ Кіевѣ, т. е. слава его изъ Полоцка дошла до Кіева (стр. 128) Если понимать такъ данное мѣсто, то оно останется внѣ связи съ предыдущимъ, гдѣ говорится о быстрыхъ ночныхъ перебѣгахъ Всеслава: *скочи лютымъ звѣремъ въ плѣночи изъ Бѣлграда, утръ же вознистрикусы, а самъ въ ночь вѣлкомъ рыскаше, изъ Кыева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хрѣсови вѣлкомъ путь прерыскаше, а потому заутреннюю и рано—черта рисуемаго здѣсь образа существенная и необходимая, вопреки мнѣнію Потебни (стр. 128); поэтому же и поправка—а оно звонъ ся слыша—совершенно излишняя. Тому какъ здѣсь, такъ и ниже: тому Боянъ припѣвкѣ рече—значить не въ честь его или пользу, а только для него, изъ-за него, дательный падежъ повода или основанія, а не *dat. commodi*.*

Стр. 36—37. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нѣ часто бѣды страдале. Тому вѣщей Боянъ и прѣвое припѣвкѣ смысленный рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути. Въ друзѣ Эрбенъ читалъ въ друзѣ, въ дружескомъ по отношенію Всеслава къ Бояну, такъ думалъ и Красинскій; другіе издатели слово друзѣ принимали въ значеніи иной.

Вс. Миллеръ весьма вѣроятно принимаетъ его въ значеніи отважнаго, аналогично съ храбрымъ тѣломъ въ другомъ мѣстѣ Слова и предполагаетъ здѣсь искаженіе изъ дръзъ [стр. 235]. Пополнимъ догадку Миллера выписками изъ лѣтописи: Владиміръ Глѣбовичъ бѣше дерзъ и крѣпокъ въ рати (Ип. стр. 36], бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати [стр. 439]. Новг 1 дръзъ—отважный, Мат. для Слов. и гр. т. II Слов. Черныш.). Прѣвое Полевой поправлялъ въ первую приѣвку Ист. р. н. 2 стр 269]. Но слово прѣвое въ значеніи сначала часто въ лѣтописи: и пѣрвое убиша Бориса (Ип. стр. 141), въ значеніи нарѣчія аналогичны съ нимъ второе и третье метила, говоритъ Ольга [Ип. стр. 37]. Смысленный Вяземскій считаетъ опискою вм. смысленъ [Зам. стр. 380]. Потѣбня считаетъ позднѣйшей глоссою (стр. 129).

Стр. 37 О стонати Русской земли, помянувшѣ прѣвую годину Эрбенъ поправилъ помянувшей; но въ другихъ мѣстахъ Слова такая поправка не находитъ оправданія, краткое причастіе почти вездѣ переходитъ въ дѣепричастіе: мало ли ти бѣшетъ горь... лелѣючи корабли.

Стр. 37. нъ рози нося имъ хоботы пашуть, коріа поють на Дунаи. Калайдовичъ и Тимковскій рози нося имъ стали читать слитно: рози носящимъ [С. От. т. 8, стр. 18). Дубенскій еще сдѣлалъ поправку нъ розъ и (вм іа стязи) носящимъ (II пр. 220). Н. Некрасовъ, принимая слитное чтеніе—нос я имъ—носящимъ, измѣнилъ еще рози на роги (Ж. М. Н. Пр), какъ думалъ и Гаттала. Вяземскій, не сливая нос я имъ, предполагаетъ, что имъ не вѣрно выведено изъ-подъ титла, вм. ихъ, а рози считаетъ существительнымъ въ предложномъ падежѣ въ смыслѣ нарѣчія розно. (Зам. стр. 382—385).

Наконецъ Тихонравовъ напалъ на настоящее чтеніе: розно ся имъ хоботы пашуть. Огоновскій на основаніи правописанія Ипат. лѣт. П о л о в ц ы з е м л ю н а ш ю н е

суть роздно (стр. 167), предполагаетъ, что съ начала и въ рукописяхъ Слова было роздно, а переписчики, не понимая, передѣляли въ рози нося (стр. 113).

Копіа поють на Дунаи — Тихонравовъ относитъ къ началу слѣдующей пѣсни: Ярославнынъ гласъ слышитъ. Вяземскій кромѣ того находитъ здѣсь искаженіе первоначальнаго текста. По его мнѣнію, первоначально здѣсь было: конѣ поимъ на Дунаи, или вслѣдствіе смѣшенія юсовъ — поимъ.

Къ такому заключенію онъ пришелъ потому, что считалъ выраженіе копіа поють на Дунаи по отношенію къ Рюрику и Давиду рѣшительно не имѣющимъ смысла; мѣстность Дуная съ дѣйствіями ихъ не связывается, они притомъ въ то время были въ бездѣйствіи, да и пѣніе копій, въ смыслѣ бряцанія копій — выраженіе крайне слабое. Такимъ образомъ Вяземскій это мѣсто считаетъ искаженнымъ и относящимся къ началу пѣсни Ярославны, которое безъ этого выраженія во всей пѣсни не имѣло бы очертанія мѣстности. Дунай же часто, говоритъ Вяземскій, воспѣвается въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ, а поеніе коней воспѣто въ распространенныхъ пѣсняхъ. „На крутой горѣ стоятъ рыцари“ и „По улицѣ мостовой“ (Замѣч. стр. 400—404).

В. Миллеръ принимаетъ какъ поправку текста, такъ и пунктуацию, предложенную Вяземскимъ и еще болѣе развиваетъ соображенія, приведенныя Вяземскимъ. Онъ говоритъ, что начало плача Ярославны открывается словами какой-то пѣсни, сначала онъ говорилъ — югославянской, болгарской (стр. 113 — 116), а потомъ — малорусской (стр. 236).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ одну болгарскую пѣсню, въ которой рисуется образъ дѣвицы — кукушки, летающей за водой на Дунай, чтобы омыть раны раненому молодцу (стр. 113—116), и дѣлаетъ выписки изъ Малорусскихъ пѣсней по сборнику Чубинскаго.

Изъ этихъ выписокъ, говоритъ онъ, можно видѣть, что въ южнорусской поэзіи обычны и Дунай, и образъ тоскующей жены, кукушки—зозули, и поеніе коней на Дунаѣ. Изображая тоскующую княгиню, поэтъ могъ вспомнить родной образъ дѣвицы зозули, тоскующей по молодцѣ, который вдали, на чужбинѣ поилъ коня въ Дунаѣ и утопая зывалъ къ своей ладѣ. Поэтому В. Миллеръ считаетъ поправку копія поютъ на коня поятъ необходимою, но не устраняющею испорченности текста, въ которомъ, можетъ быть, говорилось и о копіяхъ, и о поеніи коней, но что-то пропущено (стр. 236—239).

Считая весьма остроумными соображенія Вяземскаго и очень счастливыми находки В. Миллера, мы все таки смѣемъ думать, что здѣсь искаженія нѣтъ, а равно и пропуска. Копія поютъ мы относимъ къ предъидущему, къ Рюрику и Давиду, а на Дунай къ послѣдующему — Ярославныи гласъ слышитъ. Копія поютъ удобно могутъ быть отнесены къ Рюрику и Давыду, которые отличались тогда воинственностію. Изъ нихъ Давидъ два раза оставлялъ безъ помощи своего брата Рюрика. Въ первый разъ это въ 1177 г. Придоша Половци на Рускую землю... Романъ посла брата своего Рюрика и сына своіа. Половцы взяша 6 городовъ и поидоша къ Ростовцу; Давыдъ же быше не притягль, и бывши распри межи братьею, и постиже братью свою Рюрика и сыновца своіа Ярополка и Бориса, и постигоша половцѣ у Ростовца; и Половци оборотившися побѣдиша полки Русскѣхъ и много бояръ изымаша, а князи вѣбѣгоша въ Ростовѣцъ (Ип. стр. 408 и 409). Такимъ образомъ Давидъ былъ причиною пораженія Русскихъ князей. Онъ же былъ причиною того, что союзныя князья, Святославъ Кіевскій, Рюрикъ, братъ Давыда и другіе не подали своевременно помощи Владиміру Глѣбовичу въ 1185 г. опоздишася, сжидающе Давыда и не заѣхаша ихъ (Половецкѣ. Ип. стр. 436). Не смотря на это, Давидъ Ростиславичъ до 1185 г.,

является намъ постоянно воинствующимъ, кромѣ разныхъ походовъ онъ воевалъ 1170 г. противъ в. кн Мстислава, противъ Василька Ярополчича 1171 г. и противъ Свято-слава Всеволодича 1175.

Рюрикъ же Ростиславичъ еще больше совершилъ воинскихъ походовъ, особенно онъ часто воевалъ съ Половцами; оттого можетъ быть авторъ Слова даетъ предпочтеніе Рюрику, обращаясь сначала къ нему. А ты буй Рюриче и Давыде!

Что касается выраженія *копіа поють*, будто бы очень слабого, по выраженію Вяземскаго, ибо *копья* не бряncать (Зам. стр. 402), то на это нужно сказать, что о *пѣнн*и *копій* еще Гримъ возбудилъ вопросъ, встрѣчается ли при *копіа* эпитетъ *поющіе*.

Въ Греческомъ эпосѣ встрѣчается подобное выраженіе напр. въ Иліадѣ XVI п. стр. 361:

δῆστον τε ροῦζον καὶ δοῦπος ἀχόντων свистъ стрѣлъ и гулъ метательныхъ копій. По переводу Гнѣдича. свистаніе стрѣлъ и жуужаніе копій.

Въ Русскихъ былинахъ не встрѣтилось еще, чтобы при *копяхъ* былъ эпитетъ *поющіе*, но про тетиву говорится: Спѣла тетивка у туга лука.

Но и пущенная съ лука стрѣла могла производить звукъ, который могъ быть названъ свистомъ, *пѣніемъ*. То же можно сказать и о метательномъ копѣ, которое у насъ играло большую роль въ сраженіяхъ, напр. суну копьемъ Святославъ (Ин. стр. 36).

На Дунаи не можетъ быть отнесено къ предъидущей рѣчи, гдѣ говорится о потомкахъ Владиміра—о Рюрикѣ и Давыдѣ, которые дѣйствовали или на сѣверозападѣ, или на востокѣ Руси; но это слово очень удобно можетъ быть отнесено къ послѣдующему; съ него должна начинаться самая пѣснь. На Дунаи Ярославнинъ гласъ слышитъ. Слышитъ этотъ голосъ Игорь, голосъ, несущійся къ нему по Дунаю, Дунаемъ здѣсь называется вообще рѣка, какъ это

видно и изъ послѣдующаго: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви, омочю бибриць рукавъ во Каяль рѣцѣ.

Кромѣ этого оно здѣсь должно стоять и по складу рѣчи. Въ пѣсни Ярославны слышится размѣръ, исключая перваго стиха; безъ слова на Дунаи онъ будетъ очень коротокъ и не будетъ гармонировать съ послѣдующимъ:

На Дунаи Ярославинъ гласъ слышитъ

Зегзицею незнаемъ рано кичеть:

Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,

Омочю бибриць рукавъ во Каяль рѣцѣ,

Утру князю кровавыя его раны

На жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Слышитъ... Буслаевъ предполагаетъ, что вмѣсто слышитъ должно было быть слышится (Хр. 1870 г.). Между тѣмъ Вяземскій находитъ и форму слышитъ возможно въ значеніи страдательнаго залога (Зам. стр. 404). Но здѣсь нельзя этого предполагать.

Незнаемъ... Буслаевъ поправилъ въ незнаема, относя къ Ярослави (Хр.); Малашевъ считаетъ опискою вмѣсто незнаемою зегзицею (стр. 184). Огоновскій удерживаетъ форму незнаемъ въ значеніи нарѣчія, какъ въ старослав. встрѣчаются: исполнь прѣвирость, различь, свободь, странь, угубь, (въ Ин. л. людіе погани и невѣголосъ стр. 114).

По Дунаеви—Грамматинъ безъ нужды замѣнилъ по Донови (58).

38. Аркучи Потебня сталъ читать раздѣльно: а ркучи [Зам. о М. нар. п. стр. 21 и изъ Зап. П стр. 90).

38. На своею нетрудною крыльцю—Огоновскій исправляетъ въ нетрудную.

38. Мало ли ти башеть горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли... Горъ Н. Полевой поправилъ горѣ, вверху (М. Т. 1833 г. ч. 5 пр. къ

434 стр.). Но такая форма горъ могла быть въ погибшей рукописи, какъ передѣлка ея переписчика изъ горѣ (см. выше). Лелѣючи Эрбенъ поправилъ въ лелѣючу. Объ этой поправкѣ его нужно сказать тоже, что и о помнявшемъ [къ стр. 37].

Стр. 39. Святослави носады—съ Грамматина стали читать насады.

Стр. 39. Плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ Тихонравовъ поправилъ въ Путивлѣ. Описка здѣсь была уже въ самой рукописи, въ послѣдней ясно было к, и издатели не колебались, что написать—к, или в., такъ какъ и въ Екат. сп. тоже кѣ.

Стр. 39. Идутъ сморци мѣглами. Максимовичъ поправилъ мѣгляни. Но поправка эта не была принята.

Стр. 40. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслию поля мѣритъ. Грамматинъ предъ спитъ вставилъ отрицаніе не. Но не лучше ли измѣнить здѣсь только пунктуацию, поставить послѣ спитъ вопросительный знакъ, чтобы не было противорѣчія и не было надобности прибѣгать къ натянутому объясненію, что Игорь считается спящимъ.

Стр. 40. Князю Игорю не быть—Малашевъ читаетъ не бысть (такъ и Потебня стр. 139) на томъ основаніи, что неопредѣленное наклоненіе не встрѣчается во всемъ Словѣ на тѣ, онъ предполагаетъ, что въ рукописи здѣсь было титло: не бы, а надстрочная буква была пропущена (стр. 125). В. Миллеръ тоже думалъ, что сначала было не бысть и при этомъ пропущено тутъ слово, соотвѣтствующее разумѣти. Онъ переводитъ такъ: Овлуръ свиснулъ за рѣкою, даетъ князю знакъ, но Игорю не было слышно. Тогда Овлуръ кликнулъ, и земля загудѣла (Взгл. стр. 241—242).

40. Вежи ся Половецкіи подвизашася. Грамматинъ послѣднее ся отбросилъ (60), тоже сдѣлалъ и Эр-

бенъ (стр. 18). Потебня кромѣ отброски послѣдняго с я поправиль еще—подвигошя (стр. 139).

40. Игорь князь поскочи горностаемъ. Тихонравовъ на основаніи Екат. сп. исправиль въ поскачи. Во 2 изд. онъ напечаталъ по изданію 1800 г.

Стр. 41. Въврѣжесе на бръзъ комонъ. В. Миллеръ говоритъ, что нужно читать или вержесе или възвержесе (стр. 242); послѣднее чтеніе принялъ Потебня (стр. 139).

41. И скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца. Грамматинъ исправиль—и босымъ влъкомъ потече къ лугу Донца (стр. 60); Потебня принялъ послѣднее чтеніе (стр. 139).

Стр. 42. Стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрънядьми на ветрѣхъ. Тихонравовъ предполагаетъ надъ е титло и читаетъ—его, Потебня кромѣ этого поправиль и глаголь: стрегъшю его и сдѣлалъ перестановку словъ чрънядьми на струяхъ, чайцами на вѣтрѣхъ.

42. Не тако ли, рече, рѣка Стugna худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславлѣ. Грамматинъ и Эрбенъ вмѣсто ли читали ти и уничтожили вопросительный знакъ (стр. 18). Вяземскій же считалъ ли опискою вм. ми, въ значеніи поговорки (Зам. стр. 441). Та и другая поправка не устраняють неясности рѣчи. Не было ли здѣсь сначала: Нъ тако ли, рече, рѣка Стugna? Стругы ростре на кусту Максимовичъ читалъ: стругы рострена къ усту (къ устью). Такое же чтеніе принято и Тихонравовымъ. Уношу князю Ростиславу Вяземскій исправляетъ: уношу князя Ростислава. Затвори Днѣпръ темнѣ березѣ... Вяземскій полагаетъ, что первые издатели здѣсь невѣрно прочитали рукопись. По его мнѣнію, нужно было бы читать такъ: Уношу князя Ростислава за-

твори днѣ при темѣхъ березѣхъ (стр. 442). В. Миллеръ, соглашаясь съ вышеуказанными поправками, дѣлаетъ на нихъ основательныя возраженія, именно усто или усть въ значеніи устья не встрѣчается въ древнерусскомъ языкѣ, струги не могли имѣть творит. падежа струги, а только стругами, такимъ образомъ онъ полагаетъ, что выше исправленному началу нужно придать другое толкованіе, чѣмъ у Максимовича. Онъ переводитъ его: не такъ (поступила) говорить, рѣка стугна: имѣя тощую струю, поглотила она чужіе ручьи, простерла воды (протоки) на кустарникъ... Далѣе онъ къ поправкѣ Вяземскаго прибавляетъ вм. ростре простре, вм. днѣхъ—въ днѣхъ и переводитъ: и уношу князя Ростислава затворила на днѣхъ при темномъ берегу (стр. 243—245).

Дѣлая такіа поправки, В. Миллеръ, по нашему, не совсѣмъ основательно замѣчаетъ, что мѣстный падежъ, кромѣ именъ городовъ, при нарицательныхъ именахъ не употреблялся въ русск. языкѣ XII в., и потому темнѣ березѣхъ должно имѣть предлогъ, который онъ, какъ и Вяземскій, передѣлываетъ изъ окончанія Д н ѣ п р ѣ — при (стр. 243). Но самое Слово о П. Иг., кромѣ этого мѣста представляетъ три случая употребленія мѣстнаго падежа безъ предлога—одинъ разъ для выраженія мѣста: дивъ е кли ч е т ѣ в р ѣ х у д р е в а и два раза—для выраженія времени—п о л у н о щ и. Кромѣ того упоминаніе Днѣпра здѣсь необходимо, какъ видно изъ лѣтописи. Нужно было добѣжать до него, чтобы спастись. Такъ спасся Владиміръ Мономахъ. Нужно полагать, что на Днѣпрѣ были приготовлены средства для переправы на лѣвый берегъ его. Подъ 1093 г говорится: преидоша Стугну рѣку; бѣ бо тогда наводнилася велми; (послѣ пораженія) и прибѣгоша къ рѣцѣ Стугнѣ и въ бродѣ Володиміръ съ Ростиславомъ и нача утопати Ростиславъ передъ очима Володимировыма; и хотѣ подхватити брата своего, и мало не втону самъ; и тако утопе Ростиславъ... Владиміръ же

пребредѣ рѣ^{сѣ} маломъ дружины... и пришедѣ на ону сторону Днѣ^а, плакася по братѣ своемъ... Ростислава же искавше рѣ^{тоша} и въ рѣ^{цѣ} и взявше и принесоша и Къеву, і^акася по немъ мати его и вси людѣ плакаша по немъ і^{велику}, уности его ради (Ип. 153—154). Изъ этого р^аказа видно, что мѣстомъ спасенія отъ пого-ни Половецко^{быль} Днѣпръ, до котораго не дошелъ Ростиславъ, по^{нувши} въ Стугнѣ. Такимъ образомъ чтеніе Стугна... уно^у²³⁾ князю Ростиславу затворила Днѣпръ —будетъ впо^ѣ согласное съ лѣтописью. Потѣбня, принимая чтеніе Макси^{вича}, Тихонравова и Вяземскаго, дѣлаетъ поправку ещ^о одного слова, вм. худу струю имѣя читаетъ. имѣ^а пожърши (стр. 140). Поправка едва-ли основательна: дѣ^{сь} главное дѣйствіе Стугны только затвори, другіе при^{аки} (имѣя—постоянный и рострена—случай-ный, времени^і) второстепенные.

Темнѣ^е Резѣ Тихонравовъ отнесъ къ послѣдую-щей рѣ^{чи}—и^счется мати Ростислава. На такое чтеніе бы-ло возраженіе что матъ тогда была въ Кіевѣ; но изъ лѣ-тописнаго по^{ст}вованія не видно, чтобы она не могла съѣздить на в^{сто} погибли сына, разстояніе отъ Кіева до него отъ 30 ^о 40 верстъ.

В. Мил^{ръ} предлагалъ поправку потемнѣша бе-рези, но он^ичѣмъ не можетъ быть оправдана. Ростис-лава—Гра^и поправилъ въ Ростиславля, но прилага-тельные безъ мя^тченія губныхъ встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ Слов^а

42—43 У^{ны}ша цвѣты жалобою, а древо стугою къ з^емли прѣклонило, а не сорокы вътроско^{аша}. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ б^ончакомъ. Преклѣнило Грамматинъ измѣнилъ въ рѣ^ѣклонилось, какъ это и есть въ дру-

²³⁾ Уно^у можетъ остаться и безъ поправки въ уношѣ, такъ какъ въ старомъ языкѣ было слово уношъ (Ист. гр. Буслаева, прим¹⁷ къ § 97).

гомъ мѣстѣ: ничить трава жалошами, а древо стугою къ земли прѣклонилося. Но Эрбенъ недостающее при глаголѣ ся въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ находилъ въ словѣ стугою и читалъ—а древо ся тугою къ земли приклонило. Тихонравовъ удержалъ чтеніе первыхъ издателей, но с отдѣлилъ отъ тугою, а надъ глагольнымъ окончаніемъ ло поставилъ титло для выраженія пропуска—с ъ.

Шишковъ вмѣсто *а не* читалъ—*ажне*. Дубенскій считалъ ошибочною пунктуацію перваго изданія и относилъ (а за нимъ и другіе) *а не* сороки къ послѣдующему предложенію, находя здѣсь отрицательное сравненіе, какъ и въ Сказаніи о Димитріи Ивановичѣ (стр. 243). Огоновскій считаетъ ненужнымъ союзъ *а*, который древнимъ писцомъ выдѣланъ изъ окончанія глагола *с ъ* (можетъ быть са?) стр. 123)

Стр. 43. Тогда врани не грахуть, галици помлѣкоша, сороки не трескоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ.

Полозію Грамматинъ, Максимовичъ и Тихонравовъ читали раздѣльно—по лозію (лозіе). Грамматинъ кромѣ того ползаніе по лозію относилъ не къ сокорамъ, а къ дятламъ, и запятую поставилъ не передъ, а послѣ—*дятлове*.

В. Миллеръ, не находя удобнымъ ползоша отнести ни къ сорокамъ, ни къ дятламъ, предлагаетъ читать слитно *полозіе* въ значеніи змѣи, или какого нибудь южнорусскаго птичьяго вида изъ семьи ползуновъ въ видѣ дятловъ (стр. 246).

Потебня, принимая пунктуацію Грамматина, измѣняетъ еще къ *рѣцѣ* на *къ руцѣ*, путь къ *руцѣ* т. е. на руку, удобный, благопріятый (стр. 145). Кромѣ того онъ весьма основательно переставилъ все это мѣсто, въ которомъ безъ сомнѣнія высказывается сочувствіе природы

бѣгству Игоря, а не погони за нимъ Гзы и Кончака, — онъ поставилъ его послѣ словъ: претръгоста бо своя брѣзая комоня (стр. 140).

Стр. 44. Рекъ Боянъ и ходы на Святѣславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю. Это мѣсто подвергалось разнымъ поправкамъ: Бутковъ предполагалъ описку въ Словѣ и ходы; по его мнѣнію, здѣсь съ начала было или година, или шк о д ы, или исходы — конецъ (В. Евр. 1821 № 22 стр. 102 — 103), коганя, по Буткову, нарицательное имя коханя — милая. Грамматинъ, принявъ и ходы въ значеніи походы, сдѣлалъ перестановку словъ. походы на Коганя, пѣснотворца стараго времени Ярославля, Святославля, Ольгова. Полевой хоти передѣлалъ въ хотъ, хотя — и отнесъ къ слѣдующему предложенію: хотъ тяжко ти... Кромѣ того Полевой читалъ текстъ такъ: рекъ Боянъ и ходы (о походахъ) на Святославля (по подобію) пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя [имя пѣвца]. Моск. Телегр. 1833 г. ч. 5 стр. 440—441). Вельтманъ читалъ. Боянъ пѣснотворцю стараго времени Ярославля, Ольгова Коганя рекъ: хоти и ходы на Святославля, т. е. желанія свои и обращенія къ Святославу (пр. 59). Вицинъ при измѣненіи хоти въ союзъ хотъ считаетъ еще нужнымъ такъ передѣлать текстъ. рекъ Боянъ и години Святославовой пѣснотворцы стараго времени Ярослава и Олега князя... хотъ тяжко...

В. Миллеръ принялъ вм. и ходы — исходы, (конецъ — ἔξοδος). По его мнѣнію, здѣсь пѣвецъ Игоря называетъ себя также пѣснотворцемъ Святослава Кіевского, котораго въ эпическихъ чертахъ богатыря изобразилъ онъ, въ походѣ на Половцевъ, пѣвцомъ Ярослава и Олега, о которыхъ тоже упоминаетъ онъ въ Словѣ, и пѣвцомъ княжеской жены — Ярославны, плачь которой онъ представилъ въ известной пѣснѣ (стр. 126 и 227—248).

На это Ор. Миллеръ замѣтилъ, что изображеніе въ богатырскихъ чертахъ вовсе не составляетъ характеристическаго свойства его собственнаго поэтическаго пошиба, заключающагося въ томъ, чтобы пѣть по былинамъ своего времени (Ж. М. Н. Пр. 1877 г. Сентябрь стр. 59). Но намъ кажется это основаніе не имѣющимъ силы, если вспомнимъ Ярослава Осмомысла, Романа и Мстислава, Рюрика и Давыда, которые изображены въ Словѣ дѣйствительно эпическими богатырями. По нашему мнѣнію, болѣе вѣскимъ возраженіемъ на мнѣніе В. Миллера, что авторъ Слова—пѣвецъ Святослава и что главное лицо въ Словѣ Святославъ, было бы указаніе на несовмѣстность съ этимъ выраженія—злѣ ты тѣлу, кромѣ головы,—Русской землѣ безъ Игоря.

Огоновскій поправляетъ это мѣсто такъ: Рекъ Боянъ, исходя на Святослава, пѣснотворца стараго времени Ярославля и Ольгова, коганя хоти. Читая такъ, онъ предполагаетъ, что кромѣ Бояна былъ еще пѣвецъ Святославъ, который былъ ниже Бояна, былъ только рѣмачемъ и пѣвцомъ Олега, ворохобника и пріятеля хана (коганя хоти), отчего пѣвецъ Игоря и относится съ укоромъ къ пѣвцу, называя пѣснотворцемъ т. е. рѣмачемъ. Кромѣ того Огоновскій согласенъ считать, начиная съ и с х о д я по слово х о т и, глоссою позднѣйшаго грамотѣя, который, зная про соперничество обоихъ пѣвцовъ, самъ сдѣлалъ неудачную прибавку (стр. 124).

Потѣбня съ и х о д ы на (его чтеніе: и м р. о д и н а т. е. имя рекъ) по К о г а н я считаетъ тоже глоссою къ Боянъ (стр. 148).

Тяжко ти головы Грамматицъ поправилъ голову, такъ стали печатать и другіе, не исключая и Тихонравова; но это излишняя поправка,—форма головы въ обоихъ спискахъ—и составляетъ особенность погибшей рукописи.

Стр. 45—46. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича, Буй туру Всеволодѣ, Владимиру Игоревичу. Тихонравовъ измѣнилъ здѣсь пунктуацию: послѣ весели поставилъ точку, послѣ молодымъ совсѣмъ не ставитъ знака, а послѣ пѣти слава ставитъ двоеточіе. Вяземскій точку ставитъ послѣ пѣти и относитъ къ страны рады (стр. 509 Зам.). В. Миллеръ держится пунктуациі кн. Вяземскаго и считаетъ окончаніе обычнымъ приѣмомъ нашихъ величаній, слово слава считаетъ обычнымъ припѣвомъ подобныхъ величаній, вродѣ: Слава Богу на небѣ—слава! (стр. 249).

Святославлича и Игоревичу (въ Екат. Игоревичѣ)—Тихонравовъ ставитъ въ своемъ изданіи въ окончаніяхъ титла. Кн. Вяземскій думаетъ, что разночтенія въ спискахъ произошли отъ написанія въ рукописи у, которое надъ Святъславлич, т. е. надъ ч поставлено было въ наклонномъ положеніи и въ формѣ ука=^α, укѣ надстрочный въ Игоревич былъ принятъ издателями сначала за ь, а потомъ за у (Издл. стр. 263).

46. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь. К. Вяземскій полагаетъ, что а или описка вмѣсто и, и тогда предъ аминь нужно поставить знакъ, или здѣсь пѣтъ описки, но слово—а дружинѣ нужно поставить въ скобкахъ, т. е, что дружина должна сказать—аминь (Зам. стр. 517). В. Миллеръ принялъ первую поправку—и дружинѣ.

4. Судьбы Слова о полку Игоревѣ въ послѣдующей Русской литера- турѣ.

Направленіе творца Слова, проникнутаго интересами дѣйствительной жизни, видѣвшаго въ расприхъ князей гибель благосостоянія и жизни всего народа Русскаго, не осталось безъ вліянія на послѣдующія поколѣнія. Ему подчинялись люди, занимавшіеся богоугодными дѣлами и притомъ въ такое время, въ которое сильнѣе укоренилось въ народѣ религіозно - нравственное направленіе. Нѣкоторыя мѣста изъ Слова заучивались наизусть и примѣнялись къ современнымъ событіямъ. Подтвержденіемъ этому можетъ служить слѣдующая приписка къ пергаменной рукописи Апостала 1307 г. (Синод. библ.): „сего же лѣтѣ бы^ѣ бои на русьской земли. Михайль съ Юрьемъ и княженъ Новгородское; при сихъ князехъ сѣиашется и росташе оусобицами, гынаше жизнь наши въ князехъ которы и вѣщи скоротишася члвкмъ“ (Срезнев. Древн. пам. яз: и п). Эта приписка, сдѣланная писцомъ всей рукописи 1307 г., касается распри тогдашнихъ князей — Св. Михаила Тверскаго съ Георгіемъ Даниловичемъ Московскимъ. Эти слова безъ всякаго сомнѣнія, не случайно совпали съ подобными въ Словѣ о п. И., они заимствованы были изъ него, но

только съ нѣкоторыми перемѣнами, зависящими частію отъ иныхъ понятій переписчика Апостола сравнительно съ творцомъ Слова, частію отъ того, что они приведены были по памяти.

Соотвѣтствующее мѣсто въ Словѣ читается такъ: Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеть и ростяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци чловѣкомъ скратишась. Первая отмѣна состоитъ въ замѣнѣ словъ. жизнь Даждбожа внука—словами: жизнь наши. Переписчикъ сдѣлалъ эту замѣну, можетъ быть, потому, что считалъ неумѣстнымъ въ церковной книгѣ помѣщать имя языческаго бога, а можетъ быть, и потому, что уже не понималъ значенія его. Во всякомъ случаѣ такая замѣна свидѣтельствуетъ, что онъ сознательно пользовался готовыми выраженіями для изображенія современнаго ему происшествія.

Другія отмѣны свидѣтельствуютъ, что переписчикъ писалъ по памяти, не имѣя у себя предъ глазами подлинника Слова. У него гыняше стоитъ вмѣсто погибашеть, въ князехъ которы вм. въ княжихъ крамолахъ. Последнее выраженіе у пѣвца Игорева относится къ послѣдующему предложенію „вѣци чловѣкомъ скратишась“ а у переписчика Апостола къ предыдущему „гыняше житиѣ наши“, послѣдующее же предложеніе поставлено особнякомъ съ союзомъ и и вѣци скоротишась члвкмъ“. Не смотря на эти перемѣны смыслъ остался тотъ же у переписчика, что и у автора Слова; а замѣны однихъ словъ другими, но непременно созвучными,

еще болѣе утверждаютъ насъ въ мнѣніи, что это писано именно по воспоминанію о подобномъ изображеніи боя въ Словѣ о п. Игоревѣ.

Такъ было въ началѣ XIV ст., въ концѣ же этого столѣтія мы видимъ, что Слово о п. Иг. не только было извѣстно по памяти, но было уже записано и читалось грамотными людьми. Основная мысль, направленіе автора уже не сознавалось такъ ясно, но за то оно считалось образцомъ исторической повѣсти, какъ по плану, такъ еще болѣе по своей поэтической формѣ, по способу изображенія войны. Доказательствомъ этого служатъ разныя повѣсти о Мамаевомъ побоищѣ.

Множество видовъ этихъ повѣстей можно свести къ двумъ группамъ, изъ коихъ къ первой относятся повѣсти, извѣстныя подъ именемъ—Словъ Задонщинъ, а ко второй—Сказанія и Повѣданія о побоищѣ великаго князя Дмитрія Донскаго.

Первую группу составляютъ два произведенія; одно XV в., найденное въ Сборникѣ Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, писанномъ полууставомъ, подходящимъ къ скорописи, подъ заглавіемъ. Писаніе Софонія старца Рязанца, Задонщина великаго князя гна Дмитрія Ивановича (напечатано въ Учен. Зап. Ак. по 2 отд. кн. V 1859 г. прил. стр. 57—60). Другое этого же разряда произведеніе относится къ XVII ст. Оно отыскано Ундольскимъ въ одномъ сборникѣ половины XVII в. и носитъ заглавіе: Слово о великомъ князѣ Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамаю. (напечатано во Врем. Общ. ист. и древ. р.

при. Моск. Ун. въ XIV кн. Сводная редакція обоихъ списковъ напечатана Срезневскимъ въ Изв. Ак. Н. по 2 отд. т. 6 № 22—25, 1857 г).

Первое произведение, какъ древнѣйшее, имѣетъ для насъ больше значенія, чѣмъ второе и сказанія второй группы. Оно отличается краткостію сравнительно со всѣми остальными. Планъ его тотъ же, что и въ Словѣ о п. Иг. и заимствованія изъ послѣдняго стоятъ ближе къ подлиннику. Слово о великомъ кн. Дмитріи Ивановичѣ и братѣ его кн. Владимірѣ Андреевичѣ пространнѣе Писанія Софоніева. Оно имѣетъ сходство съ Писаніемъ, но и значительно разнится отъ него. Выраженія этого Слова: азъ же помяну Рязанца Софонія и восхваляю пѣсньми и гусленными словесы сего вел. кн. Дмитрія Ивановича—показываютъ, что авторъ его подражалъ первому. Но едва ли онъ подражалъ именно по извѣстному намъ Кирилло-Бѣлоозерскому списку XV в. Мѣста, заимствованныя изъ Слова, не только измѣнены въ немъ и переставлены, но встрѣчаются также и такія, какихъ нѣтъ въ первомъ. Съ другой стороны во второй редакціи Задонщины, т.-е. XVII в. болѣе логической связи между частями, чѣмъ въ первой.

Произведенія второй группы, извѣстныя подъ названіемъ „Сказаніе и Повѣданіе о побойцѣхъ вел. кн. Дим. Ив. Донскаго“ ¹⁾, заключаютъ въ себѣ тоже картины и выраженія, взятые изъ Слова о п. Иг., но заимствованія вошли въ нихъ не непосредственно изъ Слова, а чрезъ Задонщину

¹⁾ Сказанія изданы Снегиревымъ по пяти спискамъ въ Рус. Ист. Сбор. 1838 г. т. III.

Основою этихъ Сказаній служило Слово о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича, царя Русскаго (въ Р Ист. Сб. т. III), въ которомъ вовсе нѣтъ заимствованій изъ Слова о п. Иг²) Съ теченіемъ времени въ немъ дѣлались добавки и вставки изъ разныхъ народныхъ разсказовъ, а также и изъ Задонщинъ. Что заимствованія въ сказаніяхъ изъ Слова совершались при посредствѣ Задонщинъ, это видно будетъ изъ сличенія мѣстъ сходныхъ въ тѣхъ и другихъ.

Для большей наглядности представляемъ здѣсь (на слѣдующей страницѣ) параллель мѣстъ сходныхъ или похожихъ одно на другое въ Задонщинахъ, Сказаніяхъ и Словѣ о п. Иг.; представляемъ ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ одно за другимъ въ Задонщинѣ по списку XV в. Кирилло-Бѣлоозерскаго сборника.

²) Обзорѣніе редакцій этихъ сказаній находится въ статьѣ Назарова, «Сказанія о Момаевомъ побойщѣ» ж. М. Н. Пр. 1858 г. ч: 99 стр. 41—42, 46.

Писаніе Софоніа, по
сп. XV в.

Слово о Дим. Ив. по
сп. XVII в.

1. Запѣвъ, воспоминаніе о Боянѣ.

Лудчи бо намъ брате начати повѣдати иными словесы отъ похвалныхъ сихъ и о нынѣшнихъ повѣстехъ похвалу великаго князя....

Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ, яе проразимся мыслию, но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена, помянемъ вѣщаннаго боярина горазна гудца въ Кіевѣ.

Тотъ бояринъ воскладоша горазная своя персты на живыя струны, пояша рускимъ княземъ славу.

Первому князю Кіевскому Игорю Бяриковичу и великому князю Владимиру Все-славьевичу Кіевскому и великому князю Ярославу Володимировичу

Восхвалимъ вѣщаго (го) Бояна въ Кіевѣ гораздо гудца. Той бо вѣщій Боянъ, вос-кладая свои златыя персты на живая струны, пояше славу Русскимъ княземъ.

Первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичъ и ѿто-славу Ярославичу, Ярославу Володимировичю.

2. Характеристика героевъ: Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича.

Поостриша сердца свои мужеству, ставше своею крѣпостію.

Истезавше умъ свои крѣпкою крѣпостію и поостриша сердца свои мужествомъ и наполнися ратнаго духа.

Сказанія и Повѣданія
о Мамаевомъ побой-
цѣ, по изд. Снегирева.

Слово о Пол. Игор.

Не лѣпо ли ны бяшетъ
братіе начати старыми сло-
весы трудныхъ повѣстій о
пѣлку Игоревѣ.

Начати же ся тѣмъ пѣсни
по былинамъ сего времени,
а не по замышленію Бояню.
Боянъ бо вѣщій.... растека-
нется мыслию по древу, сѣ-
рымъ вѣлкомъ по земли....
Боянъ не 10 соколовъ на
стадо лебедѣй пушаше, нѣ
своя вѣщія прѣсты на жи-
вая струны вѣскладаше; они
же сами княземъ славу ро-
котаху.

Старому Ярославу, храб-
рому Мстиславу, иже зарѣза
Редедю предъ пѣлкъ Ка-
сожьскими, храброму Рома-
нови Святъславличю.

Х а р а к т е р и с т и к а
И г о р я.

Иже истягну умъ крѣпо-
стію своею и поостри серд-
ца своего мужествомъ, на-
пѣлнися ратнаго духа.

Се повѣдай Урантъ, како
случися брань... (въ одномъ
сп. Тимк.)

3. Воззваніе къ Соловьѣю Болну

Жаваранокъ птица, въ красныя дни утѣха! взыди подъ синіе облакы, пой славу вел. кн. Дмитрію Ивановичу и брату его Володимеру Ондрѣвичу; они бо възнялися какъ соколи со земли русскыя на поля Половецкыя.

Кони ржутъ на Москвѣ, бубны бьютъ въ Коломнѣ, трубы трубятъ въ Серпуховѣ, звенить слава по всей земли русской, чудно стязи стоять у Дону великого, пашутся хоригови берчати, свѣтятъ^ѣ калантыри зачены (злачены), звонят колоколи вѣчныи в велико^{мъ} в Новѣгородѣ, стоятъ мужи Наугородци у ѣтыя Софін.

Оле, жаворонокъ лѣтняя птица красныхъ дней утѣха! возлети подъ синее небеса воспой славу вел. кн. Дм. Ив. и брату его Владимиру Андреевичу. Цибуря соколы снесетъ изъ земли залѣскыя въ поле Полотское.

На Москвѣ кони ржутъ, звенить слава по всей земли русской, въ трубы трубятъ на Коломнѣ, въ бубны бьютъ въ Серпуговѣ, стоятъ стязи у Дуная великаго;

Звонятъ въ колоколы вѣчныя въ великомъ Новѣгородѣ у Софен премудрыя

(при описаніи встрѣчи русскихъ съ татарами:)

Пашутъ бо ся аки живи хоругви, ищутъ собѣ чести и славнаго имени.

4. Рѣчь Дмитрія къ князьямъ

Гнѣздо есмя были едино князя великаго Ивана Данильевича, досюды есмя были брате, никуды не изоби-

Гнѣздо есмя были великаго князя Владимира Кіевского, не въ обидѣ есми были по роженію, ни ястребу,

и описане сбора въ походъ.

О Бояне, соловію стараго времени! а бы ты сіа плъкъ ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакъ свивая славы оба помы сего времени.

Тогда же возвѣяша сильны вѣтри по бервицѣ широтѣ.

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая.

Громко въ варганы бьютъ, тихо съ поволокою ратные трубы трубятъ, многогласно и часто кони ржутъ, звенить слава по всей русской земли;

Комони ржутъ за Сулою, звенить слава въ Киевѣ, трубы трубятъ, въ Новѣградѣ,

Великовѣчье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ; стоятъ мужи Новгородци у Святыя Софѣи премудрости Божія.

стоятъ стязи въ Путивлѣ.

(При описаніи сраженія):

Стези ревуть наволоченіи... Хоругви, аки живи пашутся шеломы на главахъ златомъ изукрашены.

Стязи глаголють.

о единствѣ ихъ происхожденія.

Гнѣздо есмя князя Владимира Киевскаго.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо, далеко залетѣло; не было нѣ

жени, ни соколу, ни ястребу, ни бѣлому кречату, ни тому псу поганому Мамаю. ни кречету, ни черному ворону, ни поганому сему Мамаю.

5. В т о р о е в о з з в а

Славій птица, чтобы еси выщекотала сіа два брата.

О, соловей, лѣтняя птица, чтобы ты, соловей, пощекоталъ славу великому князю Дмитрію Ивановичу.

6 Х а р а к т е р и с т и к а О л ь г е р д о в и ч е й.

Ти бо (Андрій Полоцкій и Дмитрій Брянскій) на щитѣ рожены, под трубами поють (повити?), под шеломы възлѣланы, конецъ конія вскормлены, с востраго меча поены.

Тѣ бо суть вѣдоми полководцы поцѣ трубами, подѣ шеломы злачеными.

(Въ другомъ мѣстѣ великн. Дмитрій говоритъ о своемъ войскѣ.) а воеводы у насѣ уставлены, а дружина свѣдана, а подѣ собою имѣемъ добрые кони, а на собѣ злаченные доспѣхи, а шеломы черкаскіе, а щиты Московскіе, а сулицы Нѣмецкіе.... Пашутъ бо ся аки живи хоругови, ищучи собѣ чести и славнаго имени.

обидѣ поражено ни соколу,
ни кречету, ни тебѣ, черный
воронъ, поганый Половчине!

н і е к ѣ С о л о в ѣ ю.

О Бояне, соловію стараго
времени, абы ты сіа плѣкы
ущекоталъ, скача... пѣти бы-
ло пѣснь Игореву.

Х а р а к т е р и с т и к а д р у ж и н ѣ — В л а д и м и р а
А н д р е я и В с е в о л о д а.

(Влад. Андр. говоритъ о
своей дружинѣ.) воеводы у
насъ велми крѣпцы, а рус-
кіе удалцы свѣдоми, имѣють
подъ собою борзые кони, а
доспѣхи имѣють велми твер-
ды, злаченые калантыри, бай-
даны и колчары Фрайскія,
корды Лятцкіе, сулицы Нѣ-
мецкіе, щиты червенные, ко-
пья злаченныя, сабли булат-
ныя, а дорога имъ велми
свѣдома, берези имъ по Оцѣ
изготовлены, хотять головы
свои сложити за вѣру хри-
стіанскую и за твою обиду
государя и великаго князя.

А мои ти Куряни свѣдо-
ми кѣмети, подѣ трубами
повити, подѣ шеломы въ-
злелѣяны, конецъ копья въ-
скрѣмлени, пути имъ вѣдо-
ми, яругы имъ знаемы, луци
у нихъ напяржени, тули от-
ворени, сабли изъострени,
сами скачуть аки сѣры влѣ-
ци, ищучи себе чти, а кня-
зю славѣ.

7. В ы р а ж е н і е б р а т с к и х ъ

Сама есма два брата, дѣти Вольярдовы, сядемъ брате на свои борзы комони, испіемъ брате шелоомъ своимъ воды быстрого Дону

8. О т в ѣ т н а я р ѣ ч ь Д и м и т р і я .

Сѣдлай брате Ондрей свои борзы комони, а мои готови, напереди твои^х осѣдлани.

Сѣдлай брате Андрей свой добрый конь, а мой готовъ осѣдланъ.

9. З л о в ѣ щ і я п р е д

Уже бо всташа сильніи вѣтри съ моря, прилѣяша тучю велику на усть Нѣпра. Ис тучи выступи кровавыя облака; а из нихъ пашуть синіе молнии... быти стуку и грому велику межу Дономъ и Нѣпромъ.

Уже бо брате возвіали по морю на усть Дону и Нѣпра, прилѣяша тучи на Рускую землю; изъ нихъ же выступали кровавые зори; а въ нихъ трепещутся сильныя молнии. Быти стуку великому на рѣчкѣ Непрядѣ межи Дономъ и Нѣпромъ.

Идетъ Хинела на Рускую земля...

Уже бо скрипѣли телѣги межу Дономъ и Нѣпромъ, а

чувствъ. Цѣль похода.

И рече ему буй туръ Всеволодъ. одинъ братъ, одинъ свѣтлый ты, Игорю, оба есѣвъ Святъславличя—(Игорь говоритъ Всеволоду): а всядемъ, брате, на свой бръзня комони, да позримъ синего Дону... Хочу бо, рече, а любо испити шеломомъ Дону.

(Рѣчь Всеволода).

Сѣдлай брате свои бръзны комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска напереди.

знаменованія природы.

(Въ описаніи сраженія): а трепетали сильніи молніи отъ облистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ. Въ тоже время тутошныя рѣки мутно потекли.

Придоша на то мѣсто мнози волцы, по вся ноци

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ, чръныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солища, а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи, быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго. Се, вѣтри, Стри божи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами; земля тутнеть, рѣки мутно текутъ....

Кричатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени.

Сѣріе волцы воють....

Тогда же гуси тоготаче и лебеди крилы въсплескаша.

идуть Хинелѣ поганья къ Руской земли. И притекоша сѣрые волцы отъ усть Дону и Нѣпра и ставши воють.

Тогда же гуси возгоготали и лебеди восплескаша крылами своими.

Птицы небесныя пасущесе то под синіе оболока, вороны грають, галици свои рѣчи говорятъ, орли восклекчють,

Волцы грозно воють, лисицы часто брешуть, чають побѣду на поганыхъ, аркучи такъ. земля еси руская! какъ еси была досѣлева за црёмъ за Соломоно", такъ буди и ннѣча за кнземъ великимъ Дмитріемъ.

А ужъ бѣды ихъ (татаръ) пасоша, птицы крылати подъ облакъ летять, вороны часто грають а галицы своею рѣчью часто говорятъ, орли хлѣкчють,

а волцы грозно воють, а лисицы на костѣхъ бряшуть. Руская земля то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала.

воютъ непрестанно. Гроза бо велика есть слышати.

И мнози ворони собираются не обычно, неумолкающе грають, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орлы отъ усть Дону прелетѣша, лисицы на кости брешутъ (въ списк. Оболен. глядячи на золотыя доспѣхи).

(въ другомъ мѣстѣ) Позади татарскихъ полковъ волцы воють вельми грозно, вороны и галицы безпрестанно кричаще, и гуси, лебеди и утята крылами плещутъ не обычно и велику грозу подаютъ (стр. 45—46).

Нѣ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче, а галицы свою рѣчь говоряхуть....

Уже бо бѣды его пасеть пѣть, подобію вльци грозу въсрожать по яругамъ, орлы клеткомъ на кости звѣри зовутъ,

Лисицы брешутъ на чръленныя щиты.

О Русская земле! уже за шеломянемъ еси! Длѣго. Ночь мркнетъ....

10. И з о б р а ж е

Уже бо стукъ стучить и
громъ гремитъ рано предъ
зорю; то ти не стукъ сту-
чить, ни громъ гремитъ, князь
Володимеръ Ондръевичъ ве-
детъ вой свои.

Что шумить и что гре-
митъ рано передъ зорями?
Князь Владиміръ Андреевичъ
полки перебираетъ.

11. В ы ѣ з д ѣ к н я з я

Тогда же князь великы
Дмитрей Ивановичъ ступи въ
свое золотое стремя, всѣдъ на
свои борзые конь.... солнце
ему на востокъ ясно свѣтитъ,
путь ему повѣдаетъ.

Тогда кн. вел. Дмитр.
Иван. вступивъ въ золотое
свое стремя.

Солнце ему на востокъ
сіяетъ и путь повѣдаетъ.

12. О п и с а н і е

Грануша копія харалуж-
ныя мечи булатныя, топоры

Наѣхали рускіе князи на
силу татарскую и удариша

н і е п о х о д а.

Не стукъ стучить, не громъ гремить, по зорѣ стучать и гремѣть русскіе удалцы. Князь Володимеръ Анд. возится рѣку на Красномъ перевозѣ. (Въ др. мѣстѣ) Не стукъ стучить и не громъ гремѣть въ славнѣ градѣ Москвѣ, стучить рать в. кн. Дмитрія Ивановича.

п р е д в о д и т е л я.

Кн. вел. Дмитр Ив. вступи въ златокованное стремя и сѣде на своего любовнаго коня;

А солнце съ восхода свѣтитъ [въ другихъ списк. солнце ему на востоце ясно путь подаетъ] и вѣтречь тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ.

с р а ж е н і я.

(Предъ началомъ сраженія): Вельми земля стонетъ, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣстъ своихъ выступиша.

Татарове скликнуша своими языки и крѣпко ступи-

Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плѣкы заворачоачаетъ.

Тогда вступи Игорь князь въ златъ стремя и поѣхъ по чистому полю.

Солнце ему тьмою путь заступаше.

Земля тутнетъ, рѣки мутно текутъ.

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша.

легкіе , щиты Московскія ,
шеломы Нѣмецкія.

Тогда поля костыми насѣ-
яны, кровью полѣано,

Воды воспиша, вѣсть по-
давала порожнымъ землямъ за
Волгу к желѣзнымъ вратамъ
к Риму....

копье Оараужными о до-
слѣхъ татарскіе, взгремѣли
мечи булатные о шеломы хи-
повскіе.

Черна земля подѣ копы-
ты, а костыми татарскими по-
ля насѣяша, кровью ихъ зе-
мля пролита бысть, а силь-
ніи полки ступишася въ мѣ-
сто и протопташа холми и
луги и возмутишася рѣки,
потоки, озера, и кликнули
быша дивы въ русской зем-
ли, а глава шибла къ же-
лѣзнымъ вратамъ, ли къ
Бараначи, Криму и х Сафѣ.

шася, треснуша копія харалужныя, звѣнять доспѣхи злаченныя, стучать щиты черленныя, гремятъ мечи булатныя и блистаются сабли булатныя. На полѣ Куликовѣ сильніи полки еступипаша, изъ нихъ же вытекають кровавыя ручьи, и трепетали сильніи молніи отъ облистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ. Въ тоже время тутошныя рѣки мутно пошли... вострепеташа лузи и болота, озера выступиша изъ мѣстъ своихъ, протопташися холми высокіе, траву же кровью подмывало, льющееся кровемъ, аки рѣчнымъ быстрынамъ на всѣ страны.

Гремлеши о шеломахъ мечи харалужными; камо туръ поскачаше, своимъ златымъ шеломахомъ посвѣчивая, тамо лежать поганыя головы половецкія.... летятъ стрѣлы каленныя, гримлютъ сабли о шеломахъ, трещать копія харалужныя въ полѣ незнаемѣ.

Черна земля подъ копыты кобыми была посѣяна, а кровью полевана, тугою вздымаша по русской земли.

Притрепеталъ своими сильными плѣки и харалужными мечи... притопта холми и яругы, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота, а поганого Кобыяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, аки вихрь выторже. Падеша Кобыакъ въ градѣ Кіевѣ.

Тогда же было не лѣло
стару помолодиться.

Хоробрыи Пересвѣтъ . .
свистомъ поля прегороди, ар-
кучи таково слово . лучши
бы есмь сами на свои мечи
наверглися, нежели намъ бѣ
поганныхъ положенымъ пасти.

И рече Ослебя Пересвѣ-
ту: уже твоей главѣ пасти
на сырую землю на бѣлую
ковылу.

Уже брате пастуси не кли-
чуть, ни трубы не трубятъ,
только часто ворони грають,
зогзици кокують на трупы
падаючи.

И въ это время стару на-
до помолодѣть.

(Пересвѣтъ говоритъ Дми-
трію:) лутчи бы намъ потя-
тымъ быть нежели полоне-
нымъ отъ поганныхъ татаръ.
(Объ немъ еще говорится
здѣсь.)

Пересвѣта черница на су-
женое мѣсто привели... Онъ
поскакиваетъ на своемъ до-
бромъ конѣ, а злеченымъ
доспѣхомъ посвѣчиваетъ.

Ослебя говоритъ Пересвѣ-
ту: летѣти главѣ твоей на
траву ковыль, а чаду твое-
му Іякову лежати на зеленѣ
ковылѣ травѣ.

И въ то время по Резан-
ской земли около Дону ни
ратаи, ни пастухи въ полѣ
не кличють, но едины воро-
ны грають трупа ради чело-
вѣческія.

Трава кровью пролита
бысть, а древеся тугою къ
земли приклонишася.

Дивъ кличетъ врѣху древа,
велитъ послушати земли не-
знаемъ — Влзѣ и поморію,
и посулію и Суражу и Кор-
суню и тебѣ Тьмуторокань-
скый блѣвань!

Лѣно бо есть въ то вре-
мя и стару помолодиться, а
молоду храбрости испытати.

А чи диво ся братіе ста-
ру помолодити?

Луче жъ бы потяту быти,
неже полонену быти.

Бориса же Вячеславича
слава на судъ приведе. Камо
туръ носкочаше, своимъ зла-
тымъ шеломомъ посвѣчивая.

И на конину зелену па-
полому постла.

Тогда по русской земли
рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ
часто врани граяхуть, тру-
піа себѣ дѣляче.

Ничить трава жалощами,
а древо с тугою къ земли
преклонилось.

(Передъ эпизодомъ о Пересвѣтѣ при исчисленіи убитыхъ татарами находятся слѣдующія подробности.) На томъ поли сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молоньи и загремѣли громы велицыи, то ти ступишася рускіе удалцы съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильныи доспѣхи злаченные, а гремѣли князи рускіе мечьми булатными о шелома хиновскіе.

Не тури возгремѣли у Дунаю великаго, но посѣчени князи рускіе.

Тогда же не тури возрыкають... взопаша избіеніи ѿ поганыхъ.

13.

П л а ч ъ

Тогда же всплакаша^{сѣ} горко жены боярыни по своихъ осподарѣхъ, въ краснѣ градѣ Москвѣ. Восплачется жена Микулина Марія, аркучи таково слово:

Доне, Доне, быстрый Доне! прошелъ еси землю Половецкую, пробилъ еси берези харалужныя, прилелѣи моего Микулу Васильевич

Жена Микулина Оедосья, а жена Дмитріева Марья рано плакашася у Москвы града на забралахъ стоя, аркуютъ тако:

Доне, Доне, быстрая рѣка! прорыла еси ты каменныя горы и течещи въ землю Половецкую, прилелѣи моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ.

Чръныя тучя съ моря
идуть а въ нихъ трепещуть
синіи млъніи.

Гримлють сабли о шеломы,
трещать коліа харалужныя.

Не турове возревѣша, воз-
ревѣша мнози удалцы, уры-
вающеся на землю подѣ кон-
скіи копыта.

ж е н ь.

(Въ одномъ только
Погодинскомъ спискѣ).

Микулина жена Ѳедосья,
да Марья Тимофеева жена
рано сташа у Москвы рѣки,
рекоша:

Доне, быстрая рѣка! Про-
текла восквозѣ горы камен-
ныя, а течешь въ землю По-
ловецкую, залелѣяла мозго
государя Микулу

Не ваю ли храбрая дру-
жина рыкають аки тури ра-
нены саблями калеными.

Жены рускія въсплака-
шась аркучи.

Ярославна рано плачетъ
Путивлю городу на заборо-
лѣ, аркучи:

О Днѣпре словутицю! ты
пробиль еси каменные горы
сквозь землю Половецкую;
ты лелѣялъ еси на себѣ
Святослави носады до плѣ-
ку Кобыкова: възлелѣй го-

А Тимофеева жена рече тако: се уже веселіе мое пониче... обѣма намъ солнце померкоста.

И восплакашася жены Коломенскіе, аркутъ тако: Москва, Москва, быстрая рѣка! чему еси залелѣяла мужей нашихъ отъ насъ въ землю Половецкую, и ркутъ тако: можешь ли господине князь великій веслы Нѣпръ запрудить, замкни государь Окѣ рѣкѣ ворота.

На описаніи плача женъ Писаніе Софонія прекращается, въ Словѣ же о Димитріи продолжается разсказъ о побоищѣ. Въ этомъ описаніи сходны со Словомъ о п. Иг. слѣдующія мѣста.

(Въ описаніи послѣдней схватки:) стези ревуть; и воеводы и все великое войско широкія поля кликомъ огородиша и злечеными доспѣхами освѣтиша.

Уже бо ста туръ на боронь...

И рече Аксинья: се уже веселіе наше миновалось, солице наше померче въ славномъ градѣ Москвѣ.

И прочія боярыни рано плакашась тако: Москва, быстрая рѣка, заделіяла еси мужей нашихъ, а течещи отъ насъ въ землю Половецкую; аркучи тако: можно ли тебѣ государь нашъ великн. Дм. Ив. о веснѣ прудъ запрудити, а Донъ рѣку шеломами вычерпати и влити ту воду въ тотъ прудъ, затыни государь Москвѣ ворота, чтобъ поганіи татарове на Русь не шли.

(въ началѣ битвы:) татары скликнуша своими языки и крѣпко ступишася.

сподине мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.

Чему господине мое веселіе по ковылю развѣя? Два солнца помѣркости.

Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.

Затвори въ Дунаю врата, загородите полю ворота своими острыми стрѣлами.

Стязи глаголють:... Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты.

Яръ туре Всеволоде! стоиши на борони.

14. П о с л ѣ д

А трупъми татарскими по-
ля насѣяша, а кровью ихъ
рѣки протекли.

Тутъ поганые разлучишася
розно и побѣгоша не угото-
ванными дорогами въ луко-
морье.

Уже бо востона земля та-
тарская, бѣдами и тугою по-
крыша бо сердца ихъ.

Уже бо веселіе наше по-
ниче.

Уже бо рускіе сынове раз-
грабиша татарскіе узорочья
и доспѣхи и кони и пр.

н і я б и т в ы.

Поганіи побѣгоша въ поле не уготованными дорогами въ лукоморья, ркущи:

Уже намъ въ своей землі не бывати, а катунъ своихъ не трепати, а дѣтей своихъ не видати.

Застонула земля Татарская, бѣдами и тугою покрывающися.

Уже бо сынове рускіе разграбиша доспѣхи и щиты и всякое узорочье, атласы и бархаты.

(Въ сн. Тимковск.)

Удальци восплескаша въ татарскихъ узорочьяхъ везучи въ землю уюсы и насычи, бугаи, кони!

Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костыми русскихъ сыновъ; чръна земля подъ копыты костыми была посѣяна, а кровію польяна.

Ту ся брата разлучиста... Половцы не готовами дорогами побѣгоша къ Дону великому.

Жены рускія всплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смелити, ни дуюю сдумати, ни очима сглядати, а злата и серебра ни мало того потрепати.

А вѣстона бо братіе Кіевъ тугою, а Черниговъ напастыми; тоска разліяся по Руской землі.

Уныша бо градомъ забра-
лы, а веселіе понице.

Помчаша красныя дѣвки, а съ ними злато и наволоки и драгныя оксамиты; ортьмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити. и всякими узорочьи половецкими.

Уже жены рускіе воспле-
скаша татарскимъ золотомъ.

Уже бо по русской земли
простресе веселіе и буйство;

Вознесся слава руская по
всей земли, а на поганныхъ
татаръ промчеса злыхъ бу-
сурмановъ хула и пагуба; уже
бо вержено диво на землю,
уже грозы вел. кн. Дм. Ив.
по всемъ землямъ текутъ
грозы.

Уже поганыя оружія своя
повергоша на землю, а гла-
вы своя подклониша подъ
мечи рускіе, и трубы ихъ
не трубятъ, и уныша гласи.

Себо Готскія красныя дѣ-
вы воспѣша на брезѣ синему
морю, звоня рускымъ зла-
томъ, поють время Бусово,
лелѣють месть Шароканю.
И великое буйство подасть
Хинови.

(Въ началѣ сраже-
нія) Начаша одолѣвати по-
ганіи: уже возсія хула на
хвалу и вержеса диво на
землю.

Уже снесся хула на хва-
лу, уже тресну нужда на
волю; уже врѣжеса дивъ на
землю.

Грозы твоя по землямъ
текутъ.

Половци сулицы своя по-
врѣгоша, а главы своя по-
клониша подъ тѣи мечи ха-
ралужныи.

Трубы трубятъ въ Новѣ-
градѣ. Унылы голоса, пони-
че веселіе. Трубы трубятъ
городенскыи.

Представивъ параллель сходныхъ мѣстъ въ разсматриваемыхъ произведеніяхъ, рассмотримъ,—въ какомъ отношеніи находятся сходныя мѣста.

1. Въ запѣвѣ Слово о Димитріи больше другихъ имѣетъ сходства съ Словомъ о п. Иг, въ немъ онъ полнѣе, чѣмъ въ другихъ, говорится и объ иныхъ словесахъ, вмѣсто старыхъ словесъ, и о повѣданіи по былинамъ, и о вѣщанномъ бояринѣ, и о князьяхъ, которыхъ этотъ бояринъ пѣлъ. Въ Писаніи только говорится о вѣщемъ Боянѣ въ Кіевѣ гораздомъ гудцѣ. Князья здѣсь перечислены не одни и тѣже. Писатель Задонщины, видно, имѣлъ въ виду упрочить за Бояномъ славу пѣвца самыхъ первыхъ русскихъ князей и перечислилъ ихъ согласно съ лѣтописями, не исказивъ книжныхъ именъ. Авторъ Слова о Дим. писалъ по памяти съ пропусками и удержалъ народныя названія (Бяриковичъ и Всеславьевичъ). Въ Сказаніяхъ запѣва нѣтъ, но въ одномъ спискѣ (Тимковскаго) есть обращеніе къ какому-то Урану, напоминающее только воспомнаніе о Боянѣ въ Словѣ.

2. Характеристика главныхъ лицъ ближе къ Слову въ Словѣ о Димитріи, чѣмъ въ Писаніи, въ Писаніи она короче и передѣлана иначе,

3. Вмѣсто обращенія къ Соловью въ Задонщинахъ обращеніе къ жаворонку, сборъ въ походы въ Задонщинахъ составленъ по образцу Слова, буквальное заимствованіе есть только въ Словѣ о Димитріи: „Ци буря соколы снесетъ изъ земли...“ но оно не имѣетъ связи съ предыдущими. Сказанія не имѣютъ обращеній, но сборъ въ походъ изображается близко къ Задонщинамъ и притомъ ближе къ Писанію: „стоятъ мужи Новгородци у святыхъ Софѣи.

4. Рѣчь Димитрія о единствѣ происхожденіи князей въ Задонщинахъ составлена по образцу изображенія гнѣзда Ольгова. Въ Писаніи авторъ пользовался источникомъ свободнѣе, въ Словѣ о Дмитріи видно раболѣніе предъ буквой Слова не въ обидѣ ея по роженію, въ Пис.

эти выраженія опущены.). Сказанія объ обидѣ не говорятъ, а о гнѣздѣ буквально сходятся со Словомъ о Димитріи.

5. Второе воззваніе къ Соловью тоже показываетъ раболѣніе предъ буквой въ Словѣ о Димитріи (о соловей, какъ и выше: оле жаворонокъ пощекоталъ, въ Пис. выщекотала два брата). Въ Писаніи это желаніе выщекотать относится къ Ольгердовичамъ, въ Словѣ къ в. к. Димитрію.

6. Характеристика Ольгердовичей ближе къ Слову въ Писаніи; въ Словѣ о Димитріи она короче и только частію напоминаетъ Слово. Но за то въ послѣднемъ довольно подробно характеризуется дружина вел. князя. Эта характеристика составлена въ подражаніе характеристикъ Курской дружины. По образцу характеристики великокняжеской дружины составлена характеристика дружины Владиміра Андреевича въ Сказаніяхъ. Она—дальнѣйшее развитіе предыдущей характеристики. Въ великокняжеской характеристикѣ еще удержано окончаніе изъ Слова: ищучи собѣ чести и славнаго имени; въ этой: за вѣру христіанскую и за твою обиду. Можетъ быть, послѣдняя взята изъ другихъ каріантовъ Слова о Димитріи.

7. Выраженія братскихъ чувствъ въ Задонщинахъ нѣтъ, только въ Писаніи—безсознательно сказано: сама есма два брата, дѣти Вольярдовы, кажется, для того, чтобы поставить въ какую нибудь связь слѣдующее мѣсто, въ которомъ говорится о цѣли похода—испитіи шеломомъ изъ Дону. Въ Словѣ о Дим. и этого послѣдняго нѣтъ, тоже и въ Сказаніяхъ.

8. Рѣчь о сѣдланіи коней ближе къ Слову въ Писаніи.

9. Зловѣщія предзнаменованія въ Задонщинѣ напоминаютъ изображенія таковыхъ же въ Словѣ. Въ Словѣ о Дим. и Писаніи они близки другъ къ другу. Касательно буквальнаго сходства, Писаніе ближе къ Слову (синіи молнии, быти грому,) но за то Слово о Дим. ближе, чѣмъ Писаніе, держится плана изложенія; такъ напр., говоря о на-

шествіи враговъ впереди ставитъ мѣсто о скрипѣ телѣгъ, какъ въ Словѣ. Въ заключеніе этой части въ Задонщинахъ упоминается Соломонъ, вмѣсто „шеломанемъ“ Слова, въ Словѣ о Дим. оно стоитъ особнякомъ, въ Писаніи же приведено въ связь съ предыдущимъ, въ немъ говорятъ о Соломонѣ лисицы.

Въ Сказаніяхъ мѣста Задонщинъ, изображающія предзнаменованія, отнесены къ изображенію сраженія. Сходство ближе къ Слову о п. Иг. (сильніи молніи, своею рѣчью говорятъ, лисицы на кости брешутъ).

10. Въ изображеніи похода болѣе приближается къ Слову—Слово о Димитріи. Писаніе и Сказанія вмѣсто вопросительнаго оборота: что шумитъ, употребляютъ здѣсь сравнительный, въ Писаніи положительное сравненіе, въ Сказаніяхъ — отрицательное. Последнее имѣетъ большое сходство съ сравненіями, какія обычны въ пѣсняхъ о Татарскомъ полонѣ. Здѣсь: не стукъ стучитъ, не громъ гремитъ, по зорѣ стучать и гремѣть русскіе удалцы. Въ пѣсняхъ:

Не шумъ шумитъ, не громъ гремитъ,

Молодой Турчинъ полонъ дѣлитъ,

(Кир. прил. къ 7 вып. № 2, стр. 190—193).

Не стукъ стучитъ во чистомъ полѣ,

Не громъ гремитъ во раздольицѣ,

Бдетъ старый Илья Муромецъ.

(Кир. прилож. къ 7 вып. № 1 стр. 4).

11. Выѣздъ князя предводителя, весьма близкій въ Задонщинахъ и Сказаніяхъ къ Слову, въ Сказаніяхъ ближе подходитъ къ Писанію, чѣмъ къ Слову о Димитріи, хотя передѣланъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — вм. златое, въ Сказ. — златокованное, вм. борзый — любовный.

12. Описаніе сраженія подробнѣе въ Словѣ о Дим., связи въ немъ также больше, чѣмъ въ Писаніи; исключая только одного эпизода о Пересвѣтѣ, который здѣсь поставленъ послѣ перечисленія убитыхъ отъ Татаръ, тогда какъ въ Писаніи онъ стоитъ прежде перечисленія. Сходныхъ вы-

раженій со Словомъ больше въ Словѣ о Димитріи напр. слова Пересвѣта. Сказанія употребляютъ здѣсь выраженія, расходящіяся и съ Словомъ, и съ Писаніемъ, но колоритъ изображенія битвы въ нихъ одинаковъ съ тѣмъ и съ другимъ.

13 Плачь женъ въ Задонщинахъ и Сказаніяхъ приближается къ плачу Ярославны. Въ Писаніи онъ короче, но онъ поставленъ въ связь съ предыдущимъ: тогда восплакашась и удержано слово—аркучи. Въ Словѣ о Димитріи и именъ боярынь больше, чѣмъ въ Писаніи, и причитаній. Въ первомъ только обращеніе къ Дону, во второмъ кромѣ этого заимствовано кое-что изъ обращенія Ярославны къ вѣтру, обращеніе къ Москвѣ рѣкѣ и еще говорится о запруженіи веслами пруда. Въ Сказаніяхъ (только по одному Погодинскому списку) именъ столько же, сколько и въ Словѣ о Димитріи, хотя они не одинаковы. Причитанія ихъ здѣсь явно передѣланы изъ Слова о Дим., съ искаженіемъ, напр.—вм. веслы—о веснѣ, и съ прибавками, какихъ нѣтъ въ Словѣ о Димитріи.³⁾

14. Въ описаніи послѣдствій битвы Слово о Димитріи имѣетъ двѣ части: печаль Татаръ и радость Русскихъ. Выраженія, которыми рисуется печаль Татаръ, большею частию заимстваны изъ Слова, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ изображается печаль Рус. земли послѣ пораженія войскъ Игоря. Многія выраженія этой части перешли въ Сказанія, но въ послѣднихъ есть и мѣста близкія къ Слову, какихъ нѣтъ въ Словѣ о Дим. напр.—уже намъ въ землѣ своей не бывать и пр.

³⁾ Выше, въ описаніи прощанія великой княгини съ Димитріемъ говорится въ Сказаніяхъ; княгиня же великая Евдокья отдастъ конечное пѣлованіе Государю своему;... а въ слезахъ не можетъ слова промолвить (Р Ист. сб. т. III стр. 21—22); то же выраженіе встрѣчается и въ народной поэзій. Мать короля Задонскаго говоритъ: Разилася о сыру землю,

И не можетъ во слезахъ слово молвити.

(Кир. вып I, стр. 13)

Послѣ сопоставленія и сличенія мѣстъ Слово о Задонщинѣ и Повѣданій о Дмитріи, съ подобными же или похожими въ Слово о п. Игор., возникаютъ слѣдующіе вопросы: 1) всѣ ли произведенія о Мамаевомъ побоищѣ, разсмотрѣнныя выше, заимствовали нѣкоторыя картины и выраженія непосредственно изъ Слова о п. Игор. ? 2) можно ли полагать на основаніи этихъ произведеній, что Слово о п. Иг. было уже записано при составленіи ихъ? 3) пользовались ли авторы ихъ Словомъ о п. Иг., записаннымъ, или по памяти, наизусть? и 4) самыя эти произведенія устные ли творенія, или письменныя?

Изъ разсмотрѣнія писанія Софонія, сохранившагося въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ, видно, что автору его хорошо извѣстно было Слово. Софоній ясно представлялъ себѣ планъ Слова, расположеніе частей и связь между ними, увлекался поэтическими картинами и нѣкоторыми отдѣльными выраженіями въ извѣстныхъ ему литературныхъ произведеніяхъ, которыя у него были подъ руками, что видно изъ самаго произведенія; онъ не нашелъ лучше Слова для подраженія и потому взялъ его за образецъ для изображенія близкаго, можетъ быть, современнаго ему событія — битвы Русскихъ съ татарами на Куликовомъ полѣ. Въ началѣ авторъ призываетъ слушателей взойти на горы Кіевскія и восхвалить Бояна, славнаго Кіевского пѣвца, который пѣлъ славу первымъ Русскимъ князьямъ; за симъ онъ самъ хочетъ восхвалить вел. кн. Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича за ихъ мужество и любовь къ Русской землѣ и православной вѣрѣ. Охарактеризовавши ихъ на подобіе Игоря, Софоній вызываетъ къ жаворонку, какъ пѣвецъ Игоря къ Бояну; попытка пѣть въ духѣ Бояна удержана и здѣсь. Въ Слово слѣдуетъ характеристика Всеволодовой дружины, въ Писаніи-же рассказъ о Новгородскомъ ополченіи, переданный народными выраженіями (на пособъ не поспѣти), и описаніе сбора другихъ князей, тоже обрисованное красками на-

родной поэзіи (тогда аки орли слѣтошася со всея полуношныя страны, то ти не орли слѣтошас, съѣхалися все ѣнзи русскыя, укоупимъ землямъ диво, старымъ повѣсть, а младымъ памя^т). Послѣ этого слѣдуетъ второе обращеніе къ Соловію, чтобы онъ вычекоталъ двухъ братьевъ Ольгердовичей, которые характеризуются по образцу Всеволодовой дружины. Въ Словѣ о п. Иг. слѣдуетъ выступленіе въ походъ и изображеніе зловѣщихъ предзнаменованій; тоже и здѣсь, при чемъ большая часть описанія заимствована изъ Слова, непосредственно слѣдующее за симъ у пѣвца Игоря восклицаніе „о Русская земля, уже за шеломянемъ еси“ и здѣсь находится, но уже въ передѣлкѣ. Въ Словѣ слѣдуетъ первая битва, здѣсь продолженіе похода.

Второй битвѣ Игоря здѣсь отвѣчаетъ описаніе самаго сраженія, эпизоду о Борисѣ Вячеславичѣ здѣсь отвѣчаетъ эпизодъ о Пересвѣтѣ и Ослябѣ, изображенію бѣдствій при Олегѣ здѣсь отвѣчаетъ изображеніе ихъ послѣ Куликовского побоища. Во всѣхъ этихъ картинахъ краски похожи на Слово о п. Иг. Писаніе оканчивается перечисленіемъ убитыхъ, нѣкоторыхъ Русскихъ князей и бояръ — и плачемъ Русскихъ женъ по убитыхъ.

Планъ у автора Слова о Димитріи и расположеніе частей, за весьма малыми исключеніями, тѣже, что и у автора Писанія; только вступленіе пообшириѣе, да конецъ длиннѣе. Послѣднее, впрочемъ, не важно, такъ какъ Писаніе, по всей вѣроятности, не окончено. Во вступленіи сначала говорится, что великій князь Димитрій былъ на пиру у Микулы Васильевича и тутъ услышалъ вѣсть, что Мамай идетъ съ огромнымъ войскомъ на Русь.

Послѣ этого авторъ приглашаетъ слушателей взойти на горы Кіевскія, посмотрѣть оттуда на жребій Симовъ въ землю Татаръ, которые на Калкѣ одолѣли Русь и причинили ей большое уныніе и горе. Описавши жалость Русской земли, авторъ намѣренъ далѣе описать сначала жа-

лость Великаго кн. Дмитрія, а потомъ воздать ему хвалу. Потомъ все дальнѣйшее въ Словѣ дѣлится на двѣ части: въ первой изображается приготовленіе къ походу, походъ, начало сраженія, не совсѣмъ удачное для Руси; во второй части описывается пораженіе Татаръ Русскими.

Первая часть начинается тѣми же словами, что и Сл. о п. Иг., гдѣ авторъ желалъ бы повѣствовать въ другомъ духѣ, но принужденъ описывать по былинамъ; восхваляетъ Бояна, пѣвца первыхъ Русскихъ князей, но подражать хочетъ только Рязанцу Софонію.

Отселѣ начинается самая повѣсть. Дмитрій Ивановичъ и Владиміръ характеризуются, какъ Игорь. Послѣ характеристики ихъ слѣдуетъ обращеніе къ жаворонку, попытка пѣть въ духѣ Бояна тоже удержана; за симъ слѣдуетъ описаніе съѣзда Новгородцевъ и другихъ князей въ Москву; краски здѣсь почти тѣже, что и въ Писаніи, съ тѣмъ же народнымъ оттѣнкомъ. Послѣ этого второе обращеніе къ птицѣ, но уже къ соловью, что бы онъ пощекоталъ не только двухъ Ольгердовичей, но и Дмитрія и Владиміра; Ольгердовичи характеризуются, подобно дружинѣ Всеволода. Выѣздъ въ походъ, зловѣщія предзнаменованія, первыя стычки съ Татарами изображены подобно какъ и въ Писаніи. Эпизодъ о Пересвѣтѣ стоитъ нѣсколько ниже, чѣмъ въ Писаніи, именно послѣ перечисленія убитыхъ, за нимъ находится изображеніе слѣдствій побоища и плачь Русскихъ женъ. На этомъ прекращается Писаніе, но въ Словѣ слѣдуетъ еще описаніе послѣдняго натиска Русскихъ на Татаръ и окончательнаго пораженія послѣднихъ. Тѣ бѣды, которыя постигли Русь послѣ пораженія полка Игорева, здѣсь отнесены къ пораженнымъ Татарамъ. Изображеніе пораженія въ видѣ брачнаго пира, на которомъ Рускіе при Игорѣ—сваты попойша, а сами полегоша за Русскую землю—, здѣсь отнесено къ Татарамъ, къ Мамаю. Разговору Игоря съ Донцами, или разговору Гзы съ Кон-

чакомъ здѣсь отвѣчаетъ рѣчь Фряговъ къ Мамаю.⁴⁾ Заключенію Игоревой пѣсни, въ которомъ изображается радость Русской земли по случаю возвращенія Игоря, и похвалѣ князьямъ и дружинѣ, поборающимъ за Христіаны на поганые полки, здѣсь отвѣчаетъ послѣдняя глава, въ которой сначала изображается стояніе живыхъ на костяхъ умершихъ на Куликовомъ полѣ, счетъ убитыхъ, хвала Богу Дмитрія и похвала его навшимъ на полѣ за то, что они положили головы свои за святыя церкви, за землю Русскую, за вѣру крестьянскую.

Повѣданіе имѣетъ совсѣмъ иной планъ. Оно представляетъ три части; въ первой части указаны причины войны, рассказанъ походъ Мамаю, изображены дѣйствія Олега Рязанскаго и Ольгерда Литовскаго и приготовленіе къ войнѣ Дмитрія Московскаго. Во второй части описанъ станъ въ Коломнѣ, переходъ черезъ Донъ и канунъ битвы. Въ третьей—сначала изображено время передъ битвою на развѣтѣ, когда сходились противныя силы, потомъ самая битва и обстоятельства, непосредственно слѣдовавшія за битвою.

Въ этомъ произведеніи заимствованія изъ Слова о Полку Игоревѣ имѣютъ второстепенное значеніе. Авторъ пользовался Словомъ только для украшенія своего произведенія, но не оно дало ему планъ, не оно служило ему

⁴⁾ Молвяше же ему Орязове: чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю; то ты била Орда Залѣская, а не бывати тебѣ въ Батия царя, у Батия царя было четьреста тысячъ кованые рати, а воевалъ всю Рускую землю отъ востока и до запада: а казнилъ Богъ Русскую землю за своя согрѣшенія. И ты пришелъ на Рускую землю. царь Мамай, съ многими силами з девятью ордами и семидесятью князьями; а нынѣ ты, поганый, бѣжишь семьдесятъ въ лукоморье, не съ кѣмъ тебѣ зимы зимовать въ полѣ, нешто тебя князи Рускіе горозно подчивали, ни князей съ тобою, ни воеводъ, не что гораздо упился у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ. Побѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ. позаденешь и памѣть отъ земли Русской,

образцомъ, какъ историческая повѣсть.⁵⁾ Совеѣмъ иное видимъ въ первыхъ двухъ произведеніяхъ. Въ нихъ хотя и есть заимствованія изъ другихъ произведеній или народныхъ пѣсенъ, но Слово играло самую большую роль: оно дало общій планъ сочиненія, оно сообщило главныя краски, изъ него брались и отдѣльныя выраженія. Если это такъ, то значитъ, что авторы первыхъ двухъ произведеній непосредственно пользовались Словомъ. По отношенію къ 1-му произведенію „Писанію Софонія“ можно сказать утвердительно. Но утверждать тоже самое и относительно втораго „Слова о Димитріи“ не позволяетъ слѣдующее мѣсто, въ немъ находящееся: „а зъ же помяну Рязанца Софонія.“ Изъ этого слѣдуетъ, что въ числѣ источниковъ у автора Слова о Димитріи главнымъ было сочиненіе Рязанца Софонія, по которому онъ писалъ о Куликовской битвѣ. Самому же ему принадлежитъ подробное введеніе, (впрочемъ вполнѣ не дошедшее до насъ, какъ видно изъ очевиднаго пропуска въ Словѣ), въ которомъ онъ описалъ жалость Русской земли по случаю побѣды Татаръ надъ Русью на Калкѣ, описалъ на основаніи письменныхъ источниковъ: „отъ книгъ приводя,“ какъ говоритъ онъ.⁶⁾ Подражая Рязанцу Софонію, онъ какъ будто не имѣлъ подъ руками его писанія, что видно во 1-хъ изъ выраженія „азъ же помяну“, т. е. по памяти буду излагать, во 2-хъ изъ тѣхъ разнорѣчій, съ Пи-

⁵⁾ Снегиревъ говоритъ: Повѣданіе есть раболѣпное и часто буквальное подражаніе пѣсни Игорева (Предисл. къ Пов. стр. V). Дубенскій (предисл. къ Сл о п. Иг., Р. Дост. т. III стр. XXXIV) утверждаетъ, что «Повѣданіе есть подражаніе Слову о п. Иг. и притомъ дѣтское; сочинитель Сказанія о Донской битвѣ видимо набиралъ, наводилъ обстоятельства, соображаясь рабски съ планомъ пѣвца Игорева. Послѣдній приводитъ далѣе доказательства своему мнѣнію, сличая нѣкоторые мѣста Повѣданія съ Словомъ. Но эти сличенія натянуты, равно какъ и другія доказательства пристрастны (см. Ж. М. Н. Пр. т. 99, стр. 57--59, прим. 61-е).

⁶⁾ Назаровъ (Ж. М. Н. Пр. т. 99 стр. 82) говоритъ: «судя по общему ходу изложенія, слѣдовало бы приписать это начало первому составителю сборника. Приступая къ перепискѣ Слова (списахъ),

саніемъ, которыя мы замѣтили, какъ въ расположеніи частей, такъ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ 3-хъ изъ искаженій и перестановки собственныхъ именъ первыхъ князей, которые въ Писаніи перечислены въ историческомъ порядкѣ и записаны вѣрно, въ Словѣ же о Дим. съ пропускомъ и измѣненіями: „первому князю Кіевскому Игорю Бяриковичю и в. кн. Владимиру Всеволодовичю.“ Но принимая въ расчетъ, что нѣкоторыя выраженія въ Словѣ о Дмитріи ближе подходятъ къ Слову, мы должны предположить, что и Писаніе Рязанца Софонія, дошедшее до насъ, не есть оригинальное. Оно, какъ видно, уже копія съ первоначальнаго, записано въ сборникъ Кириллобѣлозерскій тоже по памяти, хотя и носитъ заглавіе „Писанія“.

Что же касается Повѣданій о Мамаевомъ Побойщѣ, то въ основѣ ихъ лежитъ первоначальное историческое повѣданіе о происшествіи, описанное современникомъ. Мѣста, сходныя съ Словомъ, попали въ нихъ большею частію изъ первоначальнаго писанія Рязанца Софонія. Это видно съ одной стороны изъ того, что въ этихъ мѣстахъ замѣчается больше сходства съ Словомъ о Дмитріи, но не буквальное, а это заставляетъ предполагать другой списокъ, съ другой стороны въ Повѣданіяхъ упоминается тоже о Софоніи или Софроніи, ⁷⁾ которому пока нѣтъ основанія при-

онъ почелъ не излишнимъ помѣстить предъ нимъ, въ видѣ вступленія выбранное изъ книгъ изображеніе горестнаго состоянія Русской земли отъ битвы при Калкѣ до Мамаева побоища. Но о Калкской рати упомянуто, хоть кратко, и въ Писаніи Софонія. Здѣсь говорится не о перепискѣ, а о составленіи цѣлаго сказанія, одной части по книгамъ, а другой по памяти.

⁷⁾ Назаровъ въ ст. Сказ. о Мам. побоищѣ сводитъ эти показанія въ слѣд. порядокъ: въ списокъ, хранящемся въ библиот. гр. Толстаго подъ заглавіемъ: «Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго ца я Мамаеа» было, по свидѣтельству Карачина, означено, что повѣсть эта была сочинена Рязанцемъ, іереемъ Софроніемъ. По Едомскому лѣтописцу, приводимому Н. Строевымъ, сочиненіе подъ названіемъ «о Нашествіи Мамаевѣ на Русскую землю и брань съ нимъ великая и грозно побоище великому князю Дмитрію Ивановичу» есть сказаніе Софонія, іерея Рязанца.

писывать написаніе исторической основы ⁸⁾ Повѣданія, а есть основаніе приписать ему написаніе поэтическаго сказанія, изъ котораго и пользовались переписчики повѣданій по частямъ. ⁹⁾ Отъ этого-то и произошло то, что списки Повѣданій главнымъ образомъ и разнятся между собою въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ является подражаніе Слову о П. Иг. Если бы можно было думать, что между произведеніями о Мамаевомъ побойщѣ нѣтъ никакого отношенія, что каждое изъ нихъ, т. е. Писаніе, Слово и Повѣданія прямо брали нѣкоторыя мѣста изъ Слова, то пожалуй можно было бы полагать, что Слово о п. Иг. при составленіи ихъ не было записано, а жило въ устахъ народа, передавалось съ варіантами и даже имѣло разныя расположенія частей. Но показавши взаимное отношеніе произведеній о Мамае-

Въ Тверской лѣтописи сочинитель пространнаго сказанія о Куликовской битвѣ названъ Софоніемъ Рязанцемъ Брянскимъ бояриномъ. (Ж. М. Н. Пр. 1858 г. т. 99 стр. 73).

Прибавимъ къ этому: Задонщина въ сборникѣ XV в. Кпрילו-Вѣл. мон. озаглавлена: Писаніе Софонія, старца Рязанца, а въ Словѣ о Дим. XVII в. авторъ говоритъ: азъ же помяну Рязанца Софонія. Предположеніе, что одно лицо составило и Задонщину и Повѣданіе, первую въ мірскомъ званіи боярина, второе въ званіи духовномъ — іерея, старца монаха, сомнительно потому, что имя по постриженіи въ монахи мѣняется.

⁸⁾ Снегиревъ справедливо замѣтилъ, что несомѣстно Рязанскому іерею отзываться съ явнымъ негодованіемъ о своихъ землякахъ, называть своего князя безумнымъ предателемъ, отступникомъ Христовымъ, Иудею новымъ, Святополкомъ Окаяннымъ (Ист. Сборн. т. III стр. VI Предисл.).

⁹⁾ Назаровъ (Ж. М. Н. Пр. т. 99 стр. 84.) говоритъ: можно признать за сочинителемъ Слова о Димитріи вѣрный поэтический тактъ и довольно сильное дарованіе: избравъ себѣ достойнымъ подражанія образцомъ Сл. о п. Иг., онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сумѣлъ воспользоваться бывшими въ его время народными сказаніями о Мамаев. побойщѣ (сказаніе о Новгородскихъ посадникахъ, о приѣмѣ Мамае жителями Хаюсты и пр.) и тѣмъ придавъ своему произведенію характеръ самобытности. Соглашаясь, что авторъ дѣйствительно обладалъ поэтическимъ дарованіемъ, мы не можемъ отнести этого именно къ автору Слова о Димитріи. и только развѣ къ тому, которому принадлежитъ первоначальная Задонщина, изъ которой заимствовалъ, какъ авторъ Писанія, такъ и авторъ Слова о Димитріи, оно же служило источникомъ и для переписчиковъ повѣданія.

вомъ подобіи относительно заимствованій изъ Слова, мы не вправе такъ думать. Наше мнѣніе объ этомъ вопросѣ слѣдующее: Слово о п. Иг. было записано, и авторъ первой предполагаемой нами Задонщины пользовался имъ въ спискѣ такомъ, который дошелъ до насъ отъ конца XIV или начала XV вѣка. Это видно даже изъ копій 1-й Задонщины т. е. изъ Писанія старца Рязанца Кирилло-Вѣлозерскаго сборника. При изложеніи содержанія его мы видѣли, что въ немъ удержанъ тотъ же порядокъ частей, тѣже эпизоды и таже связь между частями. Между тѣмъ какъ если бы авторъ Задонщины пользовался Словомъ по памяти, едва ли бы у него вышелъ такой сколокъ, такое близкое подраженіе Слову,—у него было бы болѣе самостоятельности, болѣе свободы въ расположеніи частей, хотя отдѣльныя картины и выраженія были бы близки къ Слову. Второе доказательство представляетъ замѣна выраженія: „о Русская земле, уже за шеломянемъ еси! выраженіемъ: земля еси русская, какъ еси была досѣла за црѣмъ за Соломономъ, такъ боуди ннѣча за кнземъ великимъ Дмитріемъ Ивановичемъ. (По Сл. о Дим. Русская земля то первое еси какъ за царемъ за Соломономъ побывала). Въ Писаніи оно стоитъ въ тѣсной связи съ предыдущимъ, это — говорятъ лисицы и, можетъ быть, другіе звѣри, предвѣщающіе бѣду. Въ Словѣ о п. Иг. это лирическое воззваніе пѣвца послѣ описанія грозныхъ предвѣщаній, стоитъ въ 1-мъ мѣстѣ за выраженіемъ. лисицы брешутъ на чръленныя щиты. Въ Словѣ за нимъ слѣдуетъ опять описаніе зловѣщихъ предзнаменованій, такъ что оно стоитъ особнякомъ, прерываетъ только одну цѣльную картину. Если бы авторъ Писанія подражалъ по памяти, то это отступленіе, эта мелочь, это не существенно нужное въ картинѣ было бы опущено, но оно осталось, да притомъ же приведено въ эпическую связь, изъ лирическаго воззванія сдѣлалось эпическимъ выраженіемъ. Это могъ сдѣлать только тотъ, у

кого былъ списокъ Слова, кто считалъ это мѣсто безсмысленнымъ и захотѣлъ придать ему смыслъ, или же читалъ его такъ: о Русская земля уже за Шоломенемъ еси долго; т. е. Русская земля, ты подъ Соломономъ, подъ властію Соломона долго пребываешь. По характеру передѣлки видно, что авторъ Писанія пребываніемъ до селѣ, до сего времени Русской земли за Соломономъ считалъ Татарскую неволю, а во времена Игоря онъ считалъ набѣги Половцевъ. Такъ боуди ннѣча за в. кн. Дм. Ив.-емъ т. е. освободись изъ подъ власти Соломона. Что же дало ему право сдѣлать такую поправку? Во 1-хъ именно чтеніе Слова въ такомъ спискѣ, какой дошелъ до насъ, или который былъ похожъ на него. По Екатерининскому списку (приложъ къ V т. Зап. Имп. Ак. Н. № 2 стр. 11), въ первомъ мѣстѣ стоитъ за Шоломянемъ. Полагая, что у автора Писанія былъ такой же списокъ, мы вправѣ думать, что онъ не понималъ слова, счелъ эту форму за областной говоръ переписчика, замѣнявшаго с посредствомъ *ш* и въ другомъ мѣстѣ: шизымъ вм. сизымъ, и потому передѣлалъ въ Соломона. ¹⁰⁾ Какой же онъ придавалъ своей передѣлкѣ смыслъ и какія у него на то были основанія? Отвѣта на это нужно искать въ разныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ, въ которыхъ говорится о Соломонѣ, въ сказаніяхъ, которыя осуждались церковію, но не смотря на то, читались грамотнымъ на Руси людомъ и были значительно распространены между нимъ. ¹¹⁾ Что они должны были быть извѣстны ему, это слѣдуетъ изъ того, что онъ пользовался Словомъ о п. Иг., которое своею миѣическою стороною тоже входило въ раз-

¹⁰⁾ Въ Хлѣбн. списокѣ лѣтописи вм. шеломя встрѣчается: соломья, сольмя (см. Мат. для Слов. и Гр. т. I Словъ къ. Ипат. лѣт. Чернышевскаго).

¹¹⁾ Въ XIV в. въ молитвенникѣ Кипріяна, въ статьѣ о книгахъ запрещенныхъ между другими упоминается и книга о Китоврасѣ (Филар. Обзоръ дух. лит. стр. 79 № 75 по 1 изд.), о раннемъ распространеніи на Руси апокрифовъ говорится у А. Веселовскаго

рядъ апокрифовъ, осуждаемыхъ церковію, отчего оно и не сохранилось во многихъ спискахъ, отчего миѳическій элементъ отрицался пользующимися имъ, не вносился въ позднѣйшія повѣсти.

Въ памятникахъ старинной русской литературы (изд. Кушел.-Безбородко подъ редакцію Костомарова, стр. 307—308 1860 г. выш. 2-й) напечатана Бесѣда Іерусалимская по сборнику Буслаева XVII в. Конечно, это произведение болѣе древняго происхожденія.¹²⁾ Въ ней повѣствуетъ, что большой царь Волоть Волотовичъ—царь-свѣторусскій (въ послѣдствіи передѣлавшійся во Владиміра, какъ видно изъ стиха о Голубиной книгѣ), видитъ слѣдующій сонъ. „С тое страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторусскую, а в другую сторону полуденную выросло древо кипарисъ, серебряное кореніе і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречетъ бѣлой, на ногахъ у него колокольчикъ (по Писанію Софонія, непосредственно за выраженіемъ Русская земля и пр. слѣдуетъ: „тогда же соколы и кречати, бѣлозерскіе ястребы позвонятъ своими злечеными колоколци,“ по Слову о Дим.. „то уже соколы Бѣлозерскіе и ястребы хваруются.... возгремѣша злечеными колоколы на быстромъ Дону“). Кто мнѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? Отвѣчаетъ царь Давидъ: у меня царя Давида родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родится Соломонида Волотовна..... а что с тое страны полуденныя выросло древо кипарисъ, кореніе серебряное, то у меня будетъ сынъ царь Соломонъ премудры.... (По

(Слав. сказ. о Соломонѣ и Киятовр. стр. 164). Выдержки изъ отреченныхъ книгъ встрѣчаются уже въ Исповѣданіи Христіанской вѣры, будто бы представленномъ вел. кн. Владиміру, въ лѣтописи Нестора, въ Святославовомъ изборникѣ, въ Хожденіи Даниїла Паломника. См. также у Пыпина. «Къ статьѣ о ложныхъ книгахъ» Лѣт. Арх. ком. т. I.

¹²⁾ См. А. Веселовскаго: о Соломонѣ и Киятоврасѣ (съ 165 стр. по 181)

сводному тексту Буслаева: а на верху того древа сидитъ птица-кречеть бѣла, то у моей царицы сынъ будетъ), а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у тебя на твоей дочери женитца, ¹³⁾ і твоимъ царствомъ ему владѣть будетъ.“ Волотъ удовлетворяется отвѣтомъ. ¹⁴⁾

Въ приведенномъ отрывкѣ изъ Бесѣды Давидъ предсказываетъ, что Русское царство должно поднасть подъ власть сына его Соломона. Древнерусскіе книжники, у которыхъ сильно было развито воображеніе, не могли удовлетвориться загадочностью этого предсказанія: оно должно было исполниться, и исполненіе его нужно было приурочить къ чему нибудь. Хотя по христіанскимъ понятіямъ личность Соломона—мудраго ветхозавѣтнаго царя, не могла быть враждебна Русскому православному народу, но для книжниковъ онъ былъ все-таки иноземець, не свой, притомъ изъ апокрифовъ имъ извѣстно было, что онъ былъ братомъ Китовраса, ¹⁵⁾ существа сверхъестественнаго, разру-

¹²⁾ Въ Голубиной книгѣ этимъ заканчивается толкованіе, и самый сонъ переданъ короче, чѣмъ въ Бесѣдѣ:

Мнѣ царю Волотоману

Мало спалось, много во снѣ видѣлось:

Какъ въ моемъ ли во зеленомъ саду

Выросло деревцо сахарное:

Изъ далеча изъ чиста поля

Прилетала птишечка малешенька,

Садилась на деревцо сахарное,

Распущала перья до сырой земли...

Ужъ ты можешь ли, царь, про то вѣдати?

(Безс. Кал. пер. т. I стр. 298).

¹⁴⁾ Сводную редакцію см. у Буслаева Христ. 1870 г. стр. 324.

¹⁵⁾ На Новгородскихъ мѣдныхъ вратахъ, сдѣланныхъ въ 1336 году при архіепископѣ Василии и перенесенныхъ при Иванѣ Грозномъ въ Александровскую слободу (нынѣ г. Александровъ Владим. губ.) между другими изображеніями помѣщено и слѣдующее: увѣнчанный зубчатою короною—Китоврасъ въ правой рукѣ держитъ человека, также въ зубчатой коронѣ на главѣ, а лѣвую простираетъ къ царю, который вдали сидитъ на престолѣ. Подъ изображеніемъ подпись (не увѣнчанная вполнѣ вслѣдствіе позднѣйшей передѣлки воротъ), «товрасъ меце братомъ своимъ на обѣтованную землю зр...» (Древн. Росс. Госуд. Отд. 6, стр. 76—77) Въ Древн.

шающего, имѣющаго одну половину тѣла конскую, а другую человѣческую съ крыльями (Древн. Росс. Госуд. Отд. 6, стр. 80 и Христ. Буслаева 1870 г. стр. 155—156, гдѣ помѣщена сводная редакція апокрифовъ о Китоврасѣ).

Поэтому Соломонъ, какъ братъ такого необыкновеннаго существа въ воображеніи книжниковъ очень легко могъ попасть въ число враждебныхъ лицъ при какомъ либо удобномъ къ тому случаѣ.

Въ фантазіи книжника Соломонъ рисовался въ образѣ кречета съ золотыми колокольцами. Этотъ образъ, можетъ быть, и навелъ на чтеніе—за Соломономъ (по Румянцевск. сборн. XVII в. Соломонъ называется Соломаномъ. См. у Пып. Очеркъ лит. ист. ст. п. и сказ. стр. 109—111 и въ Пам. стар. р. лит. т. III.) вмѣсто шеломянемъ (шоломянемъ, соломянемъ), или на оборотъ: лишь только передѣлыватель Слова вмѣсто шоломянемъ вычиталъ Соломономъ (Руская земля за Соломономъ еси долго), онъ счелъ нужнымъ въ слѣдъ за своей догадкой примѣнить и апокрифическій образъ Соломона—бѣлаго кречета къ кому либо, и примѣнилъ его къ бѣлозерскимъ князьямъ.¹⁶⁾ Такимъ путемъ, по нашему мнѣнію, произошла передѣлка выраженія Слова о п. Иг. за шеломянемъ.

Россійск. Госуд. (Отд. 6, стр. 81) Соломономъ названъ царь, предъ которымъ стоитъ Китоврасъ, а по мнѣнію А. Веселовскаго, маленькая фигурка въ рукахъ Китовраса должна быть названа Соломономъ—братомъ Китовраса (О Солом. и Мар. стр. 137). Последнее мнѣніе вѣрнѣе, такъ какъ въ позднѣйшей передѣлкѣ апокрифа о Китоврасѣ послѣдній названъ братомъ Соломона (Шыпинъ Очерк. лит. ист. пов. и сказ. стр. 111.); обычай же той имѣя царь во дни царствуетъ надъ людьми, а въ нощи же обращаешся звѣремъ Китоврасомъ, и царствуетъ надъ звѣрми, а по родству братъ царю Соломону (Пам. стар. рус. лит. изд. Куш.-Безб. т. III, стр. 59).

¹⁶⁾ Сопоставленіе образа соколовъ, кречетовъ и ястребовъ, звонящихъ своими золотыми колокольцами (въ Задонщинѣ) съ бѣлымъ кречетомъ, имѣющимъ золотыя колокольца на правой ногѣ (въ повѣсти о Волотѣ Волотовичѣ) можно найти у Буслаева (Хр. 1870 г. Предисл. къ Ур. Сок. пути стр. 303—304).

Отвѣчать на послѣдній вопросъ, послѣ всего сказаннаго уже не трудно. Срезневскій въ предисловіи къ изданію своднаго текста Задонщины (Изв. Им. А. Н. по П. отд. т. VI № 22—25), основываясь на разности выраженій и именъ лицъ, на обилии грамматическихъ неправильностей въ двухъ спискахъ Задонщины, полагаетъ, что въ этомъ видѣ Задонщина была достояніемъ народа, достояніемъ памяти его и устной передачи. Отселѣ онъ дѣлаетъ выводъ и по отношенію къ Слову, „Защищать, говорить онъ, чистую книжность Слова о п. Иг. не возможно. Тѣмъ менѣе возможно найти поводы думать, что для устнаго поэтическаго пересказа воспоминанія о Куликовской битвѣ нужно было искать образца въ такомъ Словѣ, которое было достояніемъ однѣхъ книгъ, а не памяти. Опровергнуть, что Сл. о п. Иг. не было достояніемъ однѣхъ книгъ—задача не легкая. Защищать, что и Сл. о п. Иг. не приносилось или не напѣвалось—задача трудная. Думаю, что и Сл. о п. Иг. принадлежитъ къ числу достояній памяти и устной передачи. Оно записано ранѣе и потому не такъ испорчено грамматическими неправильностями и пропусками.“

По отношенію къ Сказаніямъ о Задонщинѣ, мы согласны съ почтеннымъ Академикомъ, что и Писаніе Софонія записано по памяти, и въ Словѣ о Димитріи часть—собственно о Мамаевомъ побоищѣ—тоже записана по воспоминанію. Быть можетъ, что ходило тогда въ устахъ народа и много другихъ подобныхъ сказаній. Но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы и самое первоначальное Сказаніе составилось устно, а не письменно. Тѣмъ менѣе можно думать, чтобы авторъ этого Сказанія пользовался Словомъ по памяти. Мы выше видѣли, что въ копіи Писанія связь между частями удержана, въ Словѣ же о Димитріи, писанномъ по воспоминанію, она теряется. Не отвергаемъ того, что Слово нѣкогда могло распѣваться и произноситься, но не дальше половины XIII в. Съ этого времени начинаются дру-

гія событія, которыя вызываютъ въ народѣ другія пѣсни. Кому бы пришла охота воспоминать тогда о старомъ не важномъ событіи. Притомъ же народная память долго хранить только тѣ происшествія, которыя были благопріятны народу, гдѣ народъ выказалъ свою силу, удачу, одержалъ побѣду; все же противное этому скоро забывается. Появленіе въ свѣтъ Писанія Софонія только и можно объяснить тѣмъ, что Слово о п. Иг. было записано, что Софоній могъ изучить планъ его, части, связь между ними, поэтическія картины и выраженія. Не будь записаннымъ Слово, не составилось бы и Писаніе, если бы первое дошло устно, то уцѣлѣли бы и вошли бы въ Писаніе немногія картины и выраженія, какъ это видно изъ народной поэзіи, касающейся того времени, т. е. времени Татарскаго полона. Притомъ же между Повѣданіями о Мамаевомъ побоищѣ есть такія, судя по нѣкоторымъ отрывкамъ, которыя именно основаны на народныхъ разсказахъ.¹⁷⁾ Слѣдовало бы ожидать, что выраженія изъ Слова о п. Иг. въ нихъ займутъ важное мѣсто? Не тутъ то было: въ нихъ нѣтъ почти и намеку на Слово,¹⁸⁾ да и стиль ихъ совершенно иной,¹⁹⁾ чѣмъ въ Задонщинахъ, произведеніяхъ людей книжныхъ, умѣющихъ читать и писать.

Итакъ, хотя Писаніе XV в. записано было по памяти, но происхожденіе его книжное, источникъ у автора его былъ тоже книжный. Слово о Димитріи—есть произведеніе человѣка книжнаго, но источники у него были частью книжные, частью устные. Повѣданія несомнѣнно про-

17) Указаніе на такіе, которые отличаются сказочнымъ характеромъ, есть у Строева (Рукописи Славянскія и Россійскія Царскаго 1848 г. № 310.) и у Карамзина (примѣч. 65-е къ 5 т. Ист. Г. Р.)

18) Таковы Сказанія въ Никоновской лѣтописи и Синописѣ.

19) И царь меня спрашивалъ: вѣдомоль моему слугѣ, Митѣ Московскому, что азъ иду къ нему въ гости? а силы со мною 12 орды и 3 царства, а князей со мною 33, опричь Польскихъ, а моей силы 703,000, и послѣ того числа пришли ко мнѣ великія орды со двѣма дворами, и тѣмъ числа не вѣдаю. Можетъ ли слуга мой всѣхъ насъ употчивать? (Карамз. т. 5 пр. 65/).

изведенія книжныя и заимствованія изъ Слова вошли въ нихъ не по памяти, а большею частію извлечены изъ рукописей.

Кромѣ Задонщинъ и Сказаній о Мамаевомъ побоищѣ въ послѣдующей Русской литературѣ не замѣчается явнаго подражанія Слову. Не смотря на это, все-таки можно указать на нѣкоторыя произведенія, которыя нѣсколько напоминаютъ тѣмъ или другимъ Слово. И. С. Некрасовъ въ своей книгѣ „Зарожденіе національной литературы на сѣверѣ“ замѣчаетъ: хотя и не многіе, но встрѣчаются такіе эпизоды (въ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ), въ которыхъ сохраняются основные мотивы Русской народной поэзіи. Таковъ разсказъ о бѣгствѣ изъ татарскаго плѣна съ изображеніемъ сочувствующей природы, что напоминаетъ разсказъ о возвращеніи Игоря изъ плѣна (стр. 156). Еще выше онъ замѣтилъ въ этой книгѣ: въ языкѣ Грознаго не рѣдко слышится тотъ народной образъ выраженія, который напоминаетъ мотивъ Слова о желаніи напиться шлемомъ воды изъ Дону: и коней нашихъ ногами переѣхали всѣ ваши дороги изъ Литвы и въ Литву, и пѣши ходили и воду во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ пили (стр. 148). Кромѣ этого мы укажемъ здѣсь на два произведенія, которыя имѣютъ отношеніе къ Слову, это: на Псковскую лѣтопись и на Исторію объ Азовскомъ сидѣніи.

Псковскій лѣтописецъ по складу рѣчи и по силѣ поэтическаго одушевленія близко подходитъ къ автору Слова о п. Иг. Можно даже полагать, что онъ знакомъ былъ со Словомъ,²⁰⁾ плѣнялся его красотою и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слѣдовалъ ему. Особенно это сходство является въ извѣстіяхъ, касающихся первыхъ годовъ XVI-го вѣка.

²⁰⁾ Припомнимъ, что и Апостолъ 1307 г. съ извѣстной выдержкой изъ Слова найденъ быть въ Псковѣ (см. ч. I о Сл. о п. Иг. примѣч. къ 23-й стр.)

Описывая взятіе Пскова царемъ Василиемъ Ивановичемъ (7018 г. отъ с. 1510 по Р. Хр. когда велик. князь посадниковъ и бояръ и жалобныхъ людей переималъ), лѣтописецъ говоритъ: „и нападе на нихъ страхъ, и трепеть, и туга, и пресхоша гортани ихъ отъ скорби и печали, и уста ихъ пресмягли. Когда посоль объявилъ имъ государеву волю, чтобы у нихъ не было ни вѣча, ни вѣчеваго колокола, Псковичи удариша челомъ въ землю и не могли противу его отвѣта дати, аю исполнилися бяше очи слезъ. Псковичи тутю горю заплакали. Каю ли зѣницы не упали со слезами вкупѣ. Каю ли не урвалося сердце отъ корени? “Когда нѣкоторымъ изъ гражданъ приказало было переселиться въ Москву, по поводу этого лѣтописецъ восклицаетъ: „И кто сего не восплачетъ и не возрыдаетъ? О, славнѣйшій граде, Пскове великій! почто бо сѣтуеши и илачеши? И отвѣща прекрасный градъ Псковъ. каю ми не сѣтовати, каю ми не плакати и не скорбѣти своего оустѣвнїя! прилетѣлъ бо на мя многокрылный орелъ, исполнь крылѣ львовыхъ когтей и взятъ отъ мене три кедрѣ Ливанова и красоту мою и богатства и чада моя восхити!“ Это олицетвореніе неодушевленнаго предмета не напоминаетъ ли рѣчи Донца къ Игорю въ Словѣ, или печаль городскихъ забралъ?

Сраженїя у Псковскаго лѣтописца описываются съ живостїю, какою обладалъ пѣвецъ Игоревъ; такъ напр. подъ 1504 г. „Того же мѣсяца наѣхали силу нѣмецкую князь Псковскій и воеводы... и начаша Псковичи съ Нѣмцы битися на малъ часть, и ту падоша Псковичъ 20 человекъ, а Нѣмецъ и чюдї безъ числа. И князь Псковской и съ Посадники Псковскими и воеводы соступишася первое съ Нѣмцы и напустиша бурталники Нѣмецкіе вѣтръ на Псковскую силу и на Московскую, и пылъ изъ пушекъ и изъ пищалей и не бысть пособіе Божїе Псковичамъ, и побѣгоша первѣе Псковичи, и они поганїи навернуша на

Московскую силу пушками и пищальми, и бысть туга велика грозна и страшна отъ стуку пушечного и пищального, и потомъ Москвичи побѣгоша и бѣжачи пометаша своя быта. И бысть въ Псковѣ плачь и рыданіе.“

Наконецъ эта лѣтопись представляетъ намъ одно мѣсто, которое представляетъ осязательное сходство со Словомъ, хотя это мѣсто вошло сюда, можетъ быть, и при посредствѣ Задонщины. Подъ 1514 г. говорится: „Бысть побоище веліе Москвичемъ съ Литвою, подъ городомъ подъ Оршею, и воскричаша и возопиша жены Оршанки на трубы Московскія, и слышати было стуку и грому великому межи Москвичъ и Литвою, и удариша Москвичи на Литву, Рускія князи и бояре съ дивными удалцы, рускими сыновами на сильную рать литовскую, и треснули копыя Московскія, и гремятъ мечи булатныя о шеломахъ Литовскія! на поли Оршанскомъ—бысть неспособность Божіе Москвичамъ.“

Въ Задонщинѣ XV в. говорится: быти стуку и грому велику межи Дономъ и Нѣпромъ (въ Словѣ: быти грому великому, въ Словѣ о Димитріи—быти стуку великому межи Дономъ и Нѣпромъ).

Въ Словѣ о Димитріи: наѣхали русскіе князи на силу Татарскую и удариша копые харалужными о доспѣхи Татарскіе, возгремѣли мечи булатные о шеломахъ Хиновскіе (въ Задонщ. гремятъ копые хоралужные, мечи булатные, топоры легкіе, щиты Московскія, шеломахъ нѣмецкіе. Въ Словѣ о п. Иг. гримлютъ сабли о шеломахъ, трещать копія хоралужныя въ полѣ незнаемѣ. Въ Сказаніяхъ. и крѣпко ступишася, треснуша копыя харалужныя, звенять доспѣхи злеченныя, стучать щиты черленныя, гремятъ мечи булатныя. На полѣ Куликовѣ сильніи полки еступишася).

Сличая эти выдержки изъ повѣстей о Мамаевомъ побоищѣ и изъ Слова о п. Иг. съ отрывкомъ изъ Псковской лѣтописи, мы замѣчаемъ, что этотъ отрывокъ ближе къ Задонщинамъ, чѣмъ къ Слову и Сказаніямъ. На это

же указываетъ и выраженіе — съ дивными удалцы, встрѣчающееся въ Задонщинѣ XV в. и эпитеты при женахъ: воскричаша и возопиша.

Исторія объ Азовскомъ сидѣніи Донскихъ казаковъ въ 1641 г.²¹⁾, судя по содержанію ея, написана лицомъ довольно начитаннымъ, знакомымъ съ народными былинами и обладающимъ поэтическимъ талантомъ. Составитель ея имѣлъ понятіе о Троянской войнѣ (по мнѣнію Буслаева, она могла быть извѣстна изъ Хронографовъ и изъ Сказанія о взятіи Трои. Христ. стр. 276) и сравниваетъ защиту казаками Азова съ защитой Трои Троянцами (стр. 276). У него встрѣчаются обороты рѣчи, которыя напоминаютъ лѣтописи, напр. птицею ли вамъ изъ Азова летѣти? (Ср. Ип. 430, княже! потьскы не можешь перелетѣти). Знакомство съ народными былинами замѣтно особенно въ употребленіи одинаковыхъ съ послѣдними эпитетовъ, такъ напр. „Простите насъ лѣса темныя и дубравы зеленыя! Простите насъ поля чистыя и тихія заводи! Простите насъ море синее и рѣки быстрыя! Прости насъ, государь, нашъ, тихій Донъ Ивановичъ! Уже намъ по тебѣ и атаману нашему съ грознымъ войскомъ не ѣздить, дикаго звѣря въ чистомъ полѣ не стрѣливать, въ тихомъ Дону Ивановичѣ рыбы не лавливать.“

Что же касается знакомства автора съ Словомъ о полку Игоревѣ, то оно едва ли было непосредственное. Кромѣ указаннаго г. Буслаевымъ олицетворенія Дона и наименованіе его Ивановичемъ и государемъ, какъ Ярославна въ Словѣ называетъ Дидѣрь Словутичемъ и господи-

²¹⁾ Дошла до насъ въ разныхъ редакціяхъ; оди имѣютъ форму историческаго изложенія, другія форму реляціи—официальнаго донесенія. Сводный текстъ по двумъ рукописямъ 17 вѣка съ дополненіями изъ другихъ издавъ Буслаевымъ въ Русской Христоматіи 1870 г. См. также у Рыбн. вып. 4 стр. 162—184 и LXV LXX.

номъ (стр. 286), можно указать еще нѣсколько выражений какъ будто прямо взятыхъ изъ Слова, напр. Крѣпкія, жестокія казачьи сердца ваша (стр. 277), видите вы и сами очима своими (277). Но и эти не многія выраженія, можетъ быть и всего вѣроятнѣе, вошли сюда изъ не дошедшихъ до насъ Задонщинъ.

Всѣ же остальные мѣста, напоминающія Слово о п. Иг., безъ сомнѣнія заимствованы изъ Задонщинъ и Сказаній, какъ это яснѣе будетъ видно изъ сличеній

Въ исторіи:

Въ Задонщинахъ и Сказаніяхъ:

1. Обложеніе Азова.

И крымской царь наступилъ на насъ со всѣми великими Турецкими силами. Всѣ наши поля чистыя Орды Ногайскими изнасѣяны... Отъ силы ихъ многія и отъ рысканья ихъ конскаго земля у насъ подъ Азовомъ потряслася и погнулася,... изъ рѣки у насъ изъ Дону вода на берега выступила отъ такихъ великихъ тягостей, и изъ мѣстъ своихъ вода на луги пошла.

И почали у нихъ въ полкахъ ихъ быти трубли великія въ трубы большія, и игры многія и писки отъ нихъ въ пол-

А трупами татарскими поля насѣяша, а кровью ихъ рѣки протекли (о Дим.).

Въ то же время тутошнія рѣки мутно пошли... вострепетали лузи и болота, езера выступиша изъ мѣстъ своихъ. (Сказанія.)

Громко въ варганы бьютъ, тихо съ поволокою ратныя трубы трубятъ (Сказанія.).

кахъ пошли великіе и не-
сказанными голосами страш-
ными, ихъ бусурманскими.

И послѣ того въ полкахъ
ихъ почала быти стрѣльба
пушечная и мушкетная ве-
ликая какъ есть — стала
гроза великая надъ нами,
страшная, будто громъ
великъ и молнія стра-
шная отъ облакъ бы-
ваетъ съ небеси. Отъ
стрѣльбы ихъ сталъ огонь
и дымъ до неба... и солнце
померкло въ днѣ томъ и въ
кровь превратилось; какъ
есть наступила тьма темная
(стр. 275). Знамена у нихъ
у всѣхъ яныченей великія,
черныя, яко тучи страшныя,
покрываютъ людей. Набаты
у нихъ гремятъ многіе, и
въ трубы трубятъ и въ ба-
рабаны бьютъ, въ велики
и несказанны.

Ужасно слышати сердцу
всякому ихъ бусурманская
трубля: яко звѣри воютъ
страшны надъ главами на-
шими разными голосами (276).

2. Въ отвѣтъ каза- ковъ туркамъ:

И то вамъ, Туркамъ, са-
мимъ давно вѣдомо.

Трепетали сильніи молніи
отъ облистанія мечнаго и отъ
саблей булатныхъ. (Сказ.)

И загремѣли громы ве-
лицыи (о Дим.).

Грозно и жалостно въ то
время бѣше тогда слышати.
(о Димитріи)

Вѣдомо намъ брате у бы-
страго Дону царь Мамай

Гдѣ его рать то перво великая въ поляхъ у насъ, ревутъ и славятся, а завтра въ томъ мѣстѣ у васъ будетъ вмѣсто игоръ вашихъ горести лютыя и плачи многіе.

И давно у насъ въ поляхъ нашихъ летаючи клекчутъ орлы сизые и грають вороны черныя подлѣ Дону тихаго, всегда воютъ звѣри дивні, волцы сѣрые, по горамъ у насъ брешутъ лиситы бурья, а все то скликаючи, вашего бусурманскаго круна ожидаючи.

Прежде всего накормили мы ихъ головами вашими, какъ Азовъ взяли; а то перво вамъ отъ насъ опять хочется того же, чтобъ плоти вашей мы тѣхъ звѣрей накормили ²²⁾ (280)

пришелъ на Русскую землю.
(Слово о Дим.)

Въ Сказаніи:
Придоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ, непрестанно. Гроза бо велика есть слышати. И мнози вороны собрася не обычно, не умолкающе грають, галицы же своею рѣчью говорятъ, и мнози орлы отъ усть Дону прилетѣша (въ Словѣ о Дим. хлѣбчуть, въ Зад. восклекчють), лисицы на кости брешутъ (въ Зад. прибавлено: чуютъ побѣду на поганыхъ).

Едины вороны грають, трупи ради человѣческія (о Дим.).

²²⁾ Въ «Исторіи Славной» нѣсколько иначе: А какъ мы (казаки) взяли Азовъ городъ, тогда мы накормили вашими погаными трупами волковъ сѣрыхъ, лисицъ красныхъ, борзыхъ орловъ, черныхъ воронъ, а послѣ того они давно не ѣдали вашего поганого трупа.

(Рыбн. 4 стр. 164.)

3. Въ изображеніи
приготовленія къ при-
ступамъ и отраженій
ихъ казаками.

Почали въ трубы трубить
въ великія....

Почали играть добръ жа-
лостно....

Отъ трубъ великихъ и
набатовъ — неизреченный
визгъ, дивенъ и страшенъ
приходъ ихъ подъ Азовъ
городъ.

И уста наши кровью за-
пеклись. (282)

Лише мы, молодцы, ору-
жіе прочистили.

Инымъ намъ васъ потчи-
вать нечѣмъ (283).

Не бывать уже намъ на
святой Руси...

Смерть наша грѣшная въ
пустыняхъ, за ваши иконы
чудотворныя, за вѣру Хри-
стіанскую, за имя государ-
ское. (286)

Отъ великихъ трубъ
и набатовъ — неизреченный
визгъ, дивенъ и страшенъ
приходъ ихъ подъ Азовъ
городъ. И уста наши кровью
запеклись. Лише мы, молодцы,
оружіе прочистили. Инымъ
намъ васъ потчивать нечѣмъ.
Нешто тебя (Мамая) князи
Рускіе горозно подчи-
вали (о Дим.).

Татары говорятъ
Уже намъ брате въ земли
своей не бывать и дѣтей
своихъ не видать (о Дим.).

То вамъ сужено мѣсто
межъ Дономъ и Нѣпромъ на
полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ
Непрядѣ и положили еста
головы своя за святыя цер-
кви, за землю Русскую, за
вѣру крестьянскую.

(о Димитріи.)

4. Заключение.

Отъ нашея руки малыя и отъ казачества вольнаго имъ бусурманамъ срамота стала вѣчная отъ всѣхъ земель, отъ царей и отъ королей, а нашему православному государю царю и великому князю Михаилу Теодоровичу, всея Россіи самодержцу слава вѣчная во всѣ орды Бусурманскія, Персидскія, Еллинскія и нашему Атаману Науму Васильевичу и великому грозному войску Донскому слава вѣчная.

(289)

Хотятъ головы своя сложити за вѣру Христіанскую и за твою обиду государя и великаго князя. (Сказ.)

Воздадимъ поганому Мамаю побѣду, а Велик. кн. Дмитрею Ивановичу похвалу и брату его Владиміру Андреевичу (о Дим.).

Вознесется слава Русская по всей земли, а на поганныхъ татаръ, злыхъ бусурмановъ хула и пагуба.

(о Дим.)

5. Отношение Слова о полку Игоревѣ къ Сѣверно-русской народной поэзіи и языку.

Отношеніе Слова о П. Иг къ Русской народной поэзіи было предметомъ очень не многихъ изслѣдованій и замѣчаній; но и эти не многія довольно односторонни и даже не чужды пристрастія. Максимовичъ, который разсматривалъ духъ пѣсни и образъ выраженія ея, привлекалъ къ сравненію преимущественно малорусскія пѣсни и пришелъ къ заключенію, что языкъ пѣсни южнорусскій (2 и 3 ст Максим. въ Ж. М. Н. Пр. 1837 г). Кіевскій рецензентъ Максимовичева перевода на Малорусскій языкъ утверждалъ, что переводы на Великорусскій языкъ никогда не передавали и не могутъ передать внутреннихъ красотъ подлинника, которыя просвѣчиваютъ только въ переводахъ на малорусскій языкъ (Кіев. Вѣд. 1856 г. № 26 стр. 181—183). Другой рецензентъ того же перевода говорилъ, что близкое, тѣсное родство украинскаго нарѣчія съ языкомъ Слова слышится въ переводѣ Максимовича въ каждомъ почти словѣ, въ каждомъ оборотѣ (Спб. Вѣд. 1857 г. № 204). Даже Буслаевъ когда-то утверждалъ, что Слово находится въ ближайшемъ сродствѣ съ Русской поэзіей, именно ю ж н о й (О мнѣнч. выраж. Укр. поэзіи по поводу Собрн. Укр. пѣс. Максим. Москвит. 1850 г. № 18). Въ виду всего этого проф. Ягичъ не иначе называетъ Слово, какъ малорусскою думою, или былиною. ¹⁾

¹⁾ Ягичъ говоритъ въ своемъ изслѣдованіи о Славян. народной поэзіи: *Sto je Slovo?—Ništa drugo, van maloruska дума 12—13 stoljeća, ili maloruska bylina. Reknemo li da je Slovo дума, timi priznasmo njegovu najbližu svesu u načinu poetskog izlaganja s potonjim dumama, o tome se poslije dokaza Maksimovića i Buslaeva ne može sumnjati* (Rad jugosl Akad. 1876 г. XXXVI, 102).

Впрочемъ, въ послѣдствіи тотъ же Буслаевъ находилъ заслуживающимъ особеннаго вниманія сближеніе равныхъ мѣстъ Слова съ соотвѣтствующими изъ великорусскихъ былинъ, сближеніе, сдѣланное Тихонравовымъ при изданіи Слова (Ж. М. Н. Пр. 1867, № 2 съ стр. 44); а Максимовичъ, основывавшій сходство его съ южнорусскою поэзіей на основаніи малорусскихъ думъ и пѣсенъ, въ концѣ своей жизни призналъ не народное происхожденіе многихъ изъ нихъ (Кост В. Евр. № 12 съ 573 стр.), потому приготовляемое имъ новое изданіе Слова съ обширными объясненіями (сообщено Ив. С. Некрасовымъ), вѣроятно, и не вышло въ свѣтъ.

Во всякомъ случаѣ мнѣніе о сходствѣ Слова только съ малорусскою поэзіей сдѣлалось какъ бы научнымъ положеніемъ и приводится во многихъ исторіяхъ русской литературы и учебникахъ (Галаховъ 61, Карауловъ — 41, Стоюнинъ — 30).

Между тѣмъ, даже бѣгло просматривая памятники Сѣвернорусской народной поэзіи, всякій замѣтитъ большое сходство ея со Словомъ. И въ Словѣ, и въ Сѣвернорусской народной поэзіи отражаются духъ и черты характера одного и того же народа Русскаго, да и самый способъ выраженія мыслей въ томъ и другой одинаковъ. Въ Велико-русскихъ былинахъ, пѣняхъ, причитаніяхъ и поговорокъ замѣчается сходство со Словомъ нисколько не меньшее, какое подмѣчено было относительно Малорусской поэзіи. Здѣсь мы имѣемъ въ виду привлечь къ сравненію съ Словомъ выраженія и слова, заимствованныя изъ Велико-русской и Бѣлорусской народной поэзіи и языка, оставляя въ сторонѣ Малорусскую поэзію, такъ какъ сравненія съ нею, сдѣланныя Максимовичемъ и Буслаевымъ, недавно значительно пополнены еще Потебнею (Фил. З. 1877 и 1878 г.).

Въ Словѣ встрѣчаются мифическія намеки и повѣрья, какъ остатки язычества, тоже самое можно найти и въ Велико-русской народной поэзіи. Такъ напр. здѣсь находимъ:

1 Вѣрованіе въ оборотничество:

Оберну Добрыню я сорокою,
Оберну Добрыню я вороною,
Оберну Добрыню я свиньею,
Оберну Добрыню я гнѣдымъ туромъ.

(Гильф. Он. б. стр. 833)

Обернула тутъ его да горносталушкомъ,
Взяла горносталина попуживать,
Обернула тутъ она его соколикомъ.

(Гильф. Он. б. стр. 29).

Или:

Похотѣлося Вольгѣ много мудрости:
Щукой рыбою ходить ему во глубокихъ моряхъ,
Птицей соколомъ летать ему подь оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать да по чистымъ полямъ.

(Гильф. Он. б. стр. 795).

Подобное же изображеніе эпического лица встрѣчается и въ апокрифахъ, въ давнее время заимствовавшихъ его изъ народной поэзіи, изъ какойнибудь пѣсни, подобной теперешнимъ былинамъ.

Когда жена Соломона была увезена, онъ растужился и падъ на землю и полетѣ по поднебесью (подъ небеса— Пам. Ст. л. в. III стр. 67) яснымъ соколомъ и не нашелъ подь небеснымъ облакомъ, и поиде по землѣ лютымъ звѣремъ и нигдѣ не обрѣте, и поплы щукою въ море, и не нашелъ (Весел. о Солом. и Кит стр. 233).

Всѣ эти изображенія напоминаютъ образъ, въ какомъ рисуется въ Словѣ вѣщій Всеславъ, волкомъ перебѣгавшій путь Хорсу. Да и самой быстротѣ бѣга Всеслава есть соответствующія изображенія въ былинахъ и пѣсняхъ:

Изъ Кіева бѣжать до Чернигова

Два девяноста то мѣрныхъ верстѣ

Промежъ обѣдней и заутренею.

(Кир. III стр. 5).

Стояль то я заутрену во Муромлѣ,
Поспѣвалъ то къ обѣднѣ въ стольно-Кіевъ градъ.
(Рыб. I стр. 59).

Или:

Милъ садился на коня,
Шевельнулъ уздою,
Коню шпоры подъ бока,
Конь его стрѣлю.
(Шейнъ Р. н. п. стр. 95).

Въ Словѣ одинокая Ярославна кукушкою хочетъ нестись къ своему отсутствующему милому полечу зегзицею по Дунаеву. Отголоскомъ этого мифическо-поэтического образа въ Великорусской поэзіи является слѣдующее изображение одиночества:

Если бы мнѣ молодцу
Имѣть сизы крылышки,
На сизомъ на крылушкѣ
Золотыя перушки,
Вздынулся бы я высоко,
Полетѣлъ бы я далеко
Къ любушки, сударушки,
Сталь бы гурковати
Свой голосъ подавати.
(Шейнъ Р. н. п. стр. 307).

Въ Бѣлорусской пѣснѣ:

Кабы я была да пташенька,
Поляцѣла бы да на море.
(Ш. Бр. п. стр. 120).

Или:

Якъ позычу, позычу у зязюленьки крыля.
Якъ полячу, полячу къ матынцы у госци.
(Ш. Бр. п. стр. 239).

2. Вѣрованіе въ вѣщую силу птицъ:

Воронъ-отъ вѣщая птица:
(Гильф. Он. б. 1276).

Налеталъ надъ шатеръ вѣща птица,
Вѣща птица да черныи воронъ,
Черныи воронъ самъ прокыривалъ
И нерадошну вѣсточку сказываетъ.

(Рыбн. III, стр. 54.)

Въ Словѣ: босувѣ врани възграаху, предвѣщая не-
счастіе Игоря:

3. Вѣрованіе въ предвѣстіе несчастья или неудачи
какимъ нибудь явленіемъ въ природѣ, напр.

а) появленіемъ тумана (въ Словѣ солнечнымъ затмѣніемъ):

Не по Дюковой пало участи,
Напалъ туманъ съ маревомъ:
Невидно пути-дороженьки.
Сидучись то Дюкъ самъ дивуется.

(Рыб. II, стр. 136)

Не счастливый выпалъ часть,
Подымался съ горъ туманъ,
Подымался съ горъ туманъ,
Французъ силу набиралъ.

(Кир. вып. 10 стр. 11).

б) появленіемъ хищныхъ звѣрей и птицъ:

На дубахъ орлы воскрежетаи,
Въ лѣсахъ звѣри засвистали,
Лѣсъ улицы попадалъ.
Раздумался Дюкъ, распечалился.

(Рыб. II, стр. 137)

Въ Словѣ орлы клетомъ звѣри на кости зовутъ.

в) сюда же относится и предвѣстіе неудачи тучами,
громомъ и молніею, бывшими въ день пораженія Игорева
войска, а также и представление приближающагося врага
или несчастья въ образѣ грозной тучи и вихря:

Нанесло тучу черную
Со громамы со трескучима,

Съ молоньямы со сверкучима,
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ.

(Рыбн. III, стр. 403.)

Или:

Не пылъ въ полѣ пылится,
Не туманъ съ моря подымается,
Не грозна туча накатается,
Не изъ той тучи молонья сверкать,
Подымалась силушка зла невѣрная.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 79)

Въ Бѣлорусской пѣсни:

Узнималась туча грозная,
Снѣговая, непогодливая,
Со дождями, со морозами,
Со вѣтрами, со нятихими;
Дочка у гosci пробиралася
На ломаной цыляжоночки
И на худой кобыленушкѣ.

Шейн. Бѣлор. п. стр. 240)

Или:

Шумъ по дубравѣ
Што и за пылъ по дорожѣ?
Иванька воютца.

(Ш. Бр. п. стр. 303.

4. Вѣра въ сочувствіе природы человѣку при его несчастіи или смерти въ Великор. народ. поэзіи выражается очень часто и очень живо, напр.

Пріутихло пріуныло море синее,
Глядючись, смотрячись со черныхъ кораблей
И со тѣхъ марсовъ корабельныхъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныхъ
И на тѣ на красны бережки,
Пріутихли, пріуныли круты красны бережки,
Пріутихли, пріуныли поля зеленя,

Преставляется царица благовѣрная,

Молодая Софья дочь Романовна.

(Якушк. Н. р. п. стр. 69)

Я знаю про то вѣдаю:

На Руси то трава растетъ не постарому,

Цвѣты цвѣтутъ не попрежнему,

А видно Вольги то живаго нѣтъ.

(Рыбн. I, стр. 4)

Изъ плача по мужѣ:

День ко вечеру теперь да коротается

Лѣса къ земли то теперь да преклоняются,

Красно солнышко ко западу двигается.

(Барс. Причит. стр. 11.)

Я зглянула какъ на рощицы зеленыя,

Что уныло стоитъ рощица зеленая,

Вси пруточки на деревьяхъ приломилися,

По сырой землѣ листочки разстилаются,

Шелкова трава въ садѣ развивается,

Вси поблекли эти розовы цвѣточки,

Какъ жуныть да теперь птички не попрежнему,

Приуныли эти жалки соловейшки.

(Бар. Пр. стр. 189)

Такое же сочувствіе природы несчастію находимъ и
въ Бѣлорусской народной поэзіи:

Мижъ тѣхъ пташечекъ зязюленька

Слезно, жалосно кукуиць,

Ажны зеленая траука

Къ зямлѣ прилегаиць.

(Шейнъ Бр. п. 473)

Зялений лясочикъ

Къ зямлѣ приклониуся.

(Ш. Бр. стр. 250)

Все это напоминаетъ то сочувствіе природы, вслѣд-
ствіе чего, по Слову, трава никнетъ отъ жалости и древо
съ туюю къ землѣ приклоняется.

Сочувствіе природы въ Словѣ выражается еще п омут-
нѣніемъ водъ; (рѣкѣ мутно текутъ, Двина болотомъ те-
четъ) и стономъ земли: (земля тутнетъ). Этому соотвѣст-
вуетъ въ Великор. поэзіи:

Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь все чистехонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, сверху донизу
Ужъ какъ то мнѣ все мутну не быть?
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ.
(Сказ. Сах. стр. 240)

Нонь я долѣщица великой кручинушки,
Половинщица злодійной я обидушки.
Мнѣ куды съ горя горюши подѣваться?
Разсадить ли мнѣ обиду по темнымъ лѣсамъ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко:
Какъ посохнутъ все кудрявы деревиночки.
Мнѣ разсѣять ли обиду по чистымъ полямъ?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко:
Задернать да все распахисты полосушки.
Мнѣ спустить ли обиду во быстру рѣку?
Уже тутъ моей обидушкѣ не мѣстечко:
Заболотѣть вода да во быстрой рѣченькѣ,
Заволочится травой мило озерышко.
(Барс. Прич. стр. 17)

Въ Бѣлорусской:

Синяя рѣчинька быстрашла,
Назавтра рѣчинька смутненька,
Прициснуу яе лютъ морозъ,
Обняла яе (Тацюшку) чужина
(Шейн. Бр. п. стр. 476)

Нагнано тутъ силы Татарскія,
Что мать сыра земля колеблется,
Колеблется земля, погибается,

Померкло солнышко красное
Отъ того отъ пару отъ татарскаго.

(Рыбн. I, стр. 103—104)

5 Представленіе неодушевленной природы живою,
напр , рѣки:

Рѣка быстра, вода чиста!

Ты возьми горе съ собой.

Рѣка быстра отвѣчала:

Не пойдетъ горе со мной.

Ш. р. н. п. стр. 295

Что ты, рѣченька, ты шумишь, гремишь,

Что ты быстрая молвишь, взговоришь?

Слово молвила, былъ бывалую:

Трехъ враговъ несу съ кровью алою,

Съ кровью алою царю бѣлому.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 112)

Закричала она своимъ обычнымъ голосомъ:

Охъ ты сгой еси матушка—Дарья рѣка!

Еще есть ли по тебѣ броды легкіе?

(Этн. сб. 6 стр. 92)

Ай ты, матушка, черная рѣчка Смородинка!

Есть ли чрезъ тебя рѣка переходы ты узкіе?

Да отвѣтъ держать рѣка ему Смородина:

Ай ты удалый, дородній добрый молодецъ!

Есть чрезъ меня рѣчку Смородину,

Есть переходы ты узкіе,

Да и переброды есть мелкіе,

А есть три мосточка калиновы,

А ты поѣзжай-ка дородній добрый молодецъ,

Я тебя и такъ топерь пропущу

(Гильф. Он. 6. стр. 1194)

Такъ точно, по Слову, велъ разговоръ съ Игоремъ
Донецъ, привѣтствовавшій его съ возвращеніемъ изъ плѣна
и содѣйствовавшій его бѣгству.

Въ Словѣ поражение войска Игорева вызываетъ печаль городскихъ стѣнъ: уныша бо градомъ забрали, а веселіе пониже; такая же печаль приписывается городской стѣнѣ какъ живому существу и въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Случилось итти турамъ мимо Кіевъ градъ,
Мимо тую стѣну городовую.

Оны видѣли надъ Кіевомъ чуднымъ, чуднымъ чудно:

Подъ тоей ли стѣной городской

Ходить дѣвица-душа красная,

Во рукахъ держитъ книгу Леванидову,
Не столько читаетъ, вдвоемъ она плачетъ.

Не дѣвица тутъ ходитъ душа красная,

А тутъ плакала стѣна-мать городовая,

Она вѣдала невзгодушку великую.

(Рыбн. I, стр. 174).

6. Миѳическое существо въ Словѣ о б и д а, несчастіе, являющееся въ образѣ дѣвы, плещущей лебедиными крыльями на синемъ морѣ у Дону, пробуждая жирныя времена, и въ великорусской поэзіи рисуется въ такомъ же точно образѣ. Здѣсь несчастіе, недоля называется во-первыхъ обидою:

Мнѣ спустить ли обиду въ быстру рѣку?

(Пр. Бар. стр. 17).

Скрозь околенко видяѣветъ кручинушка,

Скрозь другое выглядитъ зла обидушка.

(Бар. II. стр. 167);

Во-вторыхъ, горе дѣвицы сравнивается съ плаваніемъ птицъ по синему морю:

На синемъ на морѣ двѣ утки плавали,

Въ высокомъ теремѣ двѣ сестрицы плакали.

(Ш. Р. н. п. стр. 532).

На морѣ утушка купалася, полоскалася,

Встрепенувши сѣрая утка вскрикнула:

Какъ мнѣ съ дѣвушками разставатися?

(Ш. Р. н. п. стр. 449).

Здѣсь дѣвица плачетъ о своемъ прежнемъ, обильномъ радостями, дѣвичьемъ житиѣ.

Тоже значеніе имѣетъ купанье въ морѣ и въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

На морѣ вутка купалася
На бережочку сушилася,
Яжъ молодзенька журилася.

(Ш. Бр. п. стр. 121).

На мори вутка купалася
Млада Кулинка стужилася.

[Ш. Бр. п. стр. 155].

Наконецъ дѣвица сравнивается именно съ крылатою лебедью и ея горе съ крикомъ лебеди:

Енъ (соколь) все стадо разогналъ.

Одное лебедушку ухваталъ,

Ахъ что лебедушку душу,

Златокрыльцату свою.

(Ш. Р. п. стр. 48).

Ахъ и по морю, морю Хвалынскому

Плыла лебедь, лебедь бѣлая,

Плывши лебедь встрепенулася,

Подъ ней вода всколыхнулася.

Гдѣ ни взялась красна дѣвица — душа...

(Сахар. Сказ. т. I, стр. 54.)

Въ полѣ лебедушка кричала,

Во теремѣ Авдотья плакала.

[Ш. Р. п. стр. 446].

Я снесу тебя на Вогу рѣку

Ко бѣлымъ ко лебедушкамъ,

Отойду я, лягу, послушаю:

Не кипетъ ли лебедь бѣлая?

Не пладетъ ли дѣвья красота?

Кипетъ, кипетъ лебедь бѣлая,

Пладетъ, пладетъ дѣвья красота.

(Ш. Р. п. стр. 556).

7. Вѣра въ сны составляетъ остатокъ язычества. Въ Словѣ сонъ Святослава служитъ вступленіемъ къ повѣствованію о занимающей его были; тоже и въ великорусскихъ историческихъ пѣсняхъ сны служатъ вступленіемъ къ творческой были о какихъ нибудь важныхъ событіяхъ, напр. вступленіемъ къ былинамъ о Шведской войнѣ служитъ слѣдующій сонъ дѣвицы съ объясненіемъ его матерью:

Вечоръ то мнѣ, матушка, малымъ мало спалось,
Какъ привидѣлась мнѣ, матушка, крута гора во снѣ,
Что на крутой на горѣ бѣлъ горючъ камень лежить,
А на камнѣ выросалъ часть ракиновый кустъ,
Какъ на кустикѣ сидитъ птица младъ сизый орель,
Въ когтяхъ своихъ онъ держитъ черна ворона.

Что возговоритъ родная ея матушка:

Я тебѣ дитя сонъ этотъ раскажу.

Что крута гора, то каменна Москва,

Бѣлъ горючъ камень—то нашъ кремль городъ,

Сизый орель—то нашъ батюшка Православный царь,

А черной воронъ—то Шведскій король;

Побѣдитъ нашъ государь землю Шведскую

И самого короля во полонъ возьметъ

(Кир. вып. 8 стр. 115).

Позднѣе подобнымъ же сномъ открывается кругъ пѣсенъ про войну 1812 г.:

Не спалось дѣвкѣ, не дремалось,

Ничего во снѣ не видалось,

Только видѣлся сонъ безсчастный:

Какъ буйны вѣтры подымались,

Сы хоромъ верхи срывали,

Что по самыя по окошки.

Только видѣлось дѣвкѣ

Какъ Французъ Москву разоряе,

Красну дѣвицу въ полонъ взяли.

(Кир. вып. 10 стр. 3).

Такіе же сны съ толкованіемъ встрѣчаются и въ свадебныхъ и другихъ пѣсняхъ:

Притомилась Доня, притомилась,
На тесовую кроватку спать ложилась,
Не пріятенъ сонъ Донѣ пригрезился:
Мой любезенькій во дали живетъ.
(Ш. Р п. стр. 296).

Какъ нашей дѣвушкѣ темной ночи не спалось.
Кабы въ избыщѣ старыя углы прочь отбивались,
По той по избышкѣ шла гусыня сыпучая,
На кроваткѣ въ уголушкѣ двѣ лебедки бѣлыя.....
Я твой сонъ весь разсужу, по словесно разскажу.
Избища старая—то чужая сторона,
Углы прочь отвалилися—незнакомые людишки,
Гусыня сыпучая—то свекровь лихучая,
Лебедушки бѣлыя—то невѣстки бѣдныя.
(Шейн. Р п стр. 552).

Послѣднему сну есть соответствующій въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Охъ матынка, матынка!
Что я за сонъ видѣла.
Дле печи, матынка,
Гусочка гагаука,
Средь хаты, матынка,
Ластауки касатыя,
А за печью, мытынка,
Двѣ голубки бѣленькихъ.
Дочушка, дочушка!
Я твой сонъ разгадаю:
Гусочка гагаука,
Свикроука ягаука,
Ластауки касатыя—
Золоуки щекатыя,

Двѣ голубки бѣленькихъ —
Двѣ невѣсты бѣдненькихъ.

(Ш. Бр. п. стр. 236)

8.) Въ Словѣ есть еще намекъ на повѣріе, что пятница — несчастный день для начала дѣла, — по Слову, въ этотъ день началась битва съ Половцами, другіе дни битвы не названы, не названъ даже день пораженія, говорится только въ третій день. Это повѣрье у Влкр. народа и въ поэзіи его сохранилось до сихъ поръ.

Породила меня матушка

Во безчастной день во пятницу.

Сак. Ск. т. I стр. 203.)

Или вдова жалуется:

Мы съ тобой, свѣтъ да спорядная сосѣдшка,

Во несчастный день — во пятницу засіяны.

(Барс. Пр. стр. 10)

Бѣлинскій въ своемъ разборѣ Слова, считая его поэтическимъ отпечаткомъ поэтического и человѣческаго духа южной Руси, произнесъ вмѣстѣ съ этимъ очень строгій приговоръ надъ сѣверной Русью, находя въ ней лишь грубость и дикость, и отсутствіе нѣжныхъ родственныхъ отношеній. По его мнѣнію, только Малороссіи свойственно, что братья кротко и нѣжно высказываетъ брату свою родственную къ нему любовь, только Малороссіи свойственно, чтобы въ укорахъ отца слышался не гнѣвъ оскорбленной власти, а ропотъ оскорбленной любви, чтобы жена глубоко любила мужа и мужъ умѣлъ цѣнить такую женщину. Такой приговоръ надъ цѣлымъ народомъ крайне несправедливъ и стоитъ въ совершенномъ противорѣчій какъ съ жизнью (исключенія въ расчетъ не принимаются), такъ и Сѣверно-русскою народною поэзію.

Уже въ былинахъ крѣпость и прочность кровныхъ братскихъ узъ изображается въ такъ называемомъ — названномъ братствѣ, основанномъ на свободной душевной привязанности. Богатыри, оставивъ родину и разлучившись съ

своими кровными, не могли заглушить въ себѣ потребности имѣть привязанность къ близкому, родному человѣку, и потому каждый изъ нихъ считалъ непремѣнно обязанностію найти хоть названнаго брата:

У нихъ крестамы побрѣталось,
Благдена была заповѣдь великая,
Подписи были подписаны—
Слухать большому брату меньшаго,
А меньшому брату большаго.

(Рыбн. I, стр. 96)

Этимъ они обязывались стоять другъ за дружку и не давать кого либо въ обиду, что всенепремѣнно и выполняли:

Илья есть мнѣ братецъ названный,
Онъ мнѣ есть братецъ большій,
А я ему братецъ меньшій.
Я за своего братца хочу постоять.

(Рыб. III, стр. 31)

Въ историческихъ пѣсняхъ встрѣчается прекрасный образецъ выраженія нѣжной братской любви,—это въ пѣснѣ „изъ Крыму изъ Ногаю“.

А ѣхали два братца родимые,
Подъ большимъ то братомъ конь уставаетъ,
А меньшей за большаго умираетъ.
А и гой еси, мой братецъ родимой,
А я тебя братецъ посверстыве,
А пѣша ту дороженьку повыву.

(Древн. р. ст. стр. 213) ²⁾

Братская любовь и взаимная помощь рисуются и въ позднѣйшихъ пѣсняхъ, какъ напр.:

²⁾ По малорусскимъ пѣснямъ «О побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова» меньшей—пѣшій оставленъ старшими—конными одинъ въ полѣ, на произволъ судьбы, и погибъ въ пустой степи отъ изнеможенія, отъ голода и жажды (Ист. и. Мал. и. Антон. и Драгом. т. I, стр. 106—134 и 331 и пр.).

Какъ братецъ къ братцу въ гости приходиль.
Родимый ты мой братецъ, пожалуй ты мнѣ коня!
Пожалуй ты мнѣ коня съѣздить до села.
Родимый ты мой братецъ, бери безъ проша,
Бери безъ проша, ступай куды хошь.
Родимый мой братецъ поѣдемъ со мной
Сватать за меня, другую за тебя.

(Шейнъ р. н. п. стр. 330)

Лучшій нашъ знатокъ былинъ и обогатившій науку весьма обстоятельнымъ изслѣдованіемъ о нихъ О. Миллеръ свидѣтельствуетъ, что власть родительская не представляется въ нихъ принудительною, деспотическою, и богатыри не рабски слушаются родителей, а любятъ и уважаютъ ихъ (Оп. ист. обозр. стр. 229).

Тоже отношеніе родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ находимъ въ другихъ видахъ народной великорусской поэзіи. Въ пѣсняхъ нѣжность родительской любви рисуется словами дѣтей:

Какъ первый то свѣтъ—родимый мой батюшка,
А другой то свѣтъ—радость моя матушка.

(Ш. р. н. п. стр. 446)

Но особенно глубокая любовь дѣтей высказывается въ плачахъ; она могла быть вызвана только такою же любовію самихъ родителей:

Ужъ скажи тко красно солнышко,
Ты родитель да мой батюшка!
Мнѣ ка въ комъ искать желаньца?
Какъ у меня бѣдной горяшницы
Подъ угломъ да нѣту тетюшки,
Во сусѣдахъ нѣту дядюшки.

(Барс. Пр. стр. 47)

Изъ приведенныхъ словъ плача видно, что опорой для младшаго поколѣнія служатъ не только родные, но и родственники—дядя и тетка. Это служитъ доказательствомъ, что родственная любовь очень сильна въ великорусской семьѣ.

Тоже нужно сказать и о супружеской любви. Уже въ былинахъ находимъ ее въ обѣтѣ Потока Михайлы Ивановича съ женою, даннымъ ими при вѣнчаніи и въ точности исполненномъ обоими.

Кто перво умереть,

Второму за нимъ живому въ гробъ итти.

(Др. р. ст. стр. 151)

Между пѣснями есть такія, въ которыхъ изображается любовь мужа къ женѣ и жены къ мужу:

1 Стелется—вьется

По лугамъ травка зеленая,—

Андрей жену цѣлуетъ,

Васильевичъ милуетъ.

(Ш. р. н. п. стр. 422)

Я за стрѣчу добрую —сошью тебѣ кунью шубу,

Я за слово ласково —солью тебѣ златъ перстень.

(Ш, р. н. п. стр. 529)

Какъ уѣдешь ты, родитель родной батюшка,

Со своей да ты семьей—женой любимой...

(Бар. Пр. стр. 86)

2. Не примаю, не примаю, другъ, коня

За великую за грубость за твою.

Часто ѣздишь ты у гости безъ меня,

А постелюшка простыла безъ тебя...

Возголовнице заиндивѣло,

Подушечки потонули у слезахъ.

(Ш. р. н. п. стр. 422.)

Думать мнѣ думушку со милымъ дружкой,

Та мнѣ думушка и крѣпка и вѣрна.

(Ш. р. н. п. стр. 464.)

Не съ кѣмъ мнѣ молодежѣ

Ночку ночевать,

Безъ мила дружка

Обуяла грусть тоска,

Грусть тоска беретъ,
Далеко милый живетъ.

(Ш. р. н. п. стр. 173)

Особенно же любовь жены сказывается въ многочисленныхъ плачахъ по мужѣ, который часто называется милой ладушкой:

Ой не дай же, Боже Господи,
Также жить бѣдной горящицѣ
Безъ тебя да мила ладушка.

(Бар. Пр. стр. 36)

Бѣлинскій замѣчаетъ еще, что и въ духѣ богатырскаго удалства Слово имѣетъ сходство съ Малорусскими думами; при этомъ онъ Сѣвернорусскую поэзію обходитъ молчаніемъ. Между тѣмъ ознакомленіе съ послѣднею показываетъ, что и въ этомъ отношеніи Слово имѣетъ сходство съ былинами. Въ нихъ удалъ прежде всего выражается въ добровольномъ выѣздѣ богатырей изъ родительскаго дома для того чтобы—

Ѣхать въ Киевъ градъ ко князю Володимеру
На поможение и сбережение.

(Кир. I стр. 25).

Здѣсь богатыри составляли дружину князя и искали, какъ Игоревъ и Всеволодова дружина, себѣ чести, а князю славы. Они то по просьбѣ Владиміра выѣзжали на борьбу со врагами. то добровольно вызывались на бой:

Я могу служить—стоять за Киевъ градъ.

(Рыб. I стр. 81).

Говоритъ Илья Муромецъ, и за то—

Ильюшѣ слава не минуется.

(Рыб. I стр. 85.)

Въ былинахъ, какъ и въ Словѣ, богатыри отличаются прямою характера и неустрашимостію предъ опасностями:

Не честь, хвала то мнѣ богатырская
Ѣхать дорожкой окольной,
А я поѣду дорожкой прямоѣзжею.

(Рыб. Ш, стр. 26.)

Посмотрѣль Ермакъ на силушку великую,
Его сердце богатырское не ужаснулося.
Въѣхалъ онъ во силушку великую,
Сталъ онъ эту силушку конемъ топтать,
Конемъ топтать, копьемъ колоть.

(Рыб. I, стр. 111.)

Послѣдніе стихи напоминаютъ изображеніе Всеволода: камо туръ поскачаше, тамо лежатъ поганыя головы Половецкія, поскепаны саблями калеными шелома оварскія; въ былинахъ еще:

И зачалъ издолиной помахивать,
Буды махнетъ—тутъ улочки,
А взадъ отмахнетъ—тамъ переулочки.

(Рыб. Ш, стр. 37.)

Здѣсь кстати укажемъ и на другія бытовыя стороны въ Словѣ, которыя одинаково изображены и въ Сѣверно-русской поэзіи.

а) Въ словѣ есть намѣкъ на бой изъ-за дѣвицы или невѣсты: Всеславъ кинулъ жребій о дѣвицу себѣ любую; въ былинахъ.

Кощей говорить Ивану Годиновичу:
Станемъ ка, Иванъ, бой держать,
Кому въ бою будетъ Божья помощь,
Кому владѣть Настазьею, дочерью Митріевою.

(Рыб. Ш, стр. 115).

б) Въ Словѣ входы на русскую землю и выходы оберегались князьями и назывались вратами: затворивъ Дунаю ворота, отворяеши Кіеву врата; въ былинахъ эта охрана лежала на обязанности богатырей:

Что по край было синя моря,
На богатырской на заставѣ,

Стояли тутъ пять богатырей:
Первой—Илья муромецъ,
Не пропускали они ни коннаго,
Ни коннаго и ни пѣшаго,
Пошелъ Илья на Днѣпръ рѣку....

(Кир. I, стр. 7).

Тамъ была застава великая,
Было сорокъ человекъ да разбойниковъ.
Все сильныи могучіе богатыри,
Заперта была земля латинская,
Не было не выходу, не выѣзду...

(Рыб. III, стр. 46).

Да тутъ темныи лѣсы, что Смоленскіе,
А широки врата да Чигиринскіе.

(Гильф. Он. б. стр. 283).

в) Князя, по Слову, кромѣ военныхъ подвиговъ, занимались охотою: Игорь стрѣль гусей и лебедей къ завтраку, обѣду и ужину; тоже занятіе свойственно богатырямъ и пѣсеннымъ героямъ:

Ѣздитъ (Добр.) по тихимъ заводамъ,
Стрѣляетъ гусей, лебедей, пернату утушку.

(Рыб. I, стр. 76).

На мори, на синемъ озеріи

Тамъ Иванъ бѣлыхъ лебедзей стрѣляиць

(Ш. Бр. п. стр. 202)

г. По Слову, побѣда сопровождалась пѣснями побѣдителей: поютъ славу Святославу, готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю; въ былинахъ тоже:

Тутъ вѣкъ про Илью старину поютъ—

Синему морю на тишину,

А вамъ, добрымъ людямъ, на послушанье.

(Рыб. III, стр. 15)

Синему морю на утѣшенье,

Быстрымъ рѣкамъ слава до моря.

(Др. р. ст., стр. 20)

Самыя пѣсни иногда заканчиваются пѣніемъ славы
главнымъ героямъ, какъ въ Словѣ:

Слава Игорю, Всеволоду и Владиміру, княземъ слава,
а дружинѣ аминь. Въ пѣсняхъ каликъ:

Мы славу поемъ

И Давиду и Евсеевичу.

И во вѣкъ его слава не минуется,

И во вѣки вѣковъ аминь.

(Безс. Кал. перех. I, стр. 323).

А мы вѣкъ большимъ царямъ славу поемъ,

Имъ вѣкъ слава не минуетъ,

Во вѣки вѣковъ аминь.

(Б. К. п. стр. 292).

Слава ему (Роману) вѣкъ по вѣку не минуетъ.

(Рыб. I, стр. 438).

д) Пѣсни, по Слову, сопровождались игрою на гус-
ляхъ: Боянъ свои вѣщія персты накладывалъ на живыя
струны, и они княземъ славу рокотаху Тоже находимъ
въ былинахъ и пѣсняхъ:

Сталь тутъ Ставрѣ гуселокъ налаживать.

(Рыб, II, стр. 101.)

Натягивалъ тетивочки шелковыя

На тья струночки золоченыя,

Учелъ по стрункамъ похаживать,

Учелъ онъ голосомъ поваживать.

(Рыб. I, стр. 136)

Онъ самъ гусямъ приговариваетъ:

Ай вы гусли, мои гусли звончатя,

Ахъ вы струны мои, струны золотыя,

Ай вы мысли, мои мысли молодецкія.

(Ш. р. н. н. стр. 354)

Ня пуцу дзяцятка

Гусликъ послушай

И пѣсиныкъ научицца.

Тые цябе гусильки
Молоду зъ ума звядуць,
Тые цябе пѣсинки
Молоду состаріюць.

(Ш. Бѣлор. п. стр. 131)

е) Наконецъ пораженіе или плѣнъ сопровождался, по слову, плачами: жены русскія въсплакашась, аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни дуемою сдумати, а злата и серебра ни мало того потрепати. Ярославна рано плачетъ на заборолѣ, зегцицею не знаемъ рано кычать.

Въ сѣвернорусскихъ историческихъ пѣсняхъ плачи жены по умершемъ мужѣ обыкновенныя явленія:

Подошла она (царица) къ гробницы бѣлой аспидной,
Стала она плакать и рыдать.

(Кир. вып. 6, стр. 208)

Тутъ бѣлая лебедушка жалко воскликнула,
Милосердна наша государыня слезно восплакнула.

(Кир. в. 8, стр. 278)

Но особенно напоминаютъ плачи слова причитанія Сѣвернаго края, записанныя Е. Барсовымъ. Въ нихъ найдемъ и старое названіе мужа ладой, и обращеніе къ вѣтрамъ, и роняніе слезъ въ воду, и жалобу на солнце:

Отворитесь очи ясныя,
Погляди-тко моя ладушка
На меня, да на побѣдную.

(Бар. Пр. 35).

Все я думала побѣднымъ буйнымъ разумомъ:
Я подумаю то крѣпкой съ нимъ вѣдь думушки.
На глаза ко мнѣ мой свѣтъ да ты не явишься,
На сговоры мнѣ побѣдной не сдаваешься,
Видно, нѣтъ тебѣ тамъ вольной этой волюшки,
Видно, вѣкъ мнѣ ка горюшѣ не видать буде,
Видно, на слыхѣ побѣдной не слыхать буде.

(Пр. 31).

Ты во снѣ нонь не покажешься,
На яву мнѣ не привидишься.

(Пр. стр. 163).

Я просить буду побѣдная головушка:
Війте вѣтры, війте вѣтры, столько вѣтрушки,
Столько війте вы, буйны вѣтероченьки,
На эту могилу на умершую.

(Пр. стр. 28.)

Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
Разнесите съ небесъ снѣжки бѣлые.

(Кир. вып 8, стр. 279)

Сосѣдка совѣтуетъ вдовѣ:

Ты повыбери свободну пору -- времячко,
Ты выдь-ко тамъ ко быстрой ко рѣченькѣ,
Сядь, побѣдаушка, на крутой этотъ бережокъ,
Тутъ павыскажи обидную обидушку,
Руги слезушки, горюша, во быстру рѣку.

(Прич. стр. 14)

Распекае красно солнышко
Среди да лѣта теплаго,
Не согрѣетъ сиротинушки....

(Прич. стр. 69)

Внѣшняя форма поэтическаго представленія -- эпическій складъ или стиль Слова имѣетъ также полное сходство съ Сѣвернорусскою поэзіею. Сюда относятся слѣдующія эпическія формы:

1 Уподобленіе сраженія посѣву и уборкѣ хлѣба, напр.

За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было Утвинскимъ,
По раздольицамъ по широкимъ
Распахана была пашинка яровая;
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою,
А вострыми Мурзавецкими копьями,

Не бороною была пашенка взборнована,
А конскими рѣзвыми ногами,
Не рожью посѣяна была пашня, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая
Казачьими буйными головами,
Не поливой она исполивана,
Ни осеннимъ сильнымъ дождичкомъ,
Всполивана была пашенка
Казачьими горячими слезами.

(Сахар. Сказ. т. I стр. 243)

Не обманывай, красный молодецъ!
Казань городъ во крови стоитъ,
А Казанка рѣчушка кровью бѣжить.
По горамъ, горамъ все головушки,
Все головушки, да все буйныя,
По лугамъ, лугамъ все черны кудри,
Все черны кудри молодецкія.

(Кир. в. 6 стр. 14)

Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью,
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами,
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками,
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами,
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

(Кир. вып. 8 стр. 173)

Не чернымъ то зачернѣлось,
Зачернѣлось Турецкое чистое поле,
Не плугами поле, не сохами пораспахано,
А распахано поле конскими копытами,
Засѣяно поле не всхожими сѣмянами,

Засѣяно казачьими головами,
Заволочено поле казачьими черными кудрями.
(Кир. вып. 9 стр. 220)

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ.

У насъ сѣгодня вайна была:

Усе поля звоивали,

Усе жита попожали

И у кони поклали.

(Шейнъ, Бѣлор. п. стр. 213)

Въ эти картины очень близки къ тѣмъ въ Словѣ, въ которыхъ рисуется, что черная земля подъ коньими костьми была посѣяна и кровію полита, что на Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами харалужными, вѣютъ душу отъ тѣла, кровавыя березы Немизи не бологомъ были посѣяны, а посѣяны костьми русскихъ сыновъ.

2) Въ Словѣ смерть на полѣ брани, называемая судомъ Божиимъ, уподобляется брачному пиру, на которомъ сражающіеся упеваются виномъ. Тоже уподобленіе находимъ и въ Сѣверно-русской поэзіи, равно какъ и названіе смерти судомъ, судомъ Божиимъ, напр.:

И тутъ то Ильѣ не къ суду пришло:

Увернулся онъ за печку муравленую,

А ножъ-отъ улетѣлъ во стоечку.

(Рыб. III стр. 31).

Устрашились, видно, скорой вы смеретушки.

Отъ суда Божія, родъ, да мы не дѣнемся.

(Барс. Прич. стр. 120).

Фдетъ Алѣша пьянъ, шатается. . .

Говорилъ я тебѣ, Алѣша, наказываль:

Не пей зелена вина,

Не ѣшь сладки кушанья.

Отвѣчалъ Алѣша Ильѣ Муромцу:

Радъ бы я не пить зелена вина

И не ѣсть сладки кушанья,

Напоилъ то меня добрый молодецъ допьяна,

Накормилъ онъ меня досыта
Той шелепугой подорожною.

(Кир. вып. I стр. 9).

Или:

Ты зачѣмъ такъ, чадо, наливаешься,
До сырой то земли все преклоняешься
И за травушку, за ковылушку все хватаешься?
Какъ взговорить добрый молодецъ родной матушкѣ:
Я не самъ такъ добрый молодецъ наливаюсь;
Напоилъ то меня Турецкій царь тремя пойлами,
Что тремя то было пойлами, тремя разными:
Какъ и первое то пойло сабля острая,
А другое то пойло — конье мѣткое было,
Его третье то пойло — пуля свинчатая.

(Сахар. Сказ. т I стр. 240).

Въ послѣдствіи этотъ поэтический образъ смерти повторяется въ пѣснѣ о Суворовѣ:

Мать говорить ему:

Ты почто такъ крѣпко упиваешься,
Съ зелена вина забываешься?

Суворовъ отвѣчаетъ:

Что не самъ то я наливаюсь,
Напоилъ меня злой прущкой король,
Напоилъ меня онъ свинцовымъ порохомъ,
Опохмѣлили онъ изъ мѣдной пушечки,
Что Суворова ли князя на рукахъ несутъ.

(Этногр. сб. вып 6 стр. 206).

Въ казацкихъ пѣсняхъ смерть уподобляется брачному союзу:

Казакъ наказываетъ коню:

Ты скажи моей молодой женѣ,
Что женился я на другой женѣ,
На другой женѣ, мать-сырой землѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое,

Насъ **с**осватала — сабля **о**стр^ая
Положила спать калена стрѣла.

Въ **Б**ѣлорусскихъ *) пѣсняхъ смерть тоже уподобляется опьяненію и браку.

Пришли вѣсци отъ милаго,
Што милый убиты.

Ци ты миленьки упиуся,
Ци зъ коня звалиуся?

(Шейнъ Бр. л. стр. 227).

Сыночикъ мой миленьки!

Куды же выражаешься,

У якую дороженьку?

Къ какой же дѣвонькѣ ѣдешь у сваты?

А твоя жъ веселія не веселая,

А твоя жъ свадьба не пріятная.

(Ш. Бр. стр. 372).

Замѣтимъ при этомъ, что представленіе акта смерти одинаково въ Словѣ и въ Сѣвернорусской поэзіи: Изыславъ Васильковичъ изронилъ жемчужную душу изъ храбраго тѣла чрезъ злато ожереліе. Въ причитаньяхъ Сѣвернаго края этому отвѣчаетъ.

Какъ душа да съ бѣлыхъ грудей выходила,

Очи ясныя съ бѣлымъ свѣтомъ прощались,

Подходила тутъ скорая смеретушка.

(Барс. Пр. стр. 2).

3) Уподобленіе героевъ свѣтиламъ небеснымъ, встрѣчающееся въ Словѣ (хотятъ прикрыти четыре соляца), очень часто встрѣчается и въ Сѣвернорусской поэзіи:

Ой сси ты, багюшка, Владиміръ князь!

А свѣтлое солице нашъ Кіевскій.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 99).

*) Объ уподобленіи смерти брачному ложу у Славянъ См. Котляревскаго (О погреб. Обыч. языч. Слав. стр. 193).

Не красное солнце катилося,
Пошелъ государь, православный царь.

(Пѣсни запис. Джем. Бусл. Хр. стр. 1033).

Вося идетъ грозна туча,
За тучей свѣтель мѣсяцъ,
За свѣтлымъ мѣсяцемъ красно солнышко,
За краснымъ солнышкомъ ясна зоренька,
За ясной зоренькой часты звѣздочки.

Что вося, что вося?

То въ насъ друженька,
Грозна туча то подружничекъ,
Что свѣтель мѣсяцъ—то молодой князь,
Что красно солнышко—то молодая княжна.

(Изслѣд. и Мат. стр. 187 кн. П Этн.)

Самъ то Павелъ—свѣтель мѣсяцъ,
Его жонушка—красно солнышко,
Его дѣточки—часты звѣздочки.

(Шейнъ. Р. п. стр. 391.)

Въ Бѣлорусскихъ:

Ясень мѣсяцъ—самъ Иванька,
Ясна зоря—яго жонка,
Дробны дзвядзы—яго цурки.

[Ш. Бр. п, стр. 46.]

Стояли, свяцили мѣсячки чатыры:
Первый мѣсячка—маладый Василька,
Другой мѣсячка—маладый Паулючокъ,
Треци мѣсячка—млады Захарка,
Четвертый мѣсячка—маладый Иванька.

(Ш. Бр. п. стр. 53).

Уподобленіе смерти помраченію или заходу свѣтилъ небесныхъ есть и въ Словѣ: два солнца померкоста, оба багряная стлѣпа погасоста, а съ нимъ молодая мѣсяца; и въ былинахъ:

А лежитъ же тутъ Добрыня во чистомъ цоли,
А плеча его да испрострѣлены,

Голова его да испроломлена,—

Закатается да младъ свѣтеть мѣсяцъ.

(Гильф. Он. б. стр. 43.)

4) Символика птицъ и звѣрей въ Словѣ таже, что и въ Сѣвернорусскихъ пѣсняхъ.

Въ Словѣ соколъ служить символомъ героя; соколомъ названы въ немъ Игорь и Всеволодъ, далеко зашелшіе въ погонѣ за врагами и прибывающіе птицъ [Половцевъ] къ морю: Святославъ, высоко взбивающій птицъ и не дающій своего гнѣзда въ обиду, Романъ и Мстиславъ, высоко плавающие на дѣло въ бѣсти, какъ соколы на вѣтрахъ и др. Тоже находимъ и въ былинахъ:

Онъ (Волхъ) обернется яснымъ соколомъ,

Полетѣлъ онъ далече на сине море,

А бѣтъ онъ гусей, бѣлыхъ лебедей.

(Рыб. I стр. 14).

Высоко соколъ поднялся

И о сыру матеру землю ушибся.

[Джемсъ Хр. Бусл. 1033].

Не ясенъ соколъ перелетываль,

Не бѣлой кречеть перепархиваль,

Пріѣзжалъ добрый молодець,

Старый казакъ—Илья Муромецъ.

(Этн. сб. вып. 6, стр. 99).

Не ясенъ соколъ со тепла гнѣзда рано слетаетъ,

Молодой казакъ со квартирушки долой съѣзжаетъ.

(Этн. сб. вып. 6, стр. 76).

Пѣсенный герой — добрый молодець (женихъ)—тоже постоянно называется соколомъ:

Не соколъ летитъ по поднебесью,

Не соколъ ронитъ сизы перушки,

Скачетъ молодець по дороженьки.

(Ш. р. п. стр. 302)

На калинушкѣ сидитъ самъ весель соколъ,
Сидѣлъ онъ да посвистывалъ, да жалко выговаривалъ,
Меня, красну дѣвушку, все подговаривалъ.

Ш. р. п. стр. 317)

Сидитъ молодецъ съ дѣвицей,
Какъ молоденькій паренекъ,
Точно ясный соколокъ.

(Ш. р. п. стр. 437)

Въ Слово молодой Владиміръ, котораго Гза и Кон-
чакъ хотять опутать красною дѣвицею, названъ соколи-
чемъ, сокольцемъ, какъ и въ былинахъ мужъ, — Илья Му-
ромецъ говоритъ Владиміру про Данилу Денисьевича:

Изведешь ты янова сокола,
Не пымать тебѣ бѣлой лебеди.

(Кир. в. Ш, стр. 34)

б) Лебедь у пѣвца Слова служить символомъ пѣнія
и звука: Боянъ пуцалъ 10 соколовъ на стадо лебедей и
которой достигалъ, та (струна—лебедь) и пѣснь пѣла.
Половецкія телѣги кричатъ, какъ лебеди разогнанныя. Въ
былинахъ:

Не бѣлая лебедушка прокырчила,
Говорила то Катерина Микулична.

(Рѣб. Ш стр. 137)

Въ пѣсняхъ:

Станетъ (Иванъ) рѣчи говорить,
Точно лебедь прокричить.

(Ш. р. п. стр. 437)

в) Символомъ пѣвца въ Слово служить соловей; Бо-
янъ—соловей своимъ щекотомъ воспѣвалъ славу князей;
соловей же своими веселыми пѣснями возвѣщалъ и появле-
ніе свѣта. Въ Сѣверно-русскихъ пѣсняхъ соловей—пѣвецъ
веселія и онъ же провозвѣстникъ утренняго свѣта:

Посадили его въ клѣточку
Что заставили пѣсни пѣть;
Ужъ ты пой, воспѣвай, мой соловей,

При кручинѣ, спотѣшай молодца,
При великой разговаривай его.
(Ш. р. п. стр. 299)

Соловей въ саду онъ рано вставалъ,
Голосисто пѣвалъ, меня младу разбужалъ.
(Ш. р. п. стр. 458)

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Соловейка, ты добрая пташинька!
Ня щибячи ранюшинька у далини,
Ня будзи моего милого у пырини.
(Ш. Бр. п. стр. 152)

Руби комору щитнюсенька,
Просикай воконце низюсенька,
Кабъ къ намъ солоуи литали,
Кабъ насъ молодыхъ пробужали.
(Ш. Бр. п. стр. 206.)

г) Пареніемъ подѣ небеса сизаго орла выражается въ Словѣ полѣтъ поэтическаго ума или замышленія Боянова. Присущность такого представленія Сѣверно-русскому народу можно засвидѣтельствовать пословицей: „Видомъ орелъ, а умомъ тетеревъ“ (Слов. Доля).

д) Кукушка въ Сѣверно-русскихъ пѣсняхъ всегда является символомъ сироты, или вдовы, или жены, тоскующей въ одиночествѣ, какъ и въ Словѣ одинокая Ярославна хотеть зегзицею — кукушкою, летѣть къ своему ладѣ.

По пѣснямъ, кукушка — побѣдная птица (Гильф. стр. 1276), а побѣдной въ Причитаньяхъ называется вдова:

Покидать меня побѣдную головушку.
(Пр. Бар. стр. 1)

Не кукушка во сыромъ лѣсу куковала,
А жена горевала (Слов. Даля).
Ты объ чемъ, моя кукушечка,
Ты объ чемъ кукуешь?

Одинъ былъ у меня милый другъ,
И тотъ отъѣжаетъ,
Одное меня младешеньку,
Одное меня покидаетъ.

(Ш. р. н. п. стр. 310)

Вскинусь я, взброшусь я
Кукушечкою,
Полечу на свою сторону
На батюшкину.

(Ш. р. н. п. стр. 339)

Не кукуй, кукушка, во сыромъ борочкѣ,
Не горюй, горюша, на сухомъ дубочкѣ,
Не давай назолы молодымъ казакамъ.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 112)

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Ляцѣли пташечки
На три стадочки,
Зязюля напередѣ.
Пташечки сѣли,
Пѣсню запѣли,
А зязюля закуковала:
Мама заплакала.

(Ш. Бр. п. стр. 313)

е) Воронъ служить символомъ жадности, прожорства;
въ образѣ его представляются враги,—по Слову — Половцы,
по былинамъ — Невѣжа богатырь, по Причитаніямъ — смерть.

Илья Муромецъ говоритъ:

Бился, рубился съ Невѣжей богатыремъ,
Летаетъ Невѣжа чернымъ ворономъ.

(Рыбн. III стр. 70)

Добрынь говоритъ мать:

Невѣжа то среди дня летаетъ чернымъ ворономъ:
Берегись ты отъ Невѣжи черна ворона.

(Рыб. II стр. 14 и 16)

Чернымъ ворономъ въ окошко залетѣла (т. е. Смерть.
Пр. Б. стр. 8)

На пути она (смерть) летала чернымъ ворономъ.
(Бар. Пр. стр. 167)

ж) Галки и сороки—предвѣстницы несчастія, служатъ, и по Слову, и по былинамъ, символомъ врага, не-пріятеля и болтливости: въ Словѣ—галицы свою рѣчь говоряхуть, сороки не троскоташа. Въ былинахъ.

Стала тутъ сорока (Маринка) да выщекотывать,
Взяла тутъ сорока выговаривать.
(Гильф. Оп. б. стр. 28)

Въ пословицахъ. Всякая сорока отъ своего язычка погибаетъ.—Сорока даромъ не щекочетъ, либо къ гостямъ, либо къ вѣстямъ.—Сорочій язычекъ болтливый (Слов. Даля). Галки, лѣтая стаями (стады бѣжатъ) по Слову—служатъ еще олицетвореніемъ сборища, толпы людей. Этому отвѣчаетъ въ пѣсняхъ слѣдующее:

Будто галицы летять, за ней старицы идутъ,
По правую руку идутъ сорокъ дѣвицъ,
Да по лѣвую руку другое сорокъ,
Позади ея дѣвицъ и смѣты нѣтъ.

(Др. р. ст. стр. 267)

Пословица: Деньги, что галье, все въ стаю сбиваются (Слов. Даля).

Изъ звѣрей

а) Волкъ служить символомъ быстроты бѣга по землѣ и въ Словѣ, и въ былинахъ.

И обернулся онъ князь Романъ Дмитріевичъ
Сѣрымъ волкомъ запольнимъ.

(Рyb. III стр. 280)

Эпитетъ его по былинамъ—рысучій -- быстрый на бѣгу.

(Рyb. III словарь)

А самъ онъ обернулся сѣрымъ волкомъ,
Это началъ онъ, вѣдь, по полю побѣгивать,
Это началъ онъ по чистому порыскивать.

(Гильф. Оп. б. стр. 328)

б) Тоже значеніе быстрого бѣга имѣютъ въ Словѣ
—пардусъ, какъ названы Половцы, и горностай. Въ При-
читаньяхъ.

Обсиротилъ насъ побѣдныхъ головушекъ,
Да какъ растить то сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ?
Надо подсаки держать да горносталевы.

(Пр. Бар. стр. 13)

Въ былинахъ горностай—символъ щегольской походки:

Не бѣлый горносталь слѣды прометываль,

Ходилъ де гулялъ купавъ молодець.

На имя Чурила, сынъ Пленковичъ.

(Рыб. III стр. 137.)

Названію Половцевъ въ Словѣ пардужимъ гнѣздомъ
соотвѣтствуетъ въ старой рукописи слѣдующее мѣсто:

Буманинь [т. е. Половчинъ] пардось есть (памят
отр. лит. т. II стр. 447).

в) Туръ въ Словѣ—символъ храбрости, силы и бы-
строты: Камо туръ (Всеволодъ) поскачаше, тамъ лежатъ
поганья головы Половецкія. Тоже значеніе его въ были-
нахъ.

Онъ [Волхъ] обернулся гнѣдымъ туромъ золотые рога,
Побѣжалъ онъ къ царству Индѣйскому.

Онъ первый скокъ за цѣлу версту скочилъ,

А другой скокъ—не могли найти.

(Др. Р. ст. стр. 33).

На поглядъ якая турица, а молока мало даецъ (Бѣло-
рус. слов. Носовича).

Различныя формы сравненій, употребленныя въ Словѣ,
всѣ находятся и въ Сѣвернорусской поэзіи.

Въ Словѣ находимъ:

1) Положительное сравненіе, выраженное творительнымъ падежомъ Игорь полетѣ соколомъ, поскочи горностаемъ.

Въ былинахъ.

Царь Афромей Афромеевичъ

Чистыя поля туромъ перескакалъ,

Темныя лѣса сободемъ пробѣжалъ,

Быстрыя рѣки соколомъ перелеталъ.

(Др. Р. стих. стр. 98).

Въ историческихъ пѣсняхъ:

Онъ на кошечко садился сизымъ голубемъ,

Подъ столомъ сидѣлъ Прусской король сѣрымъ котикомъ,

Онъ изъ терема вылетывалъ вольной пташечкой,

На черную грязь садился чернымъ ворономъ,

Во синее море бросался бѣлой рыбицей,

На стровочекъ выплывалъ сѣрой утицей,

На корабликъ онъ садился добрымъ молодцомъ,

По кораблику разстился бѣлымъ жемчугомъ.

(Кир. выц. 9 прим. къ стр. 155).

Подобное сравненіе встрѣчается и въ апокрифахъ о Соломонѣ, куда оно вошло въ давнее время, безъ сомнѣнія, изъ русской народной поэзіи: и царица рече: пойти тебѣ со мною по землѣ, и царь Соломонъ лютымъ звѣремъ догонитъ, а подымѣшь меня на пчелиныя крылья, и царь Соломонъ яснымъ соколомъ долетитъ, а въ водѣ щукою догонитъ (Пам. ст. р. л. вып. III стр. 67).

Въ Бѣлорусскихъ пѣсняхъ:

Язъ къ табѣ милая

Соколомъ ляту.

(Ш. Бр. п стр. 201).

2) Положительное сравненіе выражается при посредствѣ союзовъ и въ Словѣ (аки тури, яко соколъ, рци лебеди) и въ Сѣвернорусской поэзіи:

Конь мой лошадь, аки лютый звѣрь.

Рyb. III стр. 150)

Атаманъ рѣчи говорилъ,
Будто въ трубу трубилъ.

(Др. Р. стих. стр. 295).

Ужъ какъ матушка плачетъ, какъ рѣка течетъ,
Сестра то ли плачетъ, какъ ручьи кипятъ.
Жена плачетъ, какъ роса падетъ.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 88).

3) Послѣдній видъ положительнаго сравненія — это простое сопоставленіе сходныхъ предметовъ, параллелизмъ. Въ Словѣ: солнце свѣтится на небеси, Игорь князь на русской земли. Въ былинахъ:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ,
Одинъ Донской казакъ на святой Руси,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

(Рыбн. III стр. 140).

Въ пѣсняхъ.

Цвѣли, цвѣли цвѣточки, да поблекли,
Любилъ меня милый другъ да покинулъ.

(Этн. сб. в. 6 стр. 70).

Въ Бѣлорусскихъ:

Цемная мгла къ землѣ прилигла,
Наша княгинька ракой прицикла.

(Ш. Бр. п. стр. 466)

4) Отрицательное сравненіе въ Словѣ: А не сороки вътрескоташа, на слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ.

Въ пѣсняхъ великорусскихъ.

А не сильныя тучи затучились,
А не сильные громы грянули,
Куде ѣдетъ собака Крымскій царь.

(Изъ пѣс. Джемса Хр. Бусл. 1861 г. стр. 1033).

Не трубушки трубятъ рано по зари,
То Марыюшка плачетъ по русой кось.

(Этн. сб. вып. I стр. 228).

Не сбуи вѣтры навѣяли,
Не званые гости на дворъ взѣхали.
(Ш. Р. п. стр. 454).

Ни княгиня тутъ идзе, ни боярина,
Тутъ идзе бѣдная горюша съ горацымъ слизамъ.
(Ш. Бѣлор. п. стр. 483).

5) Наконецъ въ Словѣ есть еще положительно-отрицательное сравненіе: Боянъ пускалъ десять соколовъ на стадо лебедей, но онъ пускалъ не 10 соколовъ, а свои вѣщіе персты на живыя струны накладывалъ. Тоже есть и въ Сѣвернорусскихъ пѣсняхъ:

Скачетъ гуздочекъ по ельничку,
Ищетъ гуздочекъ бѣляночку,
Не гуздочекъ скачетъ — дворянскій сынъ,
Не бѣляночки ищетъ — дворяночки.
(Ж. М. Н. Пр. 1837 г. № 2 ст. Макс.)

Ай рано, рано по зарѣ
Поймалъ соловей кукушечку
Не сизу кукушечку — красну дѣвицу.
(Ш. Р. н. п. стр. 465).

По окошку голубъ ходить,
Со голубкою воркуить,
Не съ голубочкой воркуить,
Самъ дѣвочку будить.
(Ш. Бр. п. стр. 233).

Изъ-подъ лѣсу, лѣсу темнаго,
Ишла тучка волочебная.
А не тучка то шла — волочебники.
(Безсон. Бѣлор. п. стр. 3).

Часто встрѣчающееся въ Словѣ тождество (тавтологія), какъ напр.: мосты мостити, думаю сдумати, мыслию смыслити, суды судити, трубы трубятъ — очень обычно и въ Великорусской поэзіи и Бѣлорусской:

Рукой онъ (Илья) коня повель,
А другой началъ мосты мостить.
(Рыбн. I стр. 47).

Яжъ табѣ милая
Мосты мощу.
(Ш. Бр. п. стр. 201).

Въ Москву съѣхавши
Суды судить
Та ряды рядить.
(Ш. Р. н. п. стр. 367).

Юнъ же умѣть да суды судить.
(Безс. Бѣлор. п. стр. 7).

И началъ себѣ думу думати,
Думу думати, думу крѣпкую.
(Кир. I стр. 21.)

Смирная Авдотья на думахъ сидитъ,
Думаетъ Авдотья думу крѣпкую
(Ш. Р. п. стр. 413).

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ,
Авдотья плачетъ Михайловна по русой косѣ.
(Ш. Р. н. п. стр. 454)

Отличительную, характеристическую черту живописи Игорева пѣвца составляютъ постоянныя эпитеты; эти же эпитеты и въ Сѣвернорусской поэзіи обыкновенныя явленія. Въ Словѣ встрѣчаются:

а) сабля острая и красныя дѣвицы или дѣвки; въ пѣсняхъ.

Онъ узялъ, узялъ востру саблю,
Онъ стращаль, стращаль красну дѣвку
(Ш. р. п. стр. 132).

Въ былинахъ:

На бесѣдѣ сидятъ три Татарина,
Передъ ними ходитъ красна дѣвица.
Тутъ ходила, гуляла душа красна-дѣвица.
(Др. Р. ст. стр. 209).

б) волкъ сѣрый, воронъ черный; въ былинахъ:

Нагнало то силушки чернымъ черно,
Сѣрому звѣрю вокругъ не обрыскати,
Черну ворону этой силы не обграяти.
(Рыбн. I стр. 438).

Къ другой то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ.
(Др. Р. ст. стр. 31).

в) орелъ сизый; въ былинахъ:
Ниотколь взялся младъ сизой орелъ.
(Др. Р. ст. 257).

Въ Бѣлорус. пѣсняхъ:

На тымъ древицѣ сидиць пташка,
Сидиць пташка да сизой орелъ.
III. Бѣлор. п. стр. 109).

г) Море синее, гоголь бѣлый; въ былинахъ—ярый:
А не ярые гоголи на синее море выплыли.
(Др. р. ст. стр. 74).

Эпитетъ же бѣлый въ былинахъ придается кречетамъ:
Вотъ тебѣ двѣнадцать ясныхъ соколовъ,
Вотъ тебѣ двѣнадцать бѣлыхъ кречетовъ.
(Кир. II стр. 85).

Въ Бѣлор. пѣсняхъ:

Владыкыны дзѣци
Хочуць поляцѣци
На синая моря.
(III. Бѣл. п. стр. 8).

д) Дружина хоробрая, стрѣла каленая;
въ былинахъ:

Волхъ поиль, кормиль дружину хоробрую.
(Др. Р. ст. стр. 32).

У тугихъ луковъ тетивки накусывалъ,
У каленыхъ стрѣлъ желѣзцы новынималъ.

Обернется Волхъ яснымъ соколомъ,
Звился онъ высоко по поднебесью,
Полетѣлъ онъ далече во чисто поле,
Полетѣлъ ко своей ко дружинѣ хоробрыя.
(Др. Р. ст. стр. 33—34).

А накладывалъ тутъ стрѣлочку каленую,
Стрѣлялъ стрѣлочку во Соловья.
(Гильф. Он. б. стр. 18).

е) Т р а в а з е л е н а я; въ былинахъ:
Выведи меня во чистое поле,
Пусти меня на травы зеленныя,
Накорми меня травой шелковою.
[Кир. III стр. 3].

ж) К о н ь б о р з ы й; въ пословицахъ:
Кто на борзомъ конѣ жениться
Поскачетъ, тотъ скоро поплачетъ [Слов. Даля].

з) З а р я — с в ѣ т ь, въ пѣсняхъ:
Не свѣтъ зорюшка просвѣтилася.
Въ Бѣлор. пѣсняхъ:
А свѣтъ свитаиць, заря займаиць,
Ахъ, рана, рана заря займаиць.
(Ш. Бр. п. стр. 331).

и) З в ѣ р ь л ю т ы й; въ былинахъ.
Конь мой, лошадь, аки лютый звѣрь.
(Рыб. III ттр. 150).

і) П о л е ч и с т о е, ш и р о к о е, в е л и к о е; въ бы-
линахъ:

Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ.
(Кир. II стр. 9).

Въ загадкахъ: Широко поле карагайское, на немъ
много скота тараканскаго, одинъ пастухъ, ровно ягодка.
Велико поле колыбанское, много въ немъ скота астрахан-
скаго, одинъ пастухъ, какъ ясеицеъ. [Слов. Даля].

к) Д о н ь въ Словѣ имѣетъ эпитетъ с и н і й, въ пѣ-
сняхъ — тихій:

Ты прости, прощай, славный тихій Донъ.

(Кир. вып. 10 стр. 104).

При постоянныхъ эпитетахъ есть еще украшающіе эпитеты; въ Словѣ:

а) *Теремъ златоверхій*; въ былинахъ:

Поводить въ свой теремъ златоверховатый.

(Рыб. II стр. 20).

Въ пѣсняхъ:

Во этомъ во тыну

Стоить три терема,

Стоить три терема

Златоверхіи.

(Ш. Р. п. стр. 366).

б) *Струи серебряныя*; въ Словарѣ живаго Великорусскаго языка занесены Далемъ выраженія:

Посеребренные луною струйки, струя мелкоструйчатая, серебряная.

в) *Кровать тисова*; въ пѣсняхъ:

Какъ подъ той ли подъ грушей

Да кровать тесовая,

На той на кровати

Перина пуховая,

На той ли на кровати

Одѣяло теплое,

Лежить мой милый дружочикъ.

[Ш. Р. п. стр. 401].

Да у мяне клѣтка новая,

А кровать тисовая.

[Безс. Бѣлор. п. стр. 41].

Къ живописи рѣчи относятся также разныя изобразительныя обозначенія криковъ звѣрей и птицъ; такія изображенія, встрѣчающіяся въ Словѣ, всѣ есть и въ Сѣвернорусскомъ языкѣ.

Въ Словѣ врани граяхуть, вльци грозу всрожатъ. въ былинахъ:

Чернымъ воронамъ все на граянье
А й сѣрымъ волкамъ все на военье.

(Гильф. Он. б. стр. 917),

Чернымъ воронамъ на пограянье
(Рыб. III стр. 53)

Въ Причитаньяхъ.

Черны вороны таланъ знать приограяли,
(Пр. Бар. стр. 7).

г) *Звѣри свищутъ* [свисть звѣринъ], *соловыи щекочутъ* [пощекоталь]; въ былинахъ.

Защекоталь то по соловьиному

Неужель не слыхаль крыку звѣринаго,

Свисту змѣинаго и щекотанья соловьиного?

(Рыб. III стр. 26).

Въ лѣсахъ звѣри засвистали.

(Рыб. II стр. 137).

в) *Орлы клекчутъ* (орлы клектомъ на кости звѣри зовутъ); въ пословицахъ. орелъ клекчетъ, крови ищетъ. (Даль.)

г) *Туры рыкаютъ*, въ Словарѣ Великор. языка Даля рыканье придается звѣрямъ и приводится загадка. Рыкнулъ волъ на семь селъ, а туръ, какъ извѣстно, есть не что иное, какъ дикій волъ, быкъ (Сл. Даля).

д) *Галицы говорятъ*. Въ Великор. языкѣ это свойство приписывается вообще птицамъ:

Орелъ птица говорящая.

(Рыб. III стр. 391).

Въ пословицахъ. и сорока говорить [Слов. Даля].

е) *Сороки троскочутъ*, въ Великор. яз. сорокъ приписывается сокотъ: сорока сокочетъ, гостей пророчить [Сл. Даля]; сокотать знач. болтать безъ умолку; ему соотвѣтствуетъ тростить повторять одно и тоже: Онъ знай свое тростить (Слов. Даля).

ж) *Лисицы брешутъ*; въ Великор. яз. этотъ эпитетъ придается вообще собачьей породѣ. Собакъ вольно и на свой хвостъ брехать. Въ Бѣлор. п.

Собаки брешутъ прилегаючи,
А вороны кричатъ налетаючи.

(Ш. Бр. п. стр. 499)

з) Дятламъ приписывается *тектъ*. Въ пѣснѣ:

На морѣ дятель онъ плотникъ.

Кажное дерево пытается (т е. тыкая въ него носомъ).

(Гильф. Он. б. стр. 1232).

и) *Лебеди кричатъ* (кричатъ телеги полнощи рчи лебеди роспущени, кукушки кычутъ [зегзицею кычеть]. Въ Великорусской поэзи крикъ прямо приписывается лебедямъ.

Станеть рѣчи говорить,

Точно лебедь прокричить.

[Ш. Р п стр. 437]

Ей же приписывается: кырчать, гыкать и кицать:

Не бѣлая лебедушка прокырчала,

Говорила Катерина та Микулична.

[Рyb. III стр. 137].

Какъ бѣлы лебеди гычутъ.

(Рyb. III стр. 186).

Якъ намъ сястру загукаци?

Ци голосомъ загукаци?

(Ш. Бр. п. стр. 238).

Кицеть, кицеть лебедь бѣлая.

(Ш. Р. п. стр. 556).

Кукушка кукуеть горе вѣщаетъ (Слов. Даля).

Скрипъ или шумъ Половецкихъ телегъ въ Словѣ приравнивается къ крику лебедей; въ былинахъ между тѣмъ этотъ самый скрипъ служить для сравненія съ нимъ богатырскаго соннаго храпа.

Онъ спитъ старый, храпитъ,

Какъ телѣга ордынская гремитъ. (Рyb. I стр. 80).

Въ Словѣ о п. Иг. встрѣчается частое повтореніе однихъ и тѣхъ же выраженій. Это зависѣло вовсе не отъ

бѣдности фантазіи пѣвца, а отъ любви его къ удачнымъ образамъ, которыя, разъ составившись, твердо держатся въ памяти, дѣлаются любимыми и потому часто повторяются и даже обращаются въ пословицы. Въ Словѣ: испить шело-момъ Дону два раза; столько же—ищючи себѣ чти, а князю славы,—О Русская земле, уже за шеломянемъ еси! А Игоревъ храбраго полку уже не кресити.

Три раза—за землю русскую, за раны Игоревы, бугаго Святъславича.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на заборолѣ ар-кучи.

Тоже самое и въ Сѣвернорусской поэзіи; напр. въ пѣсняхъ о Егоріѣ храбромъ по нѣскольку разъ повторяется—

Тутъ Егорій поѣзжаючи,

Святую вѣру утверждаючи,

Бусурманскую вѣру побѣждаючи.

(Безе. Кал. пер. т. I съ 393 стр.)

Описаніе пировъ Владиміра во множествѣ былинь изображается почти буквально одинаковыми красками.

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ

У ласкова князя у Владиміра

Было пированьице—почестень пиръ

На многихъ князей на боярь,

На могучихъ богатырей.

(См. у О. Милл. Илья М. и богат. Кіев. стр. 330).

Наконецъ Слово, не будучи цѣликомъ стихотворнымъ произведеніемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ и довольно правильный стихотворный размѣръ, т. е. болѣе или менѣе однообразное воспроизведеніе по нѣскольку разъ повышений и пониженій голоса, напр. два раза повышается голосъ въ слѣдующихъ строкахъ:

Комони ржутъ за Сулою

Звенить слава въ Кіевѣ,

Трубы трубятъ въ Новѣградѣ,

Стоять стязи въ Путивлѣ.

Или:

Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каалѣ рѣцѣ,
Утру князю кровавыя его раны
На жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Послѣднему четырехстишію, по размѣру, отвѣчаютъ слѣдующіе стихи похороннаго причитанья:

Припадѹ я сиротинушка ко сырѣй землѣ,
Побужѹ я сиротинушка слово то чаду милова.
Разскажѹ я ему свое злодѣй-горе
Какъ живѹ я сиротинушка..

(Ш. Р. п. стр. 562).

Въ другихъ мѣстахъ Слово представляетъ тоже довольно мѣрную рѣчь, но она отличается свободою, чуждою однообразію. Здѣсь чувствуется созвучіе, но одинаковости стопъ нѣтъ. Въ народныхъ произведеніяхъ встрѣчается очень много видовъ подобнаго созвучія (ритма); изъ нихъ въ Словѣ особенно выдаются:

а) Начатіе предложенія тѣмъ же словомъ, какимъ оканчивается предыдущее:

Немизѣ кровави брезѣ
Не бологомъ бяхуть посѣяни,
Посѣяни костью Русскихъ сыновъ.

Въ былинѣ этому соотвѣтствуетъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу.

Или:

Не покину вѣру христіанскую,
Не буду вѣровать латинскую,
Латинскую, бусурманскую.

б) Аллитерація

Съ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя нѣпки
Половецкыя и рассушась стрѣлами по полю помчаша красныя дѣвки // Половецкыя. Или:

По Руской земли рѣдко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто
врани граяхуть, трупіа себѣ дѣлаче, а галицы свою рѣчь
говоряхуть (еще примѣры см. у Вяз. Изслѣд. о вар. стр.
29—30).

в) Постановка глаголовъ въ концѣ:

Заря свѣтъ запала,

Мыгла поля покрыла,

Щекоть славій успе,

Говоръ галичъ убуди..

Или:

Рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити,

А себѣ славы искати;

Нѣ нечестно одолѣете,

Нечестно кровь поганую проліяете;

Ваю храбрая сердца въ жестоцѣмъ харалузѣ скована,

А въ буести закалена.

Всеславъ князь людемъ судяше,

Княземъ грады рядяше,

А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.

г) Постановка глаголовъ въ началѣ:

Стоиши на борони,

Прыщещи на вои стрѣлами,

Гремлещи о шеломахъ мечи харалужными.

Какъ этимъ видамъ ритма, такъ и многимъ другимъ, находящимся въ Словѣ и дѣлающимъ рѣчь его благозвучною, можно поставить въ соотвѣтствіе художественный рассказъ „о встрѣчѣ Петра I. съ Шведскимъ королемъ на Ладожскомъ озерѣ“ Этотъ рассказъ, хоть и не стихотворный, но представляетъ рѣчь очень благозвучную, весьма близко подходящую къ музыкальной. Издатель этого рассказа — Е. Барсовъ *) справедливо замѣтилъ, что въ русской повѣствовательной литературѣ ему подобно только Слово о п. Иг.

*) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ. Сѣв. Края, Е. Барсова (Москв. 1872 г. и Рус. Б. 1872 г. № V).

„Досюль, еще насъ на свѣтѣ не было да и дѣды дѣдовъ нашихъ не были да на свѣтѣ не жили, ¹⁾ а и народа то на земли была малость мальская, цари въ ту — поръ дѣлили межъ собой владѣнія. Въ ты поры давнія, наше мѣсто ни завѣдомо было ни царемъ, ни бояриномъ, ни лихимъ челоуѣкомъ удалымъ, ²⁾ а въ лѣсу звѣря разводило ся, что ни кустъ — лисица съ куницею, что ни пенъ — медвѣдь съ волчищемъ; а и рыбы на плодилос я, хошъ рукой и май, аль карцомъ черпай. ³⁾ Полюбилося то наше мѣсто, привольное царю свейскому А и Пѣтра руской царь запримѣтилъ, что ручьи у насъ глубокіе, рѣки долги — широкія, ⁴⁾ а морямъ и нѣтъ конца, да и жить у воды способнія; снарядится самъ на поиски на своей лодки крашеной, серебромъ пораскладеной, золотымъ рулемъ приправлено й, съ боярами да вельможами. А Свейской — то царь заспѣсывался, не поѣхалъ самъ, а послалъ за себя начальниковъ въ полонъ забрать ему воду съ рыбою и лѣса со звиремъ всякимъ, чтобъ владѣть ему по вѣки. ⁵⁾ Ъдетъ — катитъ Пѣтра царь на поиски по морю Ладожскому, на лодкѣ съ боярами, да съ вельможами, а и самъ сидитъ въ кормѣ, золотымъ рулемъ поворачиваетъ, а стрѣчу ему какъ разъ и есть супостатъ въ лодкахъ писаныхъ съ шелковой покрывкой алоу.

„Не ясенъ соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую; не лебедь смутилъ воду синюю, — то летять, воду рубять лодки свейскія на цареву лодку крѣпкую, съ шумомъ, свистомъ порываючисъ, въ мелкой черень искрошить хотять цареву лодку дубовую. Не стерпѣлъ тутъ русскій царь, понасунился, очи ясныя поразсвѣтились и румя-

-
- 1) Глаголы въ концѣ.
 2) Прилагательныя въ концѣ.
 3) Глаголы въ концѣ.
 4) Прилагательныя въ концѣ
 5) Аллитерація.

нецъ сталъ во всю щеку; а и крикнетъ онъ баръ—вельможамъ своимъ. поубавимъ что ли спѣси у Свейскаго царя? Силой ли стубить ихъ, аль пустить съ бѣлымъ валомъ пучинистымъ? Промолвили тутъ бояра: а и что, царь, брать грѣха на душу хотъ и некрещеную, да человѣческую, пусть они умрутъ отъ витра—сивера, да валовъ разсыпчатыхъ. Лишь промолвили бѣяра, какъ тутотка взялъ царь—отвязалъ отъ ремня золотой рожокъ, протрубилъ на всѣ стороны громкимъ голосомъ. Разносился голосъ по морямъ далекимъ, по водамъ темнымъ. Становилась вдругъ тѣмень Божія, собиралися вѣтры въ тучу густую, расходились воды ярыя—валь вала подталкиваетъ, гребни—вѣтры имъ подтягиваютъ. Налетѣлъ вѣтеръ, посрывалъ покровы алые, побросалъ платье по морю, ⁶⁾ а тутъ нагнала ихъ вода ярая—валь живой горой идетъ—тянется, бѣлымъ гребнемъ отливается. ⁷⁾ Подошелъ тутъ первый валь, приподнялъ стѣйма лодки свейскія, ⁸⁾ а второй валь понакрѣнилъ ихъ, а и третій ужъ какъ тутъ и былъ—захлеснулъ на вѣкъ начальниковъ. ⁹⁾ Разступилась вода на двое, ушли камнемъ въ топь глубокую ¹⁰⁾ души грѣшныя, некрещеныя.

Съ той поры давней на Ладожскомъ по кажиной годъ на томъ мѣстѣ тонетъ человѣкъ—душа крещеная: собираютъ то силу утопшіе на войну съ Петромъ царемъ.

Въ послѣдней части рассказа два періода, въ первой части каждого слышится повышение голоса съ глаголомъ въ началѣ нѣсколькихъ предложеній, во второй понижение съ глаголомъ въ концѣ. Такое же движеніе голоса замѣчаемъ во многихъ мѣстахъ Слова о п. Иг., напр. въ повѣствованіи

⁶⁾ Глаголы въ началѣ.

⁷⁾ Повышеніе.

⁸⁾ Пониженіе.

⁹⁾ Повышеніе.

¹⁰⁾ Пониженіе.

ни о Святославѣ Кіевскомъ: притрепетать своими сильными полки, наступи на землю половецкую, взмути рѣки и озера, иссуши потоки и болота [повышеніе], а поганого Кобыка изъ лукуморя отъ желѣзныхъ великихъ плѣковъ Половецкихъ, яко вѣтръ выторже [пониженіе]. Поютъ славу Святославу, каютъ князя Игоря (повышеніе), иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, русскаго злата насыпаша (пониженіе).

Въ заключеніе нужно сказать, что и всѣ тѣ слова въ Словѣ, которыя, по мнѣнію Максимовича (Ж. М. Н. Пр. 1837 г.) и Прыжова (Фил. Зап. 1869 г.), составляютъ принадлежность только Малорусскаго нарѣчія, встрѣчаются и въ Сѣвернорусскомъ, — таковы:

1) Т у г а, встрѣчающееся въ Остр. Ев. въ значеніи тоски, есть и въ великор. пѣсняхъ: чужая сторона, она тую орана, слезали засѣяна (Слов. Даля), въ Бѣлор. н.: туга на сердцу лежиць (Слов. Носов.).

2) С м а г а, въ Велик. н. грѣшники въ аду въ смагѣ висятъ, да въ смолѣ кипятъ (Слов. Даля); въ Бѣлор. н.: смага — сухость губъ, или накипь на губахъ отъ жару, трудовъ и болѣзни, жажда (Ш. Бр. п. Слов.). Губы смагою покрылись; дай воды смагу прогнаць (Слов. Носов.).

3) Я р у г а, въ Тульской г. буеракъ, оврагъ, ручей въ оврагѣ (Сл. Даля).

4) Ж и р ъ въ значеніи довольства, богатства, очень употребительно въ Великор. н., чему доказательствомъ служить много пословицъ (см. Слов. Даля): на чужомъ жиру не далеко уѣдешь. Въ Сѣвер. причит. употребляется въ значеніи вообще житья-бытья и дома.

Вѣдь ты растишь сиротныхъ также дѣтушекъ,

Во маетной, во бобыльской растишь жирушкѣ.

(Б. пр. стр. 10).

Большака нѣту ко дому настоятеля,

Ко крестьянской нашей жирушкѣ правителя.

(Б. пр. стр. 14).

Ты зови да ихъ во крестьянскую во жирушку,
Ты къ себѣ проси ихъ въ домъ на угощеніе.

(Б. пр. стр. 297).

Ваша думушка, родители, часовая,

Мнѣ же жирушка, желанные, вѣковая.

(Рыб. III стр. 353)

Но въ Причитаньяхъ жирушка употребительно и въ значеніи довольства, богатства.

Видно, въ живности, надежная головушка,

Ты въ прохладной живешь да видно жирушкѣ.

(Барс. Пр. стр. 9)

Въ Палеѣ—о жири ся—разбогатѣль.

(Весел. о Сол. и Кит. стр. 81)

Въ Бѣлор.: жируется въ чужомъ добромъ (Слов. Носов.).

5. Болонъ въ Вр.—предмѣстье, слобода, околица, обополье (Слов. Дал.); въ Бр. обширное, открытое мѣсто при селеніи, или въ полѣ, поляна. Пусти меня на болону (Сл. Носов.).

6. Припѣшать. Соколь съ обрубленными крыльями называется пѣшимъ: ужъ пѣшь ходитъ младъ ясенъ соколь. (Пам. В. н. стр. 113)

7. Котора—вражда, ссора, распря, довольно употребительно теперь на сѣверѣ, съ производными котораться, коториться, которливый, которникъ и которница (Слов. Даля).

8. Трудъ—въ значеніи болѣзни, печали на сѣверѣ очень употребительно (Сл. Дал.). Трудный въ Прич. (Бар. Сл.) значить близкій къ смерти; въ Бѣлор. трудный кромѣ обыкновеннаго значенія, —еще—скучный, досадный, неспосный (Сл. Носов.).

9. Цвѣлити: Почто нынѣ разцвѣли (огорчила) сердце мое? (Тих. Отр. лит. т. I стр. 50); расквелю дѣти своя (Весел. о Солом. и Кит. стр. 86). Въ Тверск. губ. Цвѣлиться — плакать о дѣтяхъ (Слов. къ Сл. Тихонр.);

въ большой же части сѣверныхъ губерній—квелить—дра-
знить, сердить, не давать покою (Слов. Дал.); кволенькій
— печальный, жалостный (Тург. Нов. стр. 215).

10. Сулиця—употреблялось на сѣверѣ въ XIII в.
въ догов. грамотѣ Смоленскаго князя съ Ригюю.

11. Хотѣ—въ Словѣ жена, по дохристіанскимъ по-
нятіямъ, въ христіанскій періодъ древней Руси понятію
законной жены давалось названіе водимой, а наложницы
—хоти (Обол. Лѣт. Пер.-Сузда. стр. 86).

Съ послѣднимъ значеніемъ слово хотѣ и теперь упо-
требительно въ Вр. яз.—въ Арх. Ирк. г. въ значеніи лю-
бовницы (Слов. Тихонр. при Сл.).

12. Лада—мужъ. Въ пѣсняхъ:

Я сама пойду,

Милу ладу найду.

Въ былинахъ:

Гой еси ты мой любезной ладушка,

Молодой Дунай, сынъ Ивановичъ.

(Др. стих. стр. 68)

Въ причитаньяхъ:

Ой, не дай Боже Господи

Какъ синя моря безъ камышка,

Какъ чиста поля безъ кустишка,

Также жить бѣдной горящицѣ

Безъ тебя да мила ладушка.

(Прич. В. стр. 36)

13. Комонь—въ Влр. н. очень часто употребляет-
ся; въ былинахъ:

Добры комони стоятъ, все не ѣздятся.

(Рyb. П стр. 104)

Будемъ держать да добрыхъ комоней.

(Гильф. Оп. б. стр. 197)

Въ пѣсняхъ:

Подошло куманей,

Чтобъ покрали комоней. (Ш. р. н. стр. 408)

Стояли комони, пошибши головы,
Не ѣли комони сѣна зеленого, овса ядренаго,
Не пили комони воды студеной,
Слышали комони дальнюю дорожку.

(Ш. р. п. стр. 563)

14. Стягъ въ Вкр. больше въ значеніи длиннаго
шеста, потомъ кабацкаго флага: кабаку-то стягъ, валится
всякъ; наконецъ военного знамени: языкъ стягъ — дружину
водитъ (Слов. Даля).

15. Къ метъ Вкр. парень, крестьянинъ (Слов. Даля).

16. Шеломя очень часто въ былинахъ:

Пріѣзжалъ ли Ермакъ Тимофеевичъ —
Со тоя горы, со высокія,
Со того шеломя со оскатнаго.

(Рyb. I стр. 104)

Пойдешь ты на шеломя на окатисто,

А по русскому на гору да на высокую.

(Данил. Игн.)

17. Челка — въ Вкр. н. у лошадей — волоса между
ушами на лбу:

Целка у него съ коня была до ноздрей.

(Рyb. II стр. 137)

18. Ратай въ былинахъ очень часто:

Оретъ въ полѣ ратай понуѣиваетъ,

Сошка у ратая поскрипываетъ.

(Рyb. I стр. 18)

19. Година въ Вкр. Тяжкая была година, прихо-
ди вечерней годиной, подъ злую годину (Слов. Дал.); въ
Бѣлор. годзина — часъ Ш. Слов. къ Б. п.).

20. Креси́ти въ Вкр. Упрямаго креси, а онъ въ
могилу лѣзетъ (Слов. Дал.).

21. Бре́шутъ есть и въ Влкр. и Бѣлор. Пе-
стрыя ворота изъ-подъ собакъ бре́шутъ (Слов. Даля).
На вулица курта бреше (Ш. Вр. п. стр. 272).

22. Р а с с у ш а с ь кор. су=сов; въ Вкр.

Куда весь народъ разсозался? (Слов. Дал.)

И тутъ воры разбойники испугалися

По дикой степѣ разстрѣлялися. (Кир. I стр. 21)

Втапоры Настасья засовалася,

Хочетъ прямо скочить. (Др р. ст. стр. 137)

Къ этимъ словамъ прибавимъ еще такія изъ найденныхъ нами въ сѣвернорусскихъ памятникахъ языка, которыя, встрѣчаясь въ Словѣ, рѣдки въ литературномъ языкѣ, или употребляются въ послѣднемъ въ иномъ значеніи, или же наконецъ созвучны съ непонятными или недостаточно уясненными словами въ Словѣ:

а б ы — чтобы (Слов, къ Бр. п. Ш.)

а к с а м и т ь:

На старомъ шубочка соболя была

Подъ дорогимъ подѣ зеленымъ подѣ самитомъ.

(Рыб. III стр. 122)

Въ Бѣлор. а к с а м и т ь (Слов. къ Бѣлор. п. Ш.)

Б о с у в и, Б у с о в о:

Согніетъ нонь цвѣтно платице,

Забусіють жемчуги нонь перебранные.

(Бар. Пр. стр. 120)

Котора была мѣдь аравитская,

Никогда они ни бусѣла и не ржавѣла.

(Гильф. О. б. стр. 1169)

Г р и д н и ц а и нечестно:

По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ.

(Кир. III стр. 4)

Б е з ч е с т н о:

Марьи пѣсенку не безчестно слышати.

(Ш. р. п. стр. 471)

Нечестно за столомъ сидитъ,

Нечестно хлѣба съ солью ѣсть,

По цѣлой ковригѣ за щеку мечеть...

(Др. Р. ст. стр. 130)

Дунай въ значеніи рѣки вообще:

Отъ краснаго города отъ Волынца,
По привольной рѣкѣ по Дунаеви,
Идетъ удалый добрый молодець,
Боярскій сынъ, Дюкъ Степановичъ
Ко Святому граду, ко Киеву.
(Рыб. II стр. 130)

Протекала Дунай рѣка
Ко городу ко Киеву.
(Рыб. II стр. 50)

Вы пойдете на Дунай вѣнки бросать—бросьте и мой,
Какъ всѣ вѣнки посверхъ воды—а мой потонулъ,
Какъ всѣ мужья изъ Москвы пришли—а мой не
бываль.
(Ш. р. п. стр. 397)

Послала мяне маци
На Дунай воды браци.
(Ш. Бр. п. стр. 119)

Черезъ Дунай досочка
Тонка, гибка ляжала,
Никто по ней ня ходзиць,
На Дунай слезъ ня рониць.
(Бр. п. III стр. 136).

З а с а п о ж н и к и. Засожникъ-охотничій ножъ, но-
симый въ сумочкѣ, пришитой къ голенищу, въ Нижегород.
г. Макар. уѣзд. (Ш. Доп. къ Сл. Д.)

З е г з и ц а—кукушка.

Налетятъ да птички ластушки,

Сѣры малыя загозочки.

(Прич. Б. стр. 29).

Боровая зязюлька!

Чаму рано ня кукуешь?

(Безс. Бѣлор. п. стр. 158).

З в о н ъ слыша:

Звонили звонны—въ Данковѣ градѣ.

Звонили звонны—свѣтъ Марья душа.

Мимо ѣхалъ Иванъ господинъ,

Звону ея онъ заслушался,

Красоту ея онъ засмотрѣлся.

(Ш. Р. п. стр. 468).

К а р о в а т ь (?) цѣловаться молча.

(Прич. Бар. слов.)

К о л и когда, въ Влкр. народ. языкѣ почти по-
стоянно вм. когда.

Коли жъ ты спишь,

Такъ Богъ съ тобой.

(Ш. Р. п. стр. 391).

Коли разойдуся....

Якъ заря у поли погасниць.

(Ш. Бр. п. стр. 485)

Б р ы л ь ц а—плечи, спина.

(Колос. Зам. о яз. и нар. п. № 4 стр. 79).

Л е л ь я т ь:

Разлилась, разделѣлась

По лугамъ вода вешняя,

Унесло, улелѣяло

Чадо милое, дочь отъ матери.

(Сахар. Ск. I стр. 142).

А лелѣйка сполелѣй да сине море,

А какъ не долго синю морю лелѣявати.

(Рыб. III стр. 452).

Какъ вешняя вода по лугамъ разливалась,

Облелѣяла сила поганая

Вокругъ острогу Комарскаго.

(Др. Р. ст. стр. 223).

Тамъ на морѣ дый на сининькимъ,

Лелѣя вода на морѣ.

(Ш. Бр. п. стр. 122).

Лукуморя:

Изъ-за славна синя моря Волынскаго,
Изъ-за того Кадоляскаго острова,
Изъ-за того лукоморья зеленаго.

(Руб. I стр. 318).

Лѣпый—красивый въ Олонецк. губ. (Этн. сб. вып. 6 стр. 11).

Море вм. озеро:

Да ты дайко теперь Боже, дайко Господи!

Тиху тишиньку на синемъ на Онѣгушкѣ,

Благодать да ты на кругломъ этомъ морюшкѣ.

(Б. Пр. стр. 254).

Насадъ—большая лодка (Этн. сбор. вып. 6 Слов. Ол. г. стр. 14).

Незнаемъ:

Прилетали перелетны малы птиченьки,

Малы птиченьки летѣли то незнаемья.

(Бар. Пр. стр. 26).

Отня стола...

Не храбры сыновья растутъ безъотніи.

(Бар. Пр. стр. 2.

Желѣзніи папорзи....

Поперсье—нагрудникъ у сѣдла (Этн. сб. вып. 6 стр. 28)

У тебя, кормилецъ батюшка,

Знать, съ укладу сердце складено,

Со желѣза груди скованы.

(Б. Пр. стр. 53).

Полозію ползоша (В. Мил. ?)

Полазь—змѣй, по повѣрію жителей Уваровской станции на берегу Иртыша, оставляетъ послѣ себя тропу бакъбы выжженную огнемъ.

(Этн. сб. вып. 6 стр. 125).

Порось ? быкъ.

(Бар. Пр. Слов.)

П у т и н ы ж е л ѣ з н ы :

Связали Михайла ручки бѣлыя
Во путыни шелковыя,
Какъ расправиль Михайла ручки бѣлыя,
Поразломали путыни шелковыя.

(Рыб. III стр. 110 111)

Р а с п у щ е н и отъ распудить.

... у н у д и т ь с я въ Тверск. г. испугаться (Эти. сб. в. I
стр. 246).

... п у д з и ц ь—пугать (Ш. Слов. къ Бѣр. п.).

Р а н о позвониша заутреню, р а н о плачетъ.

Рано зазвонили къ заутрени.

(Др. Р. стих. стр. 152).

У н я д з е л ю рано

Жана мужа пропытала.

(Ш. Бр. п. стр. 253).

Р ы с к а т ь—поганые нарищуще—въ знач. скоро, быстро
набѣгать—въ Влкр. очень употребительно.

У кого конь порыскачае?

(Кир. I стр. 8)

Это началъ онъ по чистому порыскивать.

(Гильф. О. б, стр. 328).

Р ѣ ч ь г о в о р я х у т ь :

Дѣвица съ молодцемъ рѣчи говорила.

(Др. Р. ст. стр. 259).

О в л у р ь с в и с н у з а р ѣ к о ю :

Иванъ свищиць

Коней ищиць

Хочиць ѣхаць

Ды за рѣчоньку (Ш. Бѣл. п. стр. 169).

С в ы ч а й :

Тутъ спускалися они съ добрыхъ коней,

Какъ Илья свыченъ, догадливъ былъ.

(Рыб. I стр. 83).

Смысленный—

На словахъ была побѣдна смысловатая,
Разговорная съ народомъ, людмы добрыма.

(Бар. Пр. стр. 280)

Софiя—вообще большая церковь.

Его мощи лежать въ каменной Москвѣ

У чудной Софiи премудрыя:

У того ли то у Ивана у Великаго

Завсегда звонять во царь-колоколь.

(Др. Р. стих. стр. 71)

Стремень:

Вязалъ Соловья Рахматова

Онъ ко лѣвою ко стремени.

(Гильф. Он. б. стр. 18)

Хоботы:

Хоботы металл по темнымъ лѣсамъ...

(Др. Рус. стих. стр. 271)

На этомъ ли сараѣ колесистомъ,

На этомъ ли дворѣ хоботистоемъ...

(Бар. Пр. 21 стр.)

Тебя брали во кружки да хоботистыи (хороводы, извивающіеся подобно хвосту Б. Пр. стр 93); ухоботье —охвостки колосевъ

Хутить? хоронить (Пр. Бар. Слов, и Этн. сб. в. 6 Слов. Ол. г.)

Чаюшка—водоплавна (Гильф. Об. 1232).

Это не оправдываетъ перестановки, сдѣланной г. Потбнею: чайцами на вѣтрѣхъ (Ф. З. 1878 г. II, 127).

Чернядь—жирная черная утка въ Арх. г. (Ш. доп. къ Сл. Дал.).

Чили:

Чи спишь ляжишь, аль спочиваешь?

(Въ Псков. г. III. Р. п. стр. 391)

Слауный пане Иванька!

Ци спишь, ляжишь,

Ци отпочиваешь?

(Ш. Бр. п. стр. 45)

Ч р ь л е н ь. На томъ на черленомъ корабль...

(Рыб. I стр. 318)

Исполадимъ ка насадъ черлений.

(Рыб. II стр. 278)

А увидѣли козаки тѣ корабли червленные (Др. Р. ст. стр. 74).

Чирвонныхъ ягодокъ ня урожу...

(Ш. Бѣлор. п. стр. 195).

Ш е л о м ь:

Полагала шеломъ на буйну голову.

(Рыб. I стр. 350).

А и гой еси, сударыня матушка!

А не пеленай во пелену червчатую,

А не пояси въ поясья шелковыя, —

Пеленай меня, матушка,

Въ крѣпки латы булатные,

А на буйну голову клади златъ шеломъ.

(Др. Рус. ст. стр. 31.)

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ ВО II ВЫПУСКѢ.

Напечатано:	должно быть.
Стр. строк.	
12—19 напечаталибъ - - - - -	- напечатали бы
13 - 32 въ палеографическихъ - - -	- палеографическихъ
15—27 исьмо - - - - -	- письмо
18— 2 тогда - - - - -	- (тогда
— 20 всего - - - - -	- сего
19—18 Помѣтокъ - - - - -	- Попытокъ
23—23 стренмень - - - - -	- стремень
24 --34 рассушя ^c - - - - -	- рассушя ^c
25—15 япончицами - - - - -	- япончицами, Яро- слову (не опечатка ли?)
27—11 страиъ - - - - -	- страия
28-- 1 Володимира (1) - - - - -	- Володимира (1), Владимира (4), воронъ (1)
30—послѣ 10 строки пропускъ -	- щ вм. ж: розпущени.
58—16 нужно - - - - -	- пужно бы
71— 1 Точно также и пр. нужно бы	- напечатать съ но- вой строки.
84 - 21 Въгрожать - - - - -	- въсрожать
88—35 Канины - - - - -	- канины
89— 2 канины - - - - -	- Канины
109—12 и здѣсь - - - - -	- здѣсь
117—23 Всеславъ - - - - -	- Всеславъ
124—23 угубъ - - - - -	- сугубъ
126—32 Затво и - - - - -	- Затвори
130— 8 въ Словѣ - - - - -	- въ словѣ—
132—14 Святославилча - - - - -	- Святославлича
135—15 Словъ - - - - -	- Словъ и
136— 5 втрое - - - - -	- второе

137—17	о Мамаевомъ	-	-	-	-	о Мамаевомъ
140—10	Половетція	-	-	-	-	Половетція
144—21	земля...	-	-	-	-	землю....
145—26	Стри божі	-	-	-	-	Стрибожі
150 11	земямъ	-	-	-	-	землямъ
151—16	притопташися	-	-	-	-	притопташеса
157 6	солице	-	-	-	-	солице
162— 6	въ другихъ,	-	-	-	-	въ другихъ;
163—20	каріантовъ	-	-	-	-	варіантовъ
164— 2	Въ заключеніе	-	-	-	-	Въ заключеніи
165— 4	однаковъ	-	-	-	-	одинаковъ
168—17	выраженіями въ	извѣстныхъ	выраженіями.	Въ из-		
	ему		вѣстныхъ	ему		
— —19	произведенія;	-	-	-	-	произведенія,
168—34	съ Донцами,	-	-	-	-	съ Донцемъ,
173—20	вилики ^м	-	-	-	-	великим ^м
180 — 6	Не стотря	-	-	-	-	Не смотря
182—23	у ариша	-	-	-	-	удариша
196—16	скликаючи	-	-	-	-	скликаючи
186—17	крупа	-	-	-	-	трупа
— — 1	п омутиѣніемъ	-	-	-	-	помутиѣніемъ
199—29	на Вогу	-	-	-	-	на Вагу

ПОПРАВКИ КЪ 1-му ВЫПУСКУ.

Стран. Строки.

55 —	съ 11-й строки „и что лучше,“	)	вовсе не нужно.
	по 14 „версть“	- - - -)	
—	33 вѣ. Знаніе Сербскаго яз-)	Пониманіе духа	
	ка - - - -	нужно:)	Сербскаго языка.

81.265
2
P
6r $\text{ш } 5(2=\text{yk})33$
C-506

БГ $\frac{016/8}{C-506}$